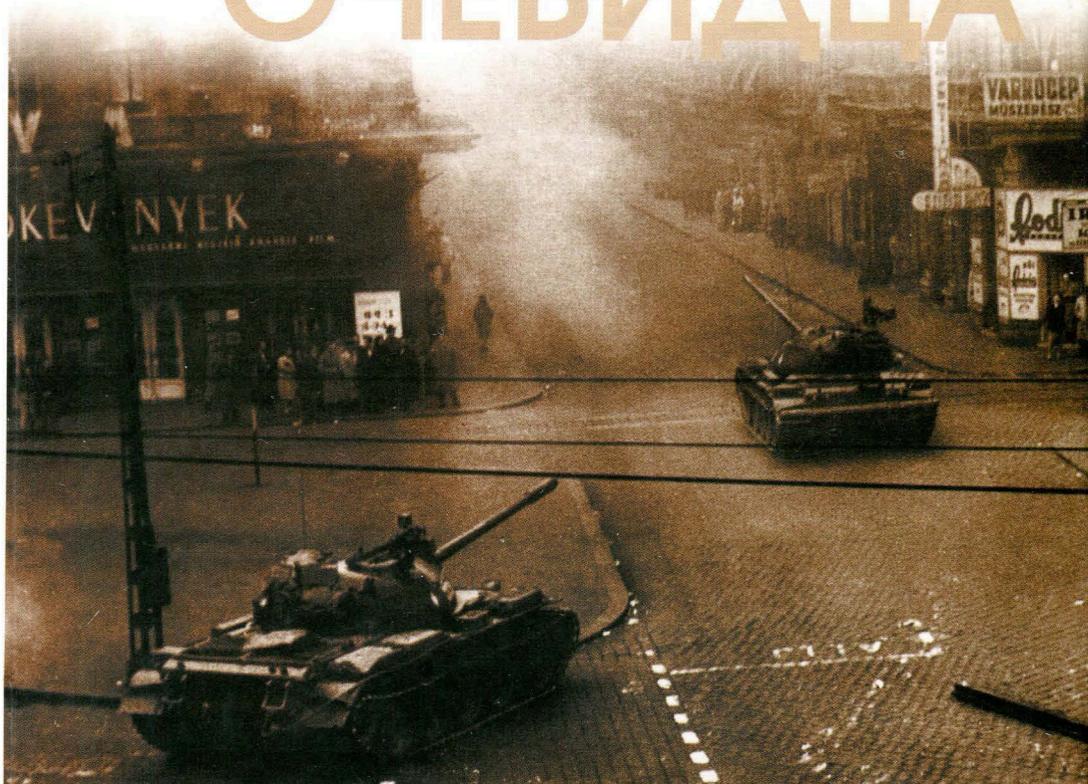

1956 ВЕНГРИЯ ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА

В. С. Байков

В. С. Байков

1956 ВЕНГРИЯ ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

В. С. Байков

1956
ВЕНГРИЯ
ГЛАЗАМИ
ОЧЕВИДЦА

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2016

УДК 94
ББК 63.3
Б 18

Ответственный редактор: *В. В. Молчанов*

Редактор: *Е. В. Шмелева (Байкова)*

Редактор: *В. В. Байков*

Предисловие: *Е. В. Шмелева (Байкова)*

Послесловие, примечания и биографический справочник
подготовлены *А. С. Стыкалиным* (Институт славяноведения РАН)

Рецензенты:

д.и.н. *А. С. Степанов*, к.и.н. *Б. С. Новосельцев*

Б 18 Байков В. С.

1956. Венгрия глазами очевидца. — М. ; СПб. : Нестор-История,
2016. — 152 с., ил.

ISBN 978-5-4469-0966-7

Воспоминания Владимира Сергеевича Байкова, переводчика и референта ЦК КПСС, выходят через 60 лет после драматических событий, произошедших на многострадальной венгерской земле. 23 октября 1956 года началась, как тогда клеймила это советская пропагандистская машина, «контрреволюция», а после переосмысления всех обстоятельств ее стали называть «народным восстанием». Книга Владимира Байкова, который в те тяжелейшие дни находился постоянно рядом с новым руководителем Венгрии Яношем Кадаром, поможет еще глубже понять логику действий советского и венгерского руководства, а также трагизм последствий принятых ими решений.

*Фотографии из семейного архива В. С. Байкова,
а также из открытого венгерского интернет-ресурса Fortepan
<http://www.fortepan.hu/>*

ISBN 978-5-4469-0966-7

9 785446 909667

УДК 94
ББК 63.3

© В. С. Байков, наследники, 2016

© Издательство «Нестор-История», 2016

Об авторе

Многие социологические опросы, проведенные в Венгрии, дали неожиданный результат: самым популярным политическим лидером XX века венгры называют Яноша Кадара. Когда в ноябре 1956 года он был доставлен в Будапешт на советском танке, его многие восприняли враждебно. Спустя тридцать лет на его похороны пришли сотни тысяч благодарных венгров.

В. С. Байков

Эта книга воспоминаний посвящена первым годам политического становления Яноша Кадара как руководителя страны и раскрывает многие интересные моменты того сложного периода.

В начале ноября 1956 года по приказу советского руководства референт ЦК КПСС Владимир Байков был срочно направлен в Венгрию, где фактически работал в ближайшем окружении венгерского лидера Яноша Кадара в самые тяжелые дни венгерского восстания.

Конечно, можно соглашаться или не соглашаться с его оценками тех или иных персонажей, событий, описываемых в книге, но они исходят от человека, побывавшего по стечению обстоятельств в самой гуще событий шестидесятилетней давности.

Владимир родился в многодетной семье, у него были две старшие сестры. Трудиться начал рано — в тринадцать, приписав пару лет, чтобы приняли на работу на завод «Динамо». Совсем мальчишкой стал одним из кормильцев семьи.

Интерес к литературе, к письму у него проявился еще в школе и сопровождал всю его жизнь. Заметки Владимира Байкова стали выходить в различных печатных изданиях: сначала в заводской многотиражке, затем в газете Электротехникума, где он учился, совмещая учебу с работой. В 1935 году он поступил на отделение прозы Литературного университета (ныне Литинститут

им. А. М. Горького), работал ответственным секретарем журнала «Электротяга». Потом была «Пионерская правда», а в 1939 году после окончания университета Владимир Сергеевич начал писать кандидатскую диссертацию о творчестве Джека Лондона. Для этого он даже поступил на вечерний факультет иностранных языков педагогического института и выучил английский.

Впереди была интереснейшая работа редактором отдела литературно-драматических программ Всесоюзного радиокомитета при Совнаркоме СССР. Однако творческие и жизненные планы перечеркнула Великая Отечественная война. Летом 1941 года он пошел в ополчение, стал курсантом Московского пехотного училища им. Верховного Совета РСФСР, участвовал в битве под Москвой. Получил тяжелое ранение, но вскоре опять встал в строй. Во время войны он служил в артиллерии, а после очередного ранения вернулся к своей профессии журналиста: стал редактором дивизионной газеты, военным корреспондентом, инструктором политотдела 1-й ударной Армии.

День Победы, 9 Мая, уже старший лейтенант Владимир Байков вместе с частями Советской армии встретил на улицах освобожденной Праги. За мужество, за нелегкий боевой путь государство наградило его двумя орденами «Красной Звезды» и пятью медалями.

Как Владимир Байков после войны попал в Венгрию, выучил трудный язык, оказался свидетелем венгерских событий 1956 года и подружился с Яношем Кадаром, читатель узнает, прочитав эту книгу.

Елена Шмелева,
дочь В. С. Байкова

Предисловие

На этом свете я прожил 85¹ лет, из которых последние 50 лет волею судьбы душой и сердцем был прикован к Венгрии, много работал в этой стране, но и потом, живя в Москве, постоянно соприкасался с радостями и горестями венгерского народа. И только теперь я решил рассказать о событиях, которые наблюдал, и о людях, которые мне встречались. Мои воспоминания за давностью лет могут быть в чем-то неточны в оценках, возможно, субъективны, излишне эмоциональны, но я постарался передать картины венгерской жизни минувших лет по возможности близко к действительности, хотя на оценки этих событий наложил, конечно, и мой жизненный опыт. И, как зачастую бывает у пожилых людей, происходит процесс пересмотра былого в своих поступках, действиях и воззрениях, определяемых веяниями века, происходит переосмысление событий в долгих раздумьях или под влиянием вновь открывшихся исторических фактов и неизвестных ранее архивных документов.

Встреченные мной за полвека лица и деятели различных должностей и рангов, со своими индивидуальными особенностями, характерами и поступками — продукт своего времени, и я попытался это тоже отразить. Но ведь и я сын своего века, почти его ровесник или, как раньше говорили, «продукт невероятно бурной эпохи» с ее взлетами, падениями, успехами, радостями и трагедиями, противоречиями и проблемами.

Это век революций, контрреволюций, ожесточенных войн, период исторического воплощения романтических мечтаний униженных людей и реального осуществления надежд в новых социалистических странах. Но это и время непримиримого сопротивления власть имущих, а в конце века — сокрушительный крах мечты бедноты всей Земли на справедливость: реставрация старых устоев жизни, углубление социальной пропасти между привилегированными и бесправными слоями населения, еще более контрастное разделение на богатых и бедных, фактическая ликвидация элементарных прав для обнищавшей части человечества, вынужденной существовать на границе голодной смерти.

Не прошли в какой-то степени эти события и мимо Венгрии, но мадьяры снова устояли в этих международных дразгах. Мне пришлось многое повидать: за последние полвека я был наблюдателем, а иногда и участником послевоенной жизни венгерского народа. Моя книга — воспоминания о людях, которых мне довелось узнать, которые работали со мной в Венгрии многие годы: учителя и ученики, соратники и просто знакомые... Среди них много было и тех, кто переживал за судьбу Венгрии, и тех, кто был безразличен к венграм. Часть воспоминаний посвящена венгерским и советским деятелям культуры, много сделавшим для сближения двух народов.

Находясь в гуще политических событий полувековой давности, будучи свидетелем послевоенной истории взлетов и падений советско-венгерских отношений, в этой книге я попытался проанализировать их, начиная с послевоенных лет. В особенности это касается событий 1956 года — времени, которое я считаю переломным и судьбоносным в развитии связей между нашими государствами.

Самая значительная часть публикации посвящена воспоминаниям о незабвенном Яноше Кадаре — ярком представителе боевой и нестигаемой плеяды настоящих революционеров, с которым мне посчастливилось долгое время рядом работать и жить. Неслучайно, по результатам опроса жителей Венгрии, в конце минувшего века Кадар был назван самым великим венгром своей страны.

Я переводил беседы Яноша Кадара с тогдашними руководителями СССР — Хрущевым, Сусловым и многими другими, поэтому я пишу и о них.

Поскольку во время переводческой службы мне часто задавались вопросы и о моей «личности», в книге приводятся некоторые биографические сведения об авторе этих воспоминаний.

Часть 1.

Знакомство с Венгрией

...В Венгрию я попал после окончания Отечественной войны, в сентябре 1945 года, вместе с нашей Гвардейской артиллерийской дивизией Резерва Главного Командования после короткого пребывания под Прагой.

Из Чехословакии мы ехали через Вену. Нас поразили контраст между австрийцами и венграми. Жителей прославленной веселой Вены и других городов этой страны мы видели унылыми, с какими-то серыми лицами, хмурыми, безрадостными, поникшими. В Австрии в то время были голод, полная нищета и инфляция.

В первом же венгерском селе нас удивило невиданное в Австрии обилие сельских продуктов, многочисленные базары, похожие на ярмарки. Все чем-то торговали, обменивались собственными поделками, продуктами. Когда мы останавливались в сельских городках, жители пытались и нас втянуть в этот торговый круговорот: предлагали менять вино, фрукты и овощи на папиросы и консервы. Потом я узнал, что этот натуральный обмен был своеобразной формой народной борьбы с дороговизной. Тогда я и подумал: «Неунывающий народ!» И это несмотря на то, что в стране также была инфляция², в существовании которой мы сами убедились, — рабочие голодали, лишь совсем недавно они получили прибавку пайка хлеба до 150 граммов в день.

В Венгрии были свои внутренние проблемы, мы вскоре узнали и об этом. Но первое впечатление от народа, который не согнули никакие трудности и переживания, осталось у меня на всю жизнь. Я еще не предполагал тогда, в 1945-м, что буду полвека радоваться успехам незнакомых для меня людей и переживать их трагедии. За эти полвека у меня были и свои жизненные новости: я изучил мадьярский язык, участвовал в ответственных акциях по укреплению дружбы советского и венгерского народов, познакомился с шедеврами литературы и искусства ранее неизвестной мне страны.

Знакомство с венгерским языком началось с того, что нас, редакцию дивизионной газеты «За честь Родины», разместили вместе

с другими подразделениями нашей Гвардейской дивизии в городе Дьёндьёше (Gyöngyös). Меня определили на постой в семью крестьянина Миклоша Сюча, занимавшегося виноградарством. В доме никто не знал ни слова по-русски. На следующий день Миклош пригласил переводчика — соседа Ференца Хугаи (Hugai Ferenc)³, владевшего частной языковой школой. Мне повезло: он отлично знал английский, я более или менее сносно говорил по-английски, и он сразу же переманил меня к себе на постой с условием, что я буду учить его и его дочь Илону русскому языку, а если я захочу — обучаться у него венгерскому.

На следующий же день начались занятия. Учителем Хугаи оказался настойчивым, твердым — сто слов и фраз надо было зубрить каждый день. Это было напряжение, но радостное. Он и его дочь не отставали, они заучивали такое же количество русских слов, хотя учитель был гораздо старше меня.

Я до сих пор бесконечно благодарен этому фанатику-филологу. Это было, конечно, счастье встретить такого учителя в небольшом венгерском городке, где мне была уготована провинциально-унылая жизнь армейского офицера.

Кроме английского, Хугаи преподавал французский, испанский, немецкий и итальянский. Он объездил много стран, был, несомненно, европейски образованным человеком. Вдобавок Хугаи был еще и переводчиком художественной литературы, показывал мне переведенную им в 30-х годах книгу Романа Роллана (Romain Rolland) с благодарственным автографом знаменитого французского писателя.

Каторжные занятия по методике Максимилиана Берлица (Maximilian Berlitz), основанной на полном погружении обучаемого в среду изучаемого языка, усиленные моим учителем формулой «зубрить и еще раз зубрить», дали свои результаты. Сначала я сдал экзамен у Хугаи на знание 3000 слов, затем — на 5000, и через три-четыре месяца старался читать заголовки газетных статей и пытался как-то, как говорил мой учитель, «заикаться по-венгерски». А языковой практики было много: на улице, в кинотеатрах, в венгерских компаниях, куда меня приглашали.

Ференц Хугаи потомственный, как он рассказывал, в пятом поколении сельский учитель. Для меня же он был академиком своего дела, эрудированным знатоком венгерской литературы.

В Дьёндьёше его уважали и даже избрали председателем городского Общества венгеро-советской дружбы.

Во время проведения послевосенной аграрной реформы⁴ в стране Хугаи помогал земледельцам, сельскохозяйственным рабочим, батракам, всем беднякам, кто обращался к нему, писать прошения и оформлять документы на право владения землей и жильем, отобранном у помещиков. Он ходил к местным властям за правотой и справедливостью, участвовал в создании местного отделения Всевенгерского союза трудящихся крестьян и сельскохозяйственных рабочих.

Не все в Дьёндьёше симпатизировали Хугаи, а в особенности те, кто в недавнем прошлом считался «бомондом» города. Это помещики, виноторговцы, хозяева местных заводов и угольных лигнитных шахт, владельцы отелей в соседних горах Матра, церковные должностные лица, имеющие еще власть⁵ и надеющиеся восстановить ее в старом, полном объеме, но больше всего они не поддерживали его симпатию к беднякам. Бывшие городские хозяева запрещали учить язык у «красного учителя», не хотели, чтобы дети ходили в его школу.

Интеллигентный, бескорыстный и добрый человек учил детей обездоленных батраков иностранным языкам бесплатно. Он бесконечно любил родную Мадьярию, много рассказывал мне о тяжелой судьбе своего народа, о его гордом, революционном, негибаемом характере. А когда я стал читать по-венгерски, первым художественным произведением, мною прочитанным, был рассказ писателя Жигмонда Морица «Семь крейцеров» (1908) — трагический рассказ о нищей жизни трех миллионов мадьяр, обобщенная и символическая картина несчастий великих тружеников земли венгерской.

Хугаи пробудил во мне любовь к Венгрии, к ее трудовым людям. Мне несказанно повезло: у него я прошел напряженный университет наук, и это было счастливое время, словно я вернулся после суровых будней войны к своей довоенной мирной жизни филолога и журналиста⁶.

Когда я стал понимать и немного говорить по-венгерски, он познакомил меня с некоторыми жителями города, ставшими моими новыми друзьями и собеседниками (разумеется, с помощью Хугаи). Они сказали, что отношение к расквартированным по домам моим

однополчанам, бойцам и офицерам было разным — и по-крестьянски радушным, а где и явно недоброжелательным. Это зависело от характера хозяев дома и от армейских квартирантов, а также от недавних воспоминаний о событиях в обеих странах, которые были театром военных действий.

Это были и незалеченные душевные раны, и трагедии многих советских солдат, у которых во время войны погибли семьи, а в венгерских семьях — не затухшая еще ненависть к советским пливским казакам⁷. Вообще-то, казаки воевали здесь в 1944 году против гитлеровцев, но многие из них показывали свою удаль и на беззащитных венгерских жителях.

Впрочем, большинство населения знало страшные, суровые законы войны и понимало, что солдаты — такие же подневольные люди, как и они, да и у многих жителей Дьёндьёша отцы, братья и сыновья прошли войну на Украине и в России. Некоторые из числа отпущенных из советского плена, а также раненые советские солдаты, только что возвратившиеся домой, рассказывали, как гитлеровцы всегда подставляли венгерские части для прикрытия собственного отступления. Большинство же украинских и русских жителей не издевались над ними, а женщины даже жалели бойцов, помня, что их собственные мужья и дети испытывают подневольную солдатскую судьбу.

Командование нашей части не очень-то позволяло гвардейцам дивизии распоясываться, старалось наладить нормальные отношения с населением, бесплатно подвозило недостающее продовольствие, кофе, соль, уголь и некоторые промтовары. Солдаты помогали восстанавливать кирпичный и инструментальный заводы, шахты, мельницы, железнодорожную ветку в южном направлении на Адач (Adács), давали тягловую силу, трактора и горючее на осенние вспашки, предоставляли грузовые автомобили, ремонтировали сельскохозяйственную технику.

Но кое-кто, особенно из обозленных католических кругов, лишившихся при проведении крестьянской земельной реформы своих владений, люто ненавидели советских солдат, настраивали молодежь на всяческие враждебные действия. Так, однажды на вечере танцев, организованном местной католической церковью, неожиданно выключили электричество. В зале началась стрельба, а когда свет появился, посреди зала лежал убитый советский

солдат, а около него записка: «Русские, вон из нашего дома!» В виноградниках находили трупы бойцов, затащенных туда после зверских издевательств.

Именно в то время кому-нибудь из властей предрержащих и в СССР, и Венгрии надо было проанализировать эти явления — и тогда, вероятнее всего, не было бы драматического для обеих стран продолжения этих столкновений в 1956 году.

Тем более что мирные жители Дьёндьеша с нескрываемой ненавистью вспоминали ужасные месяцы салашизма⁸ — внутреннего венгерского фашизма, выкормленного режимом Хорти. Мои новые друзья, в особенности из числа бывших военнопленных, вспоминали насильственную салашистскую мобилизацию в армию и на принудительные фронтовые работы всех лиц мужского пола: и кому исполнилось 12 лет, и 70-летних стариков, и ежедневные полицейские облавы на уклонявшихся.

Особенно запомнился страшнейший разгул салашистской реакции в феврале 1945 года, когда нилашисты⁹ убивали людей, уклонявшихся от призыва в армию, ловили их во время проверок по домам. Люди рассказывали, что по многим деревням и селам искали венгров, которые побывали в советском плену и были отпущены домой. Делалось это по приказу военного министра нилашистского правительства. Люди, озираясь, как бы кто не подслушал, рассказывали, что тогда в одном из сел, недалеко от Дьёндьеша, казнили бывших военнопленных солдат. Жители города предупреждали, чтобы все уцелевшие при прежних облавах прятались. Салашисты охотились и за другими невинными людьми в окрестных селах и увозили их в Германию.

Люди, приезжавшие из Будапешта, где также свирепствовал фашистский террор, рассказывали, что в городе забрали многих патриотов, а также иудеев из бедных еврейских семей (богатые либо успели уехать, либо откупились!) и расстреляли их на берегу Дуная¹⁰. А нерасстрелянных погнали пешком неизвестно куда.

За время короткого, но жуткого правления Салаши¹¹ немецкие солдаты грузили в вагоны награбленные товары из Дьёндьеша, насильственно отбирали у крестьян зерно, мясопродукты, подсолнечное масло, муку, масло, вино, сахар, изымали ценности у тех, кто не успел их спрятать. У крестьян отбирали все подчистую и еще издевались: обещали заплатить после войны.

Как я потом узнал, из всех стран-сателлитов гитлеровской Германии самому безжалостному ограблению немецкие фашисты подвергли именно Венгрию: они вывезли 20 процентов всего достояния страны. Город Дьёндьёш, например, был одним из центров винодельческого производства Венгрии, поэтому салашисты и гитлеровцы конфисковывали у крестьян бочки с вином, увозя их на грузовиках и в вагонах.

Наш сосед Миклош Сюч рассказывал, что он очень горевал, когда у него по чьему-то доносу немцы нашли зарытую четырехсотлитровую бочку вина, задолго приготовленную для свадьбы сына, находящегося в советском плену и которого должны были вот-вот вернуть.

Но, несмотря на огромную вражескую силу, страшный террор, активные подпольщики-коммунисты и бывшие военнопленные (среди них оказались старики, изведавшие русский плен еще в Первую мировую войну) поведали мне о том, как вместе с социал-демократами, также загнанными в подполье, в сентябре 1944 года участвовали в партизанской борьбе. Они вредили венгерским и немецким фашистам чем могли и как могли, организовывали молодежные боевые вооруженные группы, участвовали во взрывах автомашин оккупантов и уничтожали гитлеровских солдат и офицеров, зверствовавших в окрестностях.

Особенно усилились действия боевых групп патриотов в октябре-ноябре 1944 года, которые осмелели с приближением частей Советской армии. Как раз в то время недалеко от Дьёндьёша облили бензином и сожгли целую колонну немецких машин, вывозившую из города наворованную муку.

Ненависть к немецким и венгерским фашистам была так велика, что из жителей Дьёндьёша никто тогда не выдал прятавшихся по домам венгерских партизан. Мне рассказывали, что двое партизан из города Дьёндьёша Янош Бачи (скорее, это Янош бачи, т. е. дядя Янош — *от ред.*) и Петер Ковач в ноябре 1944 года участвовали в боях за освобождение города Мишкольца (Miskolc). Они вместе с советскими войсками в составе венгерского отряда, насчитывающего несколько сот человек, помогли рабочим металлургического комбината спасти от взрыва заминированные немцами цеха.

Город Дьёндьёш был освобожден в ноябре 1944 года. Спустя год мне удалось наблюдать и первые послевоенные выборы

в Национальное собрание Венгрии¹². Мои знания венгерского языка были еще столь невелики, что я слабо ориентировался не только в программах различных партий, но даже в их названиях. Тогда мне помогли разобраться в партийных хитросплетениях мои друзья из Дьендьеша. Все афишные тумбы и доски были обклеены плакатами. Помню огромный портрет Матьяша Ракоши (Rákosi Mátyás). Не знал я еще тогда, что мне потом долгие годы придется работать с этим человеком.

Местные бедняки и батраки рассказали о простом, но результативном избирательном трюке, проделанном в Дьендьеше (как потом выяснилось, и по всей стране) по приказу верховного клира католических деятелей¹³. Дело в том, что среди кандидатов в выборах участвовала и Демократическая народная партия Иштвана Баранковича (Barankovics István), обещавшая всем венгерским верующим католикам рай на земле.

Во время выборной кампании эта партия объединилась с Партией мелких сельских хозяев, а точнее влилась в нее¹⁴. В день выборов, а это было в воскресенье 4 ноября 1945 года, когда все верующие венгры обязательно идут в костел на воскресную утреннюю молитву, церковнослужители зачитали послание кардинала Йожефа Миндсенти (Mindszenty József), где говорилось, что все честные люди должны объединиться в Партию мелких сельских хозяев и голосовать за их кандидатов¹⁵.

Католическая религия пользуется у большинства мадьярского населения непререкаемым духовным авторитетом. Все проголосовали за эту партию, и она вышла на первое место. А для Коммунистической партии Венгрии, по инициативе которой была проведена земельная реформа, равная по своему значению новому обретению Родины¹⁶, когда сбылась вековая мечта трудового крестьянина и он наконец получил землю в полную собственность, результаты выборов оказались неожиданностью, более того, чувствительным ударом, их поражением.

Это было и первым звонком для группы Ракоши, пришедшей к власти на штыках Советской армии¹⁷ — армии, которая сметала с мадьярской земли гитлеровских захватчиков и хортистских фашистов, а вместе с ними и крупных латифундистов и фабрикантов, и лишившихся помещичьей власти, крупных католических деятелей. Компартия не учла в достаточной мере, что 25-летний

период хортизма, предшествующий поражению Венгрии, воевавшей на стороне Гитлера, а также озлобленная антисоветская агитация и реакционные католические проповеди в период с 1939 по 1945 год не прошли бесследно.

Ракоши и его команда прибыли властвовать из Москвы, как говорится, на готовенькое. Они всю жизнь были коминтерновскими работниками и не разобрались в сложившейся ситуации. При эйфории власти эта группа, уверенная, что ее с радостью примет в свои объятия население страны, крупно просчиталась. Ни Матьяша Ракоши, ни его приближенных не знали в Венгрии, да и по национальности в большинстве своем они были не венграми, а евреями. Вся их политическая жизнь с 1919 года проходила вне ее границ, в основном в СССР. А когда они в 20–30-е годы направлялись на свою родину на подпольную работу, их быстро сажали в тюрьмы по доносам фашистских стукачей. Хортистская политическая контрразведка, как известно, зародилась еще до итальянского фашизма Муссолини, до немецкого гестапо и обучала гитлеровских фашистов борьбе с нелегалами Коминтерна. Компартию Венгрии, как зараженную хортистскими разведчиками и провокаторами, распускали несколько раз¹⁸. Я узнал об этом позднее, работая в ЦК КПСС.

В руководстве компартии в должной мере не изучали настроения основной массы участвующих в голосовании людей, понадеялись на свои большие должности в Коминтерне. А должности у них были действительно, по коминтерновским масштабам, высокие. Ракоши после 16-летнего заключения и освобождения (в октябре 1940 года его обменяли на станции Негорелое на трофейные венгерские знамена, захваченные русской армией в ходе подавления освободительного движения 1848–1849 годов) руководил зарубежным ЦК компартии Венгрии. Эрнё Герё (Gerb Ernő) был довольно видным деятелем Коминтерна. Михай Фаркаш (Farkas Mihály) был генеральным секретарем Коммунистического интернационала молодежи — КИМа. Таким же было и окружение новой коммунистической верхушки Венгрии, большинство — из аппарата Коминтерна.

О новых правителях Венгрии знали очень немногие, а против коммунистов работали крупные и квалифицированные силы буржуазных партий, католической верхушки, имевшей огромный, многовековой, международный опыт духовного порабощения народов¹⁹. На этих выборах развернулась оперативная работа тайной

католической организации «Католическое действие» («Katolikus Akció»). И, конечно, все противники коммунистов не преминули воспользоваться ошибками пришлых людей от Ракоши.

Надо добавить, что Ракоши и его окружение, приехавшие из Москвы, никогда не работали на производстве, мало кто из них прошел школу практического руководства, а им вдруг вручили руководство целой страной. Но на другие местные кадры из коммунистов-подпольщиков Москва опереться не пожелала. Это была не столько их вина, сколько беда, да и советский опыт проведения выборов Ракоши и его окружение в большинстве своем, как показали первые же выборы, даже в конкретике изучали в недостаточной мере.

Сталин при организации так называемых «выборов», например, не допускал таких больших проколов, как это сделал Ракоши. Да и поторопились новоявленные венгерские правители с проведением выборов довольно сильно. Тот же Сталин провел их спустя 20 лет после завоевания большевиками власти в 1917 году, а Ракоши — всего через 7 месяцев после изгнания советскими войсками гитлеровских захватчиков за пределы страны²⁰.

В газетах того времени руководство компартией сваливало провал на выборах как раз на происки врагов, но это было свидетельством того, что правильных выводов оно не сделало. Это была не победа реакции, а первое крупное поражение высших партийных руководителей страны. Оно еще аукнется и в будущем развитии страны, и в 1956 году²¹. Мои друзья рассказывали, что поражение коммунистов на выборах ободрило помещиков и местных виноторговцев в Дьёндьёше. Некоторые возвратились в город и потребовали, чтобы им вернули отобранные земли. Новых хозяев, бывших бедняков, стали сгонять с полученных ими земель, отбирать виноградники.

В городе Асод (Aszód) в центральной части Венгрии уже появились хортистские офицеры со своим отличительным знаком — с жандармским петушиным пером на шляпе. Полицейские и жандармские чины снова начали получать пенсии. На улицах Дьёндьёша появились молодчики в фашистской форме²².

Однако в этот раз бывшим хозяевам Дьёндьёша обратно взять власть не удалось²³. Местные крестьяне начали откапывать спрятанные до нужных времен винтовки и автоматы, собрались

на вооруженный митинг и сказали, что стоять будут насмерть, а землю не отдадут, и отстаивали свои законно полученные виноградники и земли для посева²⁴.

За полтора года послевоенной жизни в Дьёндьёше, в этом небольшом городке, я увидел многоликую Венгрию, только что освободившуюся от гитлеровского нашествия. В событиях, которые я наблюдал в городе, как в капле воды отражались процессы, происходившие по всей стране. Чувствовалось, что наступил мир, что в городе не стреляют ни отступавшие гитлеровцы, ни зверисалашисты, ни наступающие пливские казаки. Я был свидетелем огромной радости крестьян, целовавших землю, из поколения в поколение облитую потом предков и своим собственным, которая только теперь стала полностью им принадлежать.

Видел я и глаза недавно полновластных хозяев этой земли: налитые таким сгустком ненависти к бывшей, по их мнению, голытьбе, ко всем этим землепанщам-беднякам, батракам, мелким арендаторам, бесправным крепостным. Состоятельные денежные тузы испытывали презрение, как они считали, ко всем этим «нелюдям». Теперь бывшие бедняки становились хозяевами Дьёндьёша, его окрестностей, вплоть до подножья гор Матра; они стали полноправными людьми, не уступающими дорогу ни бывшим узурпаторам всего и вся в Дьёндьёше, ни их прислужникам.

Я довольно близко познакомился с жизнью этих бывших крепостных, а теперь свободных виноградарей. Они от зари до заката при изнуряющей жаре растили виноград. Из него этими же трудягами-виноделами производилось мировой известности дьёндьёшское вино, которое местные виноторговцы бочками везли на Запад.

Таким же трудягой был мой первый учитель венгерского языка Ференц Хугай, человек высшей порядочности. Он, как мне казалось, был местным дьёндьёшским Кола Брюньоном. Талантливый художник слова, преданный людям, ему до всех и до всего было дело. Не думая о себе, он мог вступить в драку за неповинно оскорбляемых людей. Виноградари любили его, тонкой души интеллигента, считали своим и вместе с ним выпили не одну бутылку доброго дьёндьёшского вина. А сам он, несмотря на преподавательский талант, многостороннюю образованность, огромную эрудированность, завидное трудолюбие, не заработал себе ни огромного состояния, ни «палат каменных».

В последние несколько месяцев перед моей демобилизацией мы с ним писали лекции о венгерской литературе и на русском, и на венгерском языках. Писали — это, конечно, громко сказано: он мне диктовал их по-венгерски, я записывал рядом с венгерским текстом по-русски. Эти бесценные для меня памятные плоды нашей дружбы хранятся у меня до сих пор.

Хугаи числил меня среди своих учеников — для меня это большая честь. Он считал, что ничто так не содействует дружбе народов, как знания этих народов друг о друге, об их обычаях и культуре. На прощание он сказал, что доверяет мне будущее знакомство московской молодежи с венгерской литературой. Собрал он для меня и небольшую библиотеку самых великих писателей земли венгерской. Эти книги до сих пор стоят у меня на полке как свидетели бескорыстной души просветителя.

Хугаи говорил мне, что и я обязан иметь учеников как норму жизни уважающего себя интеллигента: это отдача народу за то, что народ обучил тебя и воспитал, что народ тебе дал возможность стать интеллигентом. «Всё может пропасть, как сказал мне Ромен Роллан, — вспоминал Хугаи, — и состояние может пропасть, и дом сгореть, и близкие поумирают, но верные тебе ученики останутся».

Горьким было расставание. Я подарил ему на память мой фронтальной фотоаппарат фирмы «Лейка» (Leica), сочинения Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Толстого, присланные мне с оказией из Москвы. Пришло время моей демобилизации, и я уехал в Москву.

Часть 2.

Ученики

...И вот, отслужив положенные армейские годы, я снова в Москве. Осенью 1947 года я набрался храбрости, рискнул подать документы на конкурс и был зачислен преподавателем в Военный институт иностранных языков Красной Армии (ВИИЯКА). Это было необычное учебное заведение. Здесь готовили переводчиков, говорящих почти на всех языках тех стран, где стояли наши войска или имелись военные представительства. Режим в институте был строгим: курсантам не разрешалось говорить на русском даже в курилках (заговоришь — и плакала твоя увольнительная на воскресенье). Поэтому за четыре года обучения знание языка и страны становилось очень высоким. На венгерском отделении готовили переводчиков для полков и дивизий, дислоцированных в Венгрии.

Мне поручили вести курс истории венгерской литературы: занятия проводились два раза в неделю. Вот когдагодились мои дьёндёшские университеты и всё, чему меня обучил Хугаи. Но все же для лекций материала было недостаточно: приходилось в свободные дни просиживать в ленинской или иностранной библиотеке, чтобы знакомиться с имеющейся там литературой, а вечерами и ночами отстукивать на машинке тексты лекций. Один экземпляр для себя, второй на рецензирование, третий — на просмотр факультетскому начальству. В военном учреждении порядки были наистрожайшие.

Слава Богу, мои литературные рецензенты отличались добротой. Вспоминаю, прежде всего, кандидата филологических наук Клару Евгеньевну Майтинскую — главного специалиста Академии наук по угро-финским языкам. Она окончила Будапештский университет и еще в 20-е годы приехала в СССР с одной из немногих туристических групп, влюбилась в гида «Интуриста» Женю Блинова — поэта и переводчика, вышла за него замуж и осталась в Советском Союзе. Защитилась, стала доктором филологии, профессором. Ее трехтомник «Венгерский язык» стал на многие годы научной книгой для всех, кто серьезно изучал язык мадьярского народа.

Второй мой рецензент — Роза Богдань, которая помогла мне разобраться в проблемах периодизации литературы и ее связях с общей историей культуры Венгрии.

Слушатели отбирались из военнослужащих или абитуриентов, сдавших вступительные экзамены после средней школы. Некоторые из них прошли военными дорогами 1941–1945 годов. Среди них Юрий Шишмонин, Вадим Гусев, Степан Шевяков, фронтовой разведчик Александр Гершкович. Это был уже последний, четвертый, курс, и некоторые из слушателей — Олег Громов, Геннадий Лейбутин, Иван Салимон — давали мне на просмотр свои пробы пера — художественно-литературные переводы с венгерского. Впоследствии многие выпускники этого курса, отслужив в армии и демобилизовавшись, стали переводчиками основных изданий Политиздата, а наиболее талантливые потом составили группу переводчиков классической и современной литературы, а также драматургических произведений Венгрии. Некоторые из них были приняты в Союз писателей страны и в другие творческие объединения. Так, став преподавателем венгерской литературы, я выполнил совет Хугай, венгерского Кола Брюньона, — у меня появились ученики.

Благодаря энтузиастам переводческого дела на русском языке вышли в свет самые значительные произведения К. Миксата, Ж. Морица, Г. Гардони, Ф. Мора, П. Сабо, П. Вереша, Л. Немета, Д. Иллеша, Д. Костолани, Л. Надь, Т. Дери, Й. Дарваша, Л. Мештерхази и других писателей — классиков и современников. Венгерская литература и культура становилась близкой и знакомой многомиллионной русской аудитории. Я тоже по мере возможности старался не отставать от своих учеников: редактировал их книги, принимал участие в переводах произведений Петера Вереша (Veres Péter).

В этом далеко не полном перечислении имен в основном авторы прозы. Изданием жемчужин венгерской поэзии занимались такие мастера, как Антал Гидаш (Hidas Antal) и Агнеш Кун (Kun Ágnes), которые немало сделали для укрепления связей венгерской и советской литературы. Они выпустили блестящую антологию венгерских поэтов, где были собраны произведения от Балинта Баласси (Balassi Bálint), основателя венгерской лирической поэзии, до Аттилы Йожефа (József Attila), классика европейской лирики в переводах лучших советских поэтов того времени²⁵.

Но вернемся к Военному институту иностранных языков. Читая курс литературы, мне, естественно, пришлось рассказывать и об истории Венгрии, и о свособразии, и об особенностях ее культуры. Глубокое «мадьярство» проявилось в отстаивании народных корней, самобытности, стремлении защитить себя от любых нападений, отчаянном сопротивлении каким-либо посягательствам и попыткам габсбургского онемечивания. Я снова вернулся в напряженное (кто хоть когда-нибудь писал курс лекций — поймет меня), но счастливое время. Считал себя баловнем судьбы, а то, что приходилось часто отказывать себе в отдыхе и развлечениях, да и спать всего по три-четыре часа в сутки, не пугало — сил пока хватало.

Опыт подготовки слушателей в ВИИЯКе пригодился мне в следующий приезд в Москву, когда на филологическом факультете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова была организована группа венгерской филологии. В то время меня пригласили преподавателем (по совместительству с основной работой) двух годовых наборов, читал я там венгерскую литературу.

Тогда, в 50-е годы, в МГУ я принимал участие в выпуске двенадцати специалистов венгерского языка и литературы. Некоторые из них стали серьезными учеными: Юрий Павлович Гусев стал доктором филологических наук, одним из ведущих специалистов Института мировой литературы РАН по венгерскому литературоведению; Наталья Молодцова защитила диссертацию по истории венгерского театра; Елена Умнякова — кандидат филологических наук, выпускает работы по литературе Венгрии рубежа XIX–XX веков; Людмила Козырева (Софронова) стала профессором, заведующей отделом в Институте славяноведения РАН; Александр Гершкович стал кандидатом филологических наук, был приглашен на преподавательскую работу в Колумбийский университет. В различных сферах венгеро-русских культурных связей работают выпускники МГУ — Людмила Григорьева, Ольга Подольская, Лариса Косолапова. Многие из них не порывали связи со мной: звонили, консультировались, советовались, и не только по литературоведческим проблемам. Не скрою — гордился, радовался каждому звонку.

Часть 3.

В представительстве Совинформбюро 1947–1950

Летом 1947 года меня вызвали в ЦК партии и назначили заместителем представителя Советского информбюро в Венгрии. Представителем там уже работал журналист Федор Потемкин, но он не знал венгерского языка и поэтому для связи с прессой я был направлен в Будапешт. Видимо, мои добрые опекуны из Военного института иностранных языков Клара Майтинская и Роза Богдань похвалили кадровикам мой мадьярский. А возможно, подобрать другого кандидата просто не хватило времени и исходили из русской поговорки — «На безрыбье и рак рыба».

В ЦК, честно говоря, не очень интересовались ни моей уверенностью, что справлюсь с новыми обязанностями, ни сомнениями на этот счет. Скорее всего, моя кандидатура отвечала критериям анкеты: из рабочих, член партии, воевал, награжден, в других партиях не состоял, не судим, в связях с враждебными организациями не находится, в оккупации не был, родственников за границей нет, женат, морально устойчив. Чего еще надо?! Словом, начальство решило — а умнее его никого нет — и назначение состоялось.

Но моя личная уверенность подкреплялась тем, что в год, предшествовавший направлению меня в будапештское Совинформбюро, я не переставал заниматься мадьярским по несколько часов в неделю. Ставила мне правильное произношение диктор радиовещания на Венгрию, светлой памяти, Лилия Анатольевна Белоцерковская — дочь комиссара венгерской коммуны 1919 года, хлопотунья, мой дружок-заботушка. Позже она переехала жить в Венгрию.

Перед поездкой в Будапешт мне пришлось некоторое время стажироваться в главном центре Совинформбюро в Леонтьевском переулке — в бывшем здании германского посольства, покинутого своими хозяевами в 1941 году, как только началась война. Выездные документы я получал здесь же.

Совинформбюро ранее было известно как государственная информационная служба, в годы войны передававшая всему миру

наши сводки о действиях Красной армии на фронтах Великой Отечественной войны. Это была организация не только информирующая, но и пропагандирующая советские успехи.

Война закончилась, необходимость в военных сводках отпала, но в 1947–1948 годах возросла острая необходимость пропаганды всего советского — начался активный период «тотального идеологического наступления на растленную и растлевающую культуру и мораль».

Вот и Совинформбюро наряду с другими организациями было поручено выполнение новой задачи: организовать идеологическое наступление в капиталистических странах — в самом логове врага, а также в новых народно-демократических странах, а стало быть, и в Венгрии. Началось идеологическое наступление в первую очередь в СССР. В известных «зубодробильных» постановлениях того ждановского времени беспощадно расправлялись с писателями от Ахматовой до Зощенко, музыкантами от Прокофьева и Шостаковича до Мурадели за так называемые «формалистические искажения» радостной советской действительности. Одновременно поднимались на пьедестал щедро обласканные ученые, писатели, поэты, художники и музыканты, те, кто «шел в ногу с партией», то есть представители «оплаченного оптимизма».

У меня складывалось впечатление, не сразу, конечно, а по более поздним сопоставлениям фактов, на основе наблюдений, раздумий, обмена мнениями с другими людьми, что эта кампания была развернута очень обдуманно. Миллионы и миллионы советских солдат, офицеров, представители всех слоев нашего общества побывали в Чехословакии, Германии, Австрии, Финляндии, Польше, Венгрии, Югославии, Болгарии (а военнопленные были и в других буржуазных странах) и смогли сопоставить западную жизнь с советской действительностью, причем не в пользу СССР. У многих тогда закрались в душу сомнения: дескать, «неладно что-то в Датском королевстве». Эти настроения отразились и в послевоенных художественных произведениях мастеров литературы, музыки и кино. Такие вредные настроения, по критериям приверженцев партийно-идеологического прессы, были недопустимы, подрывали всю официальную систему взглядов «все советское — самое лучшее в мире», вбиваемых партийной пропагандой, и эти воззрения надо было немедленно выжигать. В механизм этой «выжигательной»

кампании, но уже в зарубежных государствах, было включено и Совинформбюро (и я в Венгрии в том числе).

Моей стажировкой в Совинформбюро и подготовкой к поездке в Венгрию руководил Соломон Абрамович Дридзо, более известный под партийным псевдонимом — Алексей Лозовский. Помимо руководителя Совинформбюро он был еще и заместителем министра иностранных дел по совместительству. Несмотря на свой «исторический авторитет» одного из лидеров Коминтерна, известного международного партийного деятеля, генерального секретаря Профинтерна 1921–1937 годов, Лозовский выделялся среди других моих наставников какой-то учительской мягкостью, эрудированностью, начитанностью, знанием нескольких языков, умением слушать собеседников — словом, незаурядным был человеком!

Мы удивлялись и радовались тому, что он уцелел после кровавого 37-го, ведь он был в партии с начала века, участвовал в февральских и октябрьских событиях 1917 года, знал «кто был кто» и, вероятно, хорошо представлял себе истинную роль Сталина в «трех революциях».

Сталин таких свидетелей, как Лозовский, уничтожал, а в особенности тех, кто непосредственно видел, что вся мифология о великих деяниях Сталина в Октябрьском перевороте 1917 года — блеф, выдумки подхалимов и его собственная сталинская ложь. Но радовались мы, как потом выяснилось, рано. Сталин за год до своей смерти в числе других старых большевиков, каким-то чудом уцелевших после 1937 года, расстрелял и Лозовского²⁶. Позже Лозовский был посмертно реабилитирован — такова типичная судьба российского большевика при сталинском режиме.

Узнав, что меня направляют в Мадьярию, 70-летний старик стал живо расспрашивать о Венгрии, в которой ему не удалось побывать, но отчасти он был знаком с ней по рассказам Матьяша Ракоши, который в начале 20-х годов работал с ним бок о бок в Коминтерне. Поглаживая свою седоватую профессорскую бородку, Лозовский вспоминал: «Ракоши тогда еще не было и 30-ти, а мне было уже за 40, но он знал языков вдвое больше меня, а секретарем Коминтерна Ракоши стал в 29 лет!»

Он попросил меня передать Ракоши привет, однако предположил, что, дескать, молодой неизвестный журналист вряд ли будет вхож так запросто к Генеральному секретарю венгерских коммунистов.

Тогда он написал письмо и попросил его передать лично в руки «Дорогому другу Матвею». Удалось мне это не сразу, в Посольстве вообще не советовали это делать. Но письмо я сохранил и вручил Ракоши при подходящем случае, хотя и значительно позже.

По прибытии в Будапешт представитель Совинформбюро Федор Потемкин и я были направлены послом Георгием Пушкиным к главному редактору «Сабад Неп» («Szabad Nép» — «Свободный Народ») Йожефу Реваи (Révai József), которому венгерские товарищи поручили шефство над представительством Совинформбюро. Реваи сказал нам, что задачи у нас и у них общие — наступление на буржуазную идеологию, поэтому он окажет нам посильную помощь. Мы заикнулись, что хорошо было бы, если бы нам помогали два-три квалифицированных журналиста. Он усмехнулся: тогда, по его мнению, получилось бы не наступление, а перестрелка одиночными. Для такого нужного дела в вашем распоряжении будет 30–50 самых квалифицированных журналистов Венгрии, знающих, как надо перерабатывать ваши материалы для прессы. Он поручил нам: организуйте бюро переводчиков, и за дело! Только побольше просите из Москвы статей, очерков, зарисовок об образе жизни советских людей. Для оперативности передачи материалов из Москвы Реваи уже дал распоряжение выделить нам радиотелеграфный аппарат немецкой фирмы «Хелл».

«Если будут проблемы — сразу обращайтесь ко мне!» — сказал он на прощание.

Мы, окрыленные таким приемом, доложили о создании советско-венгерского информцентра нашему послу. Он тоже обещал содействие, подыскал особняк недалеко от Посольства. И в дальнейшем Реваи относился к нашей вновь созданной конторе очень внимательно. Он придавал большое значение всем видам информации из СССР, часто приглашал к себе, сам неожиданно приезжал к нам. Однажды, когда в МТИ (Magyar Távirati Iroda — Венгерское Телеграфное Агентство) испортился «Хелл» и венгерские коллеги не сумели вовремя получить из Москвы материалы очередного пленума ЦК ВКП(б), Реваи попросил передать из Москвы текст постановления ЦК на наш «Хелл». Он полдня просидел у нас в бюро, читая каждую страницу, требовал от своих сотрудников в МТИ немедленного перевода издаваемого текста и заметно волновался. За время, которое я был с ним знаком, он вообще ка-

зался мне нервно-вздернутым, импульсивным человеком, как у нас говорят — «заполошным». Реваи посылал получаемые из МТИ переводы в сверхсрочный набор, вызывал дополнительно наборщиков и редакционных корректоров. Тогда он даже задержал выпуск газеты «Сабад Неп», явно боялся, что не сможет оперативно доложить Москве о своевременной публикации материалов пленума ЦК ВКП(б).

После того случая авральной и сверхсрочной работы он попросил нас параллельно с МТИ принимать важнейшие материалы Москвы, говорил, что в МТИ появились саботажники. Тогда в Венгрии начался новый виток «охоты на ведьм». Он поставил в наше представительство второй аппарат «Хелл» и прикрепил двух мастеров-наладчиков для профилактического осмотра и своевременного ремонта телетайпов. Работы нам значительно прибавилось.

Главный идеолог Коммунистической партии Венгрии Йожеф Реваи, который в ряде статей и выступлений того времени сформулировал основную идеологическую задачу дня — максимально приблизить к «сталинской модели пролетарской диктатуры»²⁷ практику венгерского бытия, беспрекословно осваивать опыт социалистической жизни в СССР и внедрять его в Венгрии, — стал фактически нашим патроном.

Он говорил, что мы должны запрашивать из Москвы побольше сведений об идеальных советских людях — стахановцах, добросовестных тружениках, верных своему долгу солдатах, образцах «светлого будущего», тех, кто, без всякого сомнения, служит целям социалистического строительства. Подчеркивалось также, что надо получать и положительные материалы о руководителях Советского Союза, информацию о художественных выставках произведений социалистического реализма, где на холстах и в мраморе изображены вожди партии, чтобы на эти выставки обратили внимание и потом показали их в Венгрии, запрашивал репродукции картин политических лидеров СССР.

На одной из выставок советского искусства Реваи сказал, что мы должны учиться у советской культуры, чтобы отныне не на Париж, а на Москву обращать свои взоры²⁸. И мы стали работать еще напряженнее: требовали все заказанные Реваи материалы от Москвы, да и Москва не дремала — засылала нам килограммы бандеролей с рукописями, а «Хелл» выдавал свежие позитивные новости.

Только обработка этих материалов на мадьярском шла не столь гладко — венгерские журналисты никак не могли привыкнуть к «московскому» стилю. Информация была часто вымученная, в большинстве своем непонятная для венгерских читателей, откровенно тенденциозная, а по объему и содержанию — длинная и скучная. И только когда мы, посоветовавшись с Ревай и послом Пушкиным, получили разрешение сокращать и вносить «живинку» в эти материалы, чтобы они заинтересовали венгерских читателей, — дело более или менее сдвинулось.

Естественно, что образ жизни в СССР на венгерской земле пропагандировало не только наше представительство, но и все советские организации. Сталинское вмешательство в культуру другой страны сказалось даже в том, что именно «вождь народов» определял, кто из писателей Венгрии лучший. По личному решению Сталина в число лауреатов премии его имени попали в 1952 году венгерские писатели — Тамаш Ацел (Aczél Tamás) и Шандор Надь (Nagy Sándor). Скороспелое личное решение Сталина оказалось неудачным: впоследствии Шандор Надь спился, а Тамаш Ацел продал свою медаль на аукционе в Лондоне.

Технология присуждения премий была у вождя — «великого ценителя искусств» — такова: на предварительном заседании он отбрасывал материалы, подготовленные комиссией по сталинским премиям. Он начинал обычно так: «Я прочитал недавно такую-то книгу — это очень хорошее произведение социалистического реализма! А Вы не читали? Жаль!»²⁹

Затем творческим союзам, работникам аппарата ЦК КПСС, Совмину давалось задание представить доказательства его мнения. Никакие споры и аргументы от противного не допускались. Сталин любил повторять: «Премии я даю из фонда своих собственных средств, заработанных мною лично, — гонорарных доходов от издания моих собственных книг». Но это была очередная ложь: произведения «вождя всех народов» — доклады на съездах, статьи, выступления на совещаниях — готовились огромным сонмом работников и бесчисленными «мозговыми центрами», журналистами, работниками различных идеологических служб страны. Эти авторские группы обычно неделями и месяцами сидели в санаториях ЦК КПСС и Совмина, готовили отдельные части очередного «опуса» Сталина. Редакционные же комиссии селились в просторных

правительственных дачах (чаще всего на бывшей даче Горького) и занимались «редактированием сталинских литературных произведений». Было издано тринадцать томов собрания сочинений миллионными тиражами, не считая отдельных книг и брошюр.

Значительно позже, после смерти Сталина, его творения, которыми были забиты многочисленные склады, здания церквей и монастырей, строго и секретно охраняемые (о том, что эта литература не расходуется, никто не имел права информировать вожда), — сжигались или перерабатывались как макулатура. Позднее, когда я работал в Политиздате (Издательство политической литературы ЦК КПСС), мне довелось быть в составе комиссии, решавшей, сжигать или пускать на бумажное сырье эти многомиллионные тиражи. Ракошисты в своем верноподданническом рвении угодить Сталину во многом старались забежать вперед и быть «левее Папы Римского» среди соцстран-сателлитов.

Попытка сделать слепок с советской макрохозяйственной структуры, что при отсутствии ресурсов, равных СССР, было экономическим безумием, в конечном итоге привело страну к развалу³⁰. Но эти «макропробы» не сразу стали видны населению, далекому от теоретических изысков венгерских руководителей, да и не очень разбиравшемуся в них. Гораздо очевиднее венграм, от мало до велика, от школьников до стариков, было вымывание всего мадьярского из обыденной жизни, забвение вековых национальных обычаев и привычек венгерских людей.

Знаменитую на всю Европу, красивую, со вкусом украшенную позументами, аксельбантами, различными цветными шнурами и другой атрибутикой гусарскую форму заменили на невзрачную «цвета хаки», зато по советскому образцу! На отмену этой формы не решались даже Габсбурги — выученики пруссацкой линейности воинских доспехов. Или, например, лишили будапештские воинские парады былой красоты, на которые ходил смотреть весь столичный люд. Даже у венгерских школьников и студентов вместо отметок по нисходящей: 1 — лучшая, 5 — худшая, введенных еще в средние века, заменили на советскую систему. Хотя логики и древней человеческой мудрости в тех оценках (самая первая — самая лучшая), конечно, больше, чем у новоявленных советских наркомпросовцев. Все эти и другие, а их было много на каждом шагу, «мелочи жизни» были простому люду небезразличны,

в отличие от верховных горе-деятелей, которым доверили руководить страной.

Забегая вперед, замечу: в 1956 году вокруг этих «новшеств безразличия» к народным традициям строились многие призывы к ликвидации таких порядков и такой власти, которая безнаказанно плюет в лицо исконным венграм, издевается над их национальными чувствами. Это была одна из причин «революции чувств». Те, кто считал восстание 1956 года контрреволюционным, называли эти чувства «националистическими извращениями и настроением, излишним мадьяризмом».

Вся эта идеологически наступательная, оптимистично хвалебная кампания всё больше увязала в глубоких противоречиях, проецировалась на внутренние события в стране, где в более широком масштабе, чем раньше, разворачивались репрессии и преследования инакомыслящих.

Политическая обстановка в стране, особенно перед парламентскими выборами 1947 года, была довольно сложной. Да и после выборов, когда победили коммунисты³¹, она не улучшилась, хотя будапештская и провинциальная печать кричала об огромной исторической победе.

В то время руководство Ракоши, как известно теперь, не без провокационной подсказки и помощи бериевских служб еще со второй половины 40-х годов организовало ряд акций, связанных с лишением прав своих противников в борьбе за власть.

Венгерская партия независимости (Magyar Függetlenségű Párt) Золтана Пфейффера (Pfeiffer Zoltán) была дезавуирована, его самого лишили гражданства и спровоцировали бежать за границу, а имущество организации реквизировали. Ликвидировав одну из старейших социал-демократических партий в Европе, ее влили потом в компартию³². Многих бывших руководителей социал-демократии впоследствии ожидала тюрьма.

Путем ряда политических манипуляций Ракоши и его сподвижники (надо признать, что он был в этом непревзойденным мастером), подавляя всё и вся, расчищали себе путь к власти, втягивая в интриги и сметая всех, кто им сопротивлялся. И это было определено как новый курс на социалистическое переустройство страны. На самом же деле это был курс на создание новой государственной машины подавления.

С 1948 года крестьян начали широкомасштабно и принудительно загонять в сельхозкооперативы. Все это сопровождалось обобществлением (отчуждением) земли, розданной этим же крестьянам в первый год после освобождения страны. Коммунисты сами под собой пилили сук, на котором сидели с 1945 года.

В мае 1949 года по вымышленным обвинениям был арестован тогдашний министр иностранных дел Ласло Райк (Rajk László), а вместе с ним еще десятки людей. Многих, и его в том числе, расстреляли. Сотни бывших коммунистов-подпольщиков с большим стажем борьбы с фашизмом, рабочие, социал-демократы и другие честные люди за несколько ближайших лет были репрессированы. По некоторым более поздним данным, их число достигло 300 000 человек³³, то есть, по сути, каждый третий член Венгерской партии трудящихся. Становилось очевидно (мы, журналисты — это почувствовали нутром), что до наших оптимистических сообщений никому не было дела, да и в правдивость советских, и даже собственных, венгерских публикаций в периодической прессе верило все меньше читателей.

В эти годы, по моим наблюдениям, в широких слоях народа начался процесс осмысления сообщений печати, сопоставления их с действительностью. Люди больше стали верить зарубежному радио, которое также врало, как умело, но зато критиковало, а не захлебывалось восторгами. Нам пришлось потихоньку сворачивать бурную информационную деятельность и через два-три года после начала нашей пропагандистской суеты мы пришли к выводу, что планы тотального идеологического наступления провалились, и представительство Совинформбюро свою пропаганду прекратило³⁴. К счастью, у меня все эти годы была и другая работа, связанная с тем, что действительно необходимо для укрепления советско-венгерской дружбы.

Как журналист, я много ездил по стране, писал очерки о венгерских тружениках, много фотографировал и направлял мои снимки и литературные работы в различные советские газеты и журналы. Горжусь, не скрою, юбилейным выпуском журнала «Огонёк», вышедшим к пятилетию освобождения Венгрии от гитлеровцев, для которого я подготовил почти половину номера. Продолжал я совершенствовать и свой венгерский язык: кроме прослушивания будапештского радио и обычных бесед со знакомыми горожанами,

служебных разговоров с коллегами, меня включили в так называемую кинопросмотровую комиссию Посольства. Нужно было почти ежедневно переводить венгерские титры к зарубежным фильмам — великолепная практика для последующей работы по синхронному переводу.

В это же время по рекомендации посла меня приняли вольнослушателем на филологическое отделение Будапештского университета. Кроме того, я читал лекции в Русском институте при философском факультете университета по тематике «Серебряного века» в русской литературе. Так что как в Дьёндьёше и в Москве, так и в Будапеште мне не приходилось скучать, здоровье пока выдерживало, хотя темпы, которые я себе задал, были в то время сверхнапряженными. Но зато как все это было интересно!

В те годы я познакомился и с университетскими студентами — будущей «движущей силой» предгрозовых теоретических (да и практических) бурь лета 1956 года и реально действующей силой в событиях октября 1956 года. Студенты воспринимали меня без настороженности, качеств засланного зарубежного «стукача» во мне не видели. Хотя уже в это время широко начались репрессии и в студенческой среде и «посторонних» надо было опасаться. Молодежь держалась со мной достаточно откровенно, доверительно. Воспитанники же Русского института вообще считали меня своим — они готовились к работе в СССР, и большинство вопросов сводилось к сюжетам на тему: «Как было у вас, как сейчас у вас? Расскажите о нашей будущей жизни в СССР».

Однако по многим вопросам, которые мне задавали в Русском институте совсем не по теме лекции, чувствовалось, что разные аспекты творчества русских поэтов начала века — имажинистов и акмеистов, Блока и Есенина, — о которых я читал лекции, их интересуют гораздо меньше, чем острые проблемы современной венгерской действительности. Чувствовалась нервная напряженность и на этих своеобразных «пресс-конференциях»: мне приходилось очень неловко — я и сам многого не знал, да и не понимал. Это сейчас, когда тайное стало явным и раскрытым, я бы дал, наверное, более квалифицированные ответы. Но теперь, по прошествии лет, я понимаю, что студенты разбудили во мне тревогу, возможно даже смятение, заставили более чутко прислушиваться и внимательно присматриваться к тому, что происходит и в Венгрии, и в СССР.

Правдивых ответов на свои недоуменные вопросы студенты в печати не находили и, как мне кажется, именно поэтому создавали дискуссионные кружки³⁵, переросшие позднее во Всевенгерский дискуссионный кружок имени Шандора Петёфи (Petőfi Kör). Интерес к дебатам в кружке Петёфи был настолько велик, что дискуссию о прессе, например, слушали через репродукторы около 7000 человек. Уже через три дня, в конце июня 1956 года, к всеобщему возмущению кружок был запрещен³⁶ решением Пленума ЦК Компартии Венгрии, а недовольных партийцев исключили из партии.

Студентов особенно волновала развернутая репрессивная политика со стороны АВХ — венгерской госбезопасности (ÁVN — Államvédelmi Hatóság), они не знали еще, что это исходит лично от Ракоши, Герё, Фаркаша. У некоторых воспитанников, особенно в Русском институте (это был элитный вуз, и попадали туда в основном выходцы из семей высшей номенклатуры), в тюрьмах оказались отцы и близкие родственники. Но у многих студентов университета — детей рабочих и крестьян — отцы также были репрессированы.

Поэтому с уверенностью можно сказать, что осенью 1956 года студенческая молодежь была сагитирована на решительные действия против режима Ракоши не зарубежными разведчиками и контрреволюционными агентами, как это оценивалось в проправительственных изданиях. Хотя не исключено, что они могли использовать выгодные для них политические провалы правящей номенклатуры. «Сагитировала» студентов сама трагическая обстановка, созданная судебными-карательными органами страны для устрашения ее жителей.

Когда по заданиям и просьбам редакций московских журналов я бывал в журналистских поездках по Венгрии, то наблюдал (кстати, и в знакомом мне Дьёндьёше), что прежней радости, как это было сразу же после проведения земельной реформы, в стране не наблюдается. Особенно переживали крепкие зажиточные землевладельцы (основные поставщики сельских товаров в магазины и на рынки). Их называли кулаками, их выселяли, у них забирали землю, дома, реквизировали имущество и запасы из продовольственных погребов. В итоге бездомные люди уходили в города.

— У вас в СССР при коллективизации так же было? — спрашивали они меня.

А что я мог ответить, это ведь был 1956 год, а не сегодняшнее время, когда многое стало явным. Приходилось, хоть и с оглядкой, осторожно признаваться:

— Да, в Венгрии сейчас, как у нас было в 30-е годы...

— И без вины сажали?

— Да, и в тюрьмы сажали, и в лагеря отправляли, и на поселения в другие края России, главным образом в северные, не обжитые.

— Ну, принесли вы нам счастье! — горько сетовали мои собеседники. И с этим приходилось соглашаться.

С продовольствием в стране становилось все хуже и хуже: такого изобилия в будапештском «Чреве Парижа», на главном рынке около моста «Свободы» («Szabadság hid»), как раньше, не наблюдалось, да и другие будапештские рынки стали какие-то тощие. Когда приходилось приобретать продукты в магазинах и лавках, то покупательницы жаловались друг другу, что если раньше из 100 граммов масла можно было приготовить завтрак и обед, и на ужин кое-что оставалось, то теперь хватало только на утренние бутерброды — масло в пачке наполовину было перемешано с водой. Зато строили огромные заводы, фабрики, шахты, да мощные электростанции.

Когда я участвовал в поездках по стране, сопровождая советские делегации, навещавшие Венгрию по обмену (партийные, профсоюзные, молодежные группы гостей из городов-побратимов), слышал от рабочих едкие вопросы:

— А у вас тоже все деньги тратят на военные предприятия?

Невеселые были эти беседы — о крохотной зарплате фабричных и заводских рабочих, о плохом снабжении продуктами.

Я стал замечать то, чего раньше не наблюдалось: на лицах некоторых рабочих — злые, прожигающие тебя насквозь, полные некротимой злобы глаза. Как-то я спросил секретаря парткома, сопровождавшего делегацию:

— Кто эти люди, которые так враждебно относятся к нам, советским? Вроде раньше не замечалось такого.

— Да это ссыльные из Будапешта. Проходят на заводе «трудовое» воспитание. Всякие «бывшие», не сумевшие убежать за границу: полицейские, жандармы, фабриканты, помещики, кулаки, да их сынки.

И добавил:

— Как же, перевоспитаешь их, они готовы всех убить за то, что их лишили сладкой жизни!

Но ведь были среди рабочих не только бывшие, а лишили их всех просто нормальной жизни. Действительно, как мне потом рассказывали, эти «ссылные поселенцы» стали активными организаторами и руководителями восстания, а как «законные пролетарии» — членами заводских и фабричных рабочих советов, вместе с уголовниками они линчевали и убивали. Но в восстании принимали участие и простые рабочие.

* * *

...Отрадой для переводческой души были в то время и мои встречи с советскими и венгерскими деятелями искусства. В Венгрию тогда несколько раз приезжал исключительной доброты человек и выдающийся балетмейстер романтического направления Василий Иванович Вайнонен. Он ставил в Национальном театре оперы и балета «Пламя Парижа» Бориса Асафьева и «Щелкунчика» Петра Чайковского. Он не раз приглашал меня к переводческой работе с артистами балета.

Пришлось мне еще раз попотеть, изучая терминологические нюансы балетмейстерского искусства. В этом помогли мне венгерские театроведы, которые сотрудничали с Национальным театром (Nemzeti Színház). Тогда я подумал: вот чем надо заниматься настоящим людям — русским и венгерским — воплощать дружбу между венгерскими и советскими людьми. Если бы вся энергия, все средства, уходящие на военные происки, расходовались на знакомство с красотой сердец наших народов — как далеко ушли бы мы в настоящем человеческом прогрессе. И я вновь прочувствовал всю глубину слов Федора Михайловича Достоевского — «Красота спасет мир».

В это время была у меня еще одна постоянная любовь — Национальный театр, главный драматический театр Будапешта. В свободные вечера я там «пропадал», наслаждался прозрачной венгерской речью. Не пропускал ни одной пьесы, где играли Аги Месарош (Mészáros Ági), Гизи Байор (Bajor Gizi), Артур Шомлаи (Somlai Artur) — мои любимые актеры. Я старался запоминать их интонации, чистоту их произношения, восхищался музыкальностью

каждой фразы, каждого слова, какой-то невероятной певучестью венгерского языка.

Больше всего у Артура Шомлаи мне нравилась неторопливость произношения в самых драматических сценах, особенно в спектаклях по классическим пьесам. С актерской работой Шомлаи я познакомился, когда впервые увидел и услышал его в фильме Бэлы Балажа «Где-то в Европе» (Balázs Béla «Valahol Európában»), напомиавшем лучшие итальянские фильмы неореализма³⁷, и с тех пор стал его поклонником. Он также был моим учителем в познании прелести мадьярского языка.

* * *

...Вскоре я неожиданно был вызван в Москву, в ЦК ВКП(б), в связи с предстоящими юбилейными празднествами и предполагаемым приездом на пятилетнюю годовщину освобождения Венгрии от гитлеровцев заместителя председателя Совета Министров СССР, Маршала Советского Союза Климентия Ефремовича Ворошилова. Ему понадобился переводчик. Выбор пал на меня.

Часть 4.

Референт-переводчик

И вот с июня 1950 года я снова в Москве. Меня зачислили референтом по Венгрии одного из отделов ЦК ВКП(б)³⁸. Мне с гордостью сообщили: никто меня не может теперь уволить самовольно — только по решению секретариата ЦК партии.

В аппарате ЦК работали различные по своим правам и обязанностям люди. Одни — высший ранг — только командовали и подписывали бумаги, подготовленные партаппаратчиками более низкого ранга. Последние, в свою очередь, только исполняли команды или передавали их по назначению и контролировали выполнение поручений. Я принадлежал ко второй категории. У меня не было никого в подчинении, да и в своей жизни я не привык к командованию, все знания приобретал сам, все, что накопил, — при мне. Здесь, в аппарате ЦК, надо было читать все венгерские газеты, журналы, книги, набираясь мадьярскому уму-разуму, анализировать и реферировать, «выдавая на-гора» записки-объяснения, что-то вроде современных дайджестов. В мои обязанности входило также готовить ответы на просьбы, присылаемые нам от ЦК Венгерской партии трудящихся, следить за тем, чтобы эти просьбы выполнялись организациями, которым секретариат ЦК передавал их для реализации. Кроме того, мне поручалось составлять планы пребывания в СССР венгерских партийных делегаций, сопровождать их на официальных приемах в Москве и в поездках по Советскому Союзу. Приходилось мне принимать и сопровождать членов ЦК ВПТ, приезжавших по обмену на отдых и лечение в элитные санатории Управления делами ЦК. Обычно они прибывали по пятницам, а уезжали через месяц, по воскресеньям, чтобы увеличить свое пребывание в СССР.

Работы опять было по горло, первое свободное воскресенье я получил только через много месяцев — глубокой дождливой осенью, когда уже никому из привилегированных гостей не хотелось приезжать на отдых в СССР.

Распорядок работы в аппарате ЦК был сугубо сталинским, то есть подстроенным под привычки вождя: приходили в 11 часов (Сталин — в 2–3 пополудни), а уходили глубокой ночью. Сталин страдал бессонницей, из-за чего путал день с ночью. Когда он уезжал, вниз по партийно-государственной цепочке сообщалось, что «хозяин убыл». В 3–4 часа утра со Старой и других площадей и улиц Москвы, где располагались партийно-государственные учреждения, разъезжались сотни автомашин, развозя партийных боссов и чиновников меньшего ранга по домам. Правда, после смерти Сталина в 1953 году этот несуразный режим сам собой отменился, и в ЦК стали работать, как все остальные чиновники Москвы.

Первое дело, на которое я был вызван из Будапешта в ЦК, — писать речь для Климента Ворошилова, тогдашнего заместителя председателя Совета Министров СССР. Он должен был произнести ее 4 апреля 1950 года, в день пятилетнего юбилея освобождения Венгрии. Я отложил все текущие дела и обязанности и занялся приятным для меня делом — изучал русско-венгерские отношения чуть ли не от Петра I и до наших дней в поисках фактов, положительно свидетельствующих о добрососедских связях русского и венгерского государств. Я допоздна засиживался то в Государственном архиве, то в Историческом музее, то в библиотеке имени Ленина, читал книги, журналы, различные манускрипты, мемуары и другие материалы³⁹.

Естественно, я наметил включить в речь Ворошилова только положительные факты (кто же по праздникам вспоминает о соседях плохо!), и поэтому материалы о подавлении революции 1848–1849 годов, различных войнах в противоборствующих коалициях оседали у меня только в личных блокнотах, не для официального текста. Зато сколько я нашел интересного и доброго в отношениях между нашими народами! Оказывается, издавна развивалась торговля — все, чем были богаты обе стороны, все пускалось в обмен. Запомнился мне в связи с этим любопытный оригинал прошения «к Царю-батюшке Петру I майора в отставке Ивана Кудярова, главного поставщика токайских вин Двора Его Императорского Величества». В документе содержалась просьба «о высочайшем позволении выдать свою дочь за иноземца — мадьяра, не дворянина, но сына боевого офицера П. Ракоци — весь

ма расположенного к России». И рукой Петра I была наложена резолюция: «Разрешаю»⁴⁰.

Вот, подумал я, нам бы чтить деяния предков, да торговать пушным и другим нужным товаром в обмен на фрукты и вино (что, правда, частично делалось, однако явно недостаточно), а не обмениваться в основном оружием и теми материалами, которые необходимы для военно-промышленных комплексов обеих стран.

А какие живые связи и истинно добрососедские творческие контакты налаживались во все времена между мастерами культуры Венгрии и России, Будапешта, Санкт-Петербурга и Москвы! Конечно, многое из памяти стерлось, а любые записи мы обязаны были сдавать в ЦК. Но, как сейчас помню, с восхищением рассматривал я работы знаменитого венгерского графика Михая Зичи (Zichy Mihály), долгое время жившего в России и с одинаковым мастерством иллюстрировавшего произведения Петефи, Аранья, Мадача, Пушкина, Лермонтова и даже Руставели⁴¹.

Обычно после того, как был собран материал, необходимо было писать проект речи, а затем учитывать замечания людей из «мозгового центра» — идеологических отделов ЦК: пропаганды, науки, литературы, международного отдела и других. Большинство из рецензентов Венгрию знали мало, но зато настолько поднаторели в бумаготворчестве по части написания разного рода всяческих постановлений и резолюций ЦК, стандартных выступлений членов Политбюро и секретарей ЦК на любую тему, что я диву давался, как из моего «сырья» получалось все складно и на должном международном уровне.

Так что написание мною речи Ворошилова было обыденным, заурядным, рутинным делом. Только наивные люди думали у нас, что все творения вождей писались ими. Для этой работы в любых учреждениях — партийных и государственных, от Политбюро ЦК КПСС до райкомов и райисполкомов — существовал огромный штат помощников, в основном из журналистов.

Главные руководители страны в большинстве своем были, мягко выражаясь, интеллектуально слабы для написания чего-нибудь путного, большинство из них не имели законного высшего образования. Микоян, например, не умел писать по-русски⁴², а у Хрущева не было даже среднего образования и т. п.

Среди всех «мозговиков» больше всех нравился мне талантливый редактор Иван Тихонович Виноградов, как мы его звали — «Тихоныч». Он был сангвиник, нередко мгновенно засыпавший в самый разгар нашего сочинительства, но все слышал. Громко всхрапывал он ненароком и во время самых значительных заседаний отдела, и в кабинетах секретарей ЦК. Никогда не забуду, как однажды, в первые месяцы после событий 1956 года, с одной из партийных делегаций ЦК КПСС мы посетили машиностроительный комбинат Чепель (Csepel). После обхода цехов в зале заседаний парткома шли довольно бурные обсуждения «на злобу дня», и вдруг, в паузе, раздался громкий всхрап Виноградова. Кто-то из венгров добродушно бросил в зал реплику: «Если советскому гостю от скуки всхрапнулось, то чего волноваться, все у нас утрясется!» Присутствовавшие весело рассмеялись. Видимо, и храп иногда имеет политическое значение — как импульс к разрядке напряженности.

Но вернемся к речи Ворошилова. Она готова и отдана на прочтение будущему «автору» Ворошилову. Слава Богу, он одобрил, отправил в МИД, в редколлегию Правды, а затем снова на апробацию.

Настал день отъезда в Венгрию. Я выехал вместе с сопровождающими партийно-правительственную делегацию лицами — цеховцами и аппаратчиками канцелярии Ворошилова. Железнодорожный спецсостав, который состоял из салона-вагона для «главного гостя» в середине состава, вагона-ресторана, вагона с бронированной автомашиной для поездки по Венгрии, вагона для obsługi — охрана, повара, медики, парикмахер и другой неизвестный мне рабочий люд, — выехал заранее. Это было как бы опробование. Ворошилов официально выехал позднее.

К своему выступлению на торжественном заседании он готовился тщательно. На следующий день по приезду вызвал меня и еще нескольких человек из секретариата в большой особняк рядом с Посольством, где он разместился с обслуживающим персоналом, и сказал, чтобы мы слушали, как он будет читать подготовленную речь. Передо мной сидел пожилой, болезненный, круглолицый старик, с темными мешками под глазами. Он часто отлучался в соседнюю бытовую комнату, как он говорил, «позвонить в Кремль». Врач, профессор из Лечсанупра Кремля (Лечебно-санитарное

управление) все время напоминал ему, что надо лежать, а не работать, но тот только отмахивался от него. У Ворошилова были проблемы с урологией. Врач все-таки настоял на своем, сделал ему укол и Ворошилов лег, но тем не менее продолжал читку. Мне было жаль старого и не слишком хорошо к своим 70 годам сохранившегося человека — в такие годы пора на пенсию, однако расставаться с властью трудно. Геронтократия — одна из известных черт позднего периода социализма.

Упрямый и дисциплинированный был старик! «Слушайте внимательно, правильно ли я читаю, правильные ли у меня ударения!» — требовал он. Ворошилова особенно беспокоило, точно ли он произносит венгерские названия, встречающиеся в тексте. Признаюсь, дабы не случилось казуса, мы по совету первого помощника Ворошилова генерала Щербакова их потом убрали.

Он вспомнил⁴³, как однажды одна из наших знаменитых певиц, выступая в будапештском Национальном театре на торжественном праздничном вечере, пела венгерскую песню, где в припеве было слово, оканчивающееся на «ség». Последнюю гласную она пела, как короткое «Е», а не открытое «Э», а слышалось «seg», что является нелитературным названием пятой точки. И получился конфуз: сначала зал ошарашенно затих, потом с напряжением, в мертвой тишине, ждал второго куплета, а после третьего взорвался хохотом и наградил артистку такими аплодисментами, которыми, наверное, певицу не награждали даже в родном театре.

Ворошилов все же заботился о своем здоровье: как только у него закончился приступ почечной колики, он стал прогуливаться в парках Будапешта, точно отмеряя километры, рекомендованные ему лечащим профессором. Считали пройденный путь два охранника, перекладывая маленькие камушки, которые были связаны как четки по 100 штук, из одного кармана в другой. Иногда охранники сбивались со счета, тогда маршал садился на ближайшую скамеечку и приходил им на помощь.

Ворошилов говорил, что Будапешт он любит, хорошо вспоминал работу в 1945–1947 годах, когда он был председателем Союзной контрольной комиссии в Венгрии. Его узнавали, здоровались с ним, и он расспрашивал встречных будапештцев о жизни.

— Видите, — обращался он к плотно стерегущей его охране, — здесь еще не забыли Ворошилова!

Как-то будущий председатель Президиума Верховного Совета СССР⁴⁴ поехал прогуляться на катере вверх по Дунаю до Вышеграда (Visegrád). Радовался прогулке, был очень веселый, даже запел тихим и мелодичным тенорком. Говорили, что голос ему «ставила» сама Нежданова! Пел Ворошилов украинские песни, быть может, вспоминал молодые годы, проведенные в Восточной Украине, где родился. Видимо, за эту причастность к певческому цеху Сталин назначил его и держал главным куратором и покровителем всех видов искусства в СССР (не без вреда для самого искусства). Многие десятилетия Ворошилов совмещал кураторство с маршалскими обязанностями.

На катере я с разрешения Ворошилова фотографировал его, но это занятие стоило мне потом дальнейшей карьеры в аппарате маршала. Генерал Щербаков перед плаванием по Дунаю намекнул, что Ворошилову я понравился, и он хочет взять меня к себе в секретариат. Когда же мои пленки были проявлены (они до сих пор хранятся в моем архиве) и снимки показаны маршалу, он брезгливо поморщился и сказал Щербакову:

— А фотограф-то — человек злой, ни одной морщины не пропустил у меня, неужели я уж такой дряхлый старик?

И песенка моя для дальнейшего продвижения по службе была, мне кажется, спета. Больше всего я опасался, что теперь меня вообще отлучат от работы переводчика-референта — в аппарате неуважение к близкому окружению Сталина никому не прощалось. Позже я разобрался, в чем дело. Ворошилову никто и никогда не осмеливался показывать не отретушированные и не отрисованные «под молодость» его фотопортреты, а я и не знал об этом украшательском обычае. Вожди, как кинозвезды: не любят, чтобы их видели старыми.

Но опасения мои были напрасны. Старик простил меня, наверное, посчитав, что я просто фотограф-неумеха. И после празднеств мы снова гуляли по Будапешту: я переводил беседы будапештцев с Ворошиловым, а по возвращении в Москву я остался в отделе ЦК. Более того, если к Ворошилову приезжали гости из Венгрии, не владевшие русским, он вызывал меня для перевода, а когда в феврале 1951 года возглавил советскую делегацию на II съезде Венгерской партии трудящихся (ВПТ), я вновь писал проект его речи и переводил ему во время поездки. Правда, больше я его никогда не фотографировал.

В 1951 году по моей просьбе мне разрешили остаться в Венгрии на две недели — поехать по стране, сдать экзамены в университете (я теперь числился там заочником), прочитать обзорную лекцию в Русском институте. Ведь во время работы в ЦК я не прекращал совершенствоваться венгерский. Понимал, что для синхронных переговоров, которые мне теперь приходится вести, языком надо заниматься ежедневно.

Занимался теперь с Кларой Евгеньевной Майтинской. Я упоминал о ней, рассказывая о своей преподавательской работе, когда она помогала мне читать лекции в ВИИЯКе. Она закончила к этому времени первую в России трехтомную «Граматику венгерского языка». Я буквально штудировал этот солидный научный труд, и Майтинская придирчиво экзаменовала меня. Кроме того, я готовил обзорную лекцию на венгерском языке по классической русской литературе начала XX века для студентов Русского института. Клара Евгеньевна правила мой венгерский текст, гоняла как мальчишку, заставляла зубрить и сдавать лекцию на память по абзацам, потом постранично, чтобы «не краснеть за меня!».

Судьба Майтинской поистине драматична, как и у многих честных интеллигентов СССР и Венгрии того времени.

Ну, думал я, что уж властям предрержащим до проблем венгерской грамматики, но, увы, и до нее дотянулась невидимая рука «отца народов». В тот период Сталин возомнил себя ученым-лингвистом и даже опубликовал целую работу в «Правде» об учении тогдашнего академика и вице-президента АН СССР Николая Марра, который пытался «вдребезги» разбить все исследования настоящих русских и советских ученых-лингвистов.

Как раз в это время Клара Евгеньевна «на ура» защитила докторскую диссертацию, основанную на собственных многолетних исследованиях и солидных научно-теоретических трудах венгерских и русских языковедов. Но в диссертации она ни разу не сослалась на «великий труд» И. В. Сталина. Подхалим Сталина, некто Сердюченко, написал в Высшую аттестационную комиссию об антисталинском характере работы К. Е. Майтинской. Я спросил ее, почему же она не сослалась на эту сталинскую работу.

— Потому, — ответила Клара Евгеньевна, — что Марр в оценке всех настоящих лингвистов мира — не ученый. Его новое

«яфетическое» учение о языке научно не обосновано, это профанация лингвистики. Как же я могла основывать свое исследование на ненаучных теориях⁴⁵?

Дорого обошлось ей пренебрежение трудами вождя: почти пять лет ей не присуждали докторскую степень. Это произошло только после смерти «великого друга всех ученых мира» (в том числе лингвистов) и разоблачения Сердюченко.

Вспомнил это, ибо хотелось напомнить о технологии командно-приказной системы «воспитания» специалистов, работавших в сфере общественных наук, которая допускала к исследованиям в основном тех, кто приспособился к мыслям властей предрешающих, их официальной идеологии, тех, кто в тысячах и тысячах книг, статей, диссертаций умело мусолил идеологические постулаты ленинизма и сталинизма.

...И вот, оставшись на две недели в Будапеште, я снова в Русском институте, читаю обзорную лекцию о моих любимых Александре Блоке, Сергее Есенине, поэтах-имажинистах, поэтах-акмеистах, о «Серапионовых братьях», привожу по памяти строки Марины Цветаевой, Анны Ахматовой, Николая Гумилева... Тогда еще не обо всем можно было говорить, но моя литературно-преподавательская проба на венгерском, родном языке слушателей Русского института, видимо, многих заинтересовала, и я повторил лекцию на филологическом факультете университета. Это фактически и был мой государственный университетский экзамен — на занятия в университет мне больше заглянуть не удавалось.

Я, конечно, благодарен профессорам и преподавателям, которые занимались со мной, давали задания, списки литературы, заранее формулировали экзаменационные требования — ведь я был не обычный студент, а вольнослушатель, заочник. При будущей работе над диссертацией в Академии общественных наук при ЦК КПСС будапештские знания мне очень помогли.

Когда же я сопровождал партийно-правительственные делегации на III съезде ВПТ в мае 1954 года, а также в апреле 1955 года на праздновании 10-летия освобождения Венгрии от фашизма — было, естественно, не до филологии и не до университета. В такие дни просто мечтаешь выспаться.

И в студенческой среде, и в тех городах и селах, которые мне пришлось посетить с делегациями, настроения резко отличались

от тех, которые я наблюдал раньше. В стране зрело уже не подспудное, а открытое недовольство⁴⁶.

В университете и в институтах города Сегед (Szeged) преподаватели говорили мне, что насилие и террор охватили всю страну. История Венгрии, ее традиции третируются и попираются, за прогрессивные выступления против существующего положения профессора и преподаватели лишаются кафедр и выгоняются из университета и других учебных заведений (эти методы копировались с худших советских традиций), все более широкие слои населения охвачены страхом за свою работу и даже жизнь.

Поэтому когда в официальных газетах писали об интеллигентах, что они якобы скрывают свои буржуазные взгляды, но не перестают их исповедовать, — это была, разумеется, ложь. Противостояние режиму Ракоши инспирировалось его же сторонниками сверху, конфликт разжигался самими идеологами и практиками верховной власти, которые резко повернули в конце 40-х — начале 50-х годов от союза с интеллигенцией к резкой конфронтации с ней. Я прояснил это для себя во время моих последних коротких встреч в университете и Русском институте с профессурой и студентами, с которыми я был знаком уже много лет.

...Я лично был знаком с Матьяшом Ракоши. Еще в конце 30-х годов, когда я работал в Радиокомитете⁴⁷, во время кампании за освобождение Ракоши из фашистских застенков Хорти его в тогдашней советской прессе квалифицировали как «выдающегося деятеля коммунистического и рабочего движения». Я уважал этого мужественного борца с фашизмом. Теперь же я видел его на приемах в честь иностранных делегаций, приезжавших на съезды и праздники, где он без всякого труда, без запинки рассказывал и переводил байки и анекдоты на 10–12 языках (к моей белой зависти филолога).

А когда Ракоши приезжал в СССР, то в число моих обязанностей как сотрудника Отдела входило и обслуживание важного гостя во время пребывания на советской земле: я, как говорили у нас в Отделе, был «на подхвате». В соответствии с протоколом, официальные встречи и проводы первого человека венгерского государства на вокзалах и аэропортах проводились пышно, а переезды, как и положено, с большим эскортом машин. А если делегация была партийно-правительственная, то и с почетным караулом, марширующим под оркестр.

На переговорах в высших кругах мое присутствие не требовалось, потому что Ракоши хорошо знал русский. Но я должен был сопровождать семью Ракоши по вечерам и воскресеньям, а иногда и днем в будни в театры, на концерты или в какие-либо другие места согласно протокольной программе их визита. В один из таких «культурных походов» я запоздало, но все же передал письмо, написанное Лозовским «его другу Матвею».

— Привет с того света, — грустно констатировал Ракоши. — Он был хорошим человеком. И чего его — старого, больного — Сталин уничтожил буквально перед собственной смертью?

Если же чета Ракоши уезжала в санаторий на юг, я также сопровождал их и в течение нескольких дней вводил главного врача санатория в круг возможных «курортных» интересов генсека. Супруги ездили не только по южным курортам Союза, чаще они бывали в Барвихе — самом фешенебельном санатории на западе Подмосковья, в бывшем замке баронессы Мейендорф (Meuendorff). Видимо, в плане воспоминаний это было для них и приятное место: здесь они по-настоящему близко познакомились, после того как в 1940 году Феодора Федоровна Корнилова (Феня — так ее звали близкие) впервые увидела Ракоши на пограничной станции Негорелое. Она была в то время руководителем профсоюзного комитета работников юстиции и председателем Советского комитета по освобождению Ракоши. Феня встретила Матвьяша после его 15-летнего тюремного заключения и отвезла из Негорелого на лечение в Барвиху. Вскоре, в 1942 году, она стала его женой.

В Барвихе чета бывала часто — в любой приезд в Москву. Ракоши после столь длительного тюремного заключения стал больным человеком, числился по медицинским показателям в нескольких группах риска, да и жена его не отличалась хорошим здоровьем. Сталин, склонный к красивым жестам (вперемешку с жестокими санкциями), даже направил выдающегося советского хирурга, впоследствии долголетнего министра здравоохранения СССР, Бориса Петровского, постоянным личным врачом Ракоши — на случай операции. В связи с этим Петровский жил в Венгрии несколько лет.

Феня Федоровна была незаурядной женщиной. Якутка, дочь крупного золотопромышленника, она еще до 1917 года окончила русскую гимназию⁴⁸ и, когда в Ленинграде открылся Институт на-

родов Севера, где обучались эвенки, юкагиры, ненцы, якуты, буряты и другие большие и малые народы северных и дальневосточных окраин страны, стала его студенткой. Позже получила еще и юридическое образование. В Ленинграде она изучала также ремесло изготовления фарфоровых скульптур. Тогда это было ее страстным увлечением.

Феня Федоровна оказалась талантливым художником. Ее росписи по ткани и фарфору поражали своеобразием восточного и северного колорита. Это были сполохи северного сияния на шелковой ткани. Она дарила расписанные платки женам членов Политбюро, и те «стояли в очереди» за ее презентами.

Когда Ракоши занимался партийно-государственными делами в Кремле, его жена посещала заводы, где изготавливались фарфор и хрусталь, — в Ленинграде, Дулёве, Гусь-Хрустальном, Вербилках, Конаково. Я сопровождал ее в этих поездках, как и было положено по гостевому протоколу, и, не скрою, с любопытством, радостью и интересом — раньше я этого ничего не знал. Феня Федоровна, видимо, бывала здесь не один раз: рабочие, мастера и художники принимали ее не как жену руководителя Венгрии, а как профессионального мастера фарфорового дела. Скульпторы, художники по раскраске, специалисты по обжигу показывали ей свои последние изделия, она же привозила на просмотр свои собственные работы. Это были многочасовые беседы профессионалов.

В Будапеште, где с 1949 года жена Ракоши стала «первой леди Венгрии», у нее была своя мастерская с печью для обжига, построенная любящим мужем. Там создавались скульптуры жителей Севера, оригинальные фарфоровые статуэтки, необычные сервизы. Затем все это передавалось на знаменитую фарфоровую фабрику города Херенд (Herend) для промышленного выпуска. Сервизы, изготовленные по эскизам и изделиям Фени Федоровны, я неоднократно встречал в домах венгерских партработников и в магазинах, продававших фарфор, считавших за честь иметь сервиз от Ракоши. На мой вкус, они действительно были неординарными, своеобразно красивыми и изящными.

Тогда мне подумалось, а теперь я в этом полностью убежден, что и Матьяш Ракоши, и его жена Феня Федоровна волею судеб изменили своему истинному призванию. Большие личности: один талантливейший лингвист, знанию языков которого позавидовал бы

любой академик языкознания, его жена — выдающийся художник-колорист, как говорили мне искусствоведы в музеях прикладных искусств СССР и Венгрии.

Тем драматичнее итог их жизни — за провал в руководстве страны, за кровавые преступления против народа Венгрии Ракоши с позором был выдворен за пределы Родины и умер в изгнании в феврале 1971 года, а жена канула в неизвестность. Во время поездки в Венгрию в 1994 году могилу Ракоши мы нашли с трудом: урна с его прахом находится в Будапеште на кладбище Фаркашрети.

Они стали жертвами страшной логики трагической действительности XX века; как говорят венгры: попали в «чертову мельницу» и были перемолоты ею. Политика, общеизвестно, дело грязное. Так называемое партийно-правительственное окружение — сродни волчьей стае, где у вожака самые беспощадные клыки. В разгар «политического гона» он уничтожает и своих собратьев по команде с меньшими клыками, и попавших на зуб «переварков» из других команд партии, если вдруг в период «политических разборок» они попадают в охоте за лакомой волчицей — властью. Ракоши не имел самых сильных клыков в стае Сталина, и его участь была, по-моему, предрешена, запрограммирована логикой политической волчьей жизни — погоней за властью.

Вожди социализма и коммунизма социалистических стран, с которыми мне приходилось работать переводчиком, начиная с 1946 года, еще в молодости добровольно избрали путь честных кадровых революционеров, защитников угнетенных, были свято уверены, что политика пролетарских партий делается от имени пролетариев, во имя людей труда. Однако, опьяненные властью, защитники угнетенных постепенно превращались в их гонителей, входили во вкус борьбы с «врагами народа», и как результат — крах их политических свершений, а у некоторых из них и личный крах.

Только к системе ранее безудержной капиталистической эксплуатации были добавлены «чертовы мельницы», перемалывавшие всех врагов класса партократов — придуманных в классовой борьбе для большего самоутверждения.

Большие жернова партократической мельницы, такие как сталинские, перемалывали десятки миллионов невинных людей, а малые — стран-сателлитов Советского Союза, — сотни, десятки тысяч людей подвергали репрессиям.

Об этих чудовищных «обычаях» большевистской силовой диктатуры XX века еще не все написано, не все исследовано, еще спрятаны или были уничтожены последователями большевизма-сталинизма документы, разоблачающие невиданные в истории развития человечества злодейства, причем осуществлявшиеся и в мирные, невоенные периоды жизни социалистических стран.

В большие жернова «чертовых мельниц» сталинизма попадали не только трудящиеся массы, но и сами организаторы гонений и репрессий. Если мы проследим финал коммунистических вождей, то увидим, что большинство из них (далеко не только среди генсеков) погибли насильственной смертью или были отлучены от нормальной человеческой жизни. Ракоши был организатором проведения советских социальных экспериментов в своей стране и стал жертвой этой же системы.

Таковы фантазмагии социализма-коммунизма XX века, не нашедшего пока еще писателя, как Данте, с его описанием ужасов ада. Но у Данте все происходит под землей, а в большевистско-сталинском аду — на земле.

Мне выпала возможность наблюдать жизнь Ракоши с 1945 года по день его принудительной эмиграции в 1956 году. Он недолго удерживался у власти после смерти Сталина.

В сущности, Ракоши проявлял тот же безрассудный авантюризм в экономике, что и Сталин, пытался создать тоталитарный большевистский контроль над всеми сферами жизни венгерского общества. Не без палаческой помощи «вождя народов» и его сатрапа Берии абсолютизировал насилие и жестокость в захвате и удерживании власти, насаждении сталинского и собственного культа личности.

Ракоши, честный кадровый революционер, один из лидеров международного коммунистического движения, попал в лапы хортистов, по практике власти однотипных с другим фашистским отрядом — национал-социалистами Гитлера⁴⁹. После 16 лет заключения он в 40-е годы оказался в мало чем отличавшейся от Муссолини, Франко, Хорти, Гитлера и других фюреров сфере власти Сталина и Берии. Пройдя сталинскую школу ненависти, он организовал свои «ракошистские» застенки, тоже стал палачом и был убран с политической арены как несостоявшийся лидер партократизма Венгрии самим восставшим народом, который, к счастью, раскусил его раньше, чем советские люди распознали маньяка власти — Сталина.

Почти каждое лето Сталин имел обыкновение по очереди «вызывать на отдых» сначала на Кавказ, а потом и в Крым руководителей братских партий. Проводили они вместе с «отцом народов» одну-две недели. Но однажды, в один из летних периодов в Отдел ЦК поступила необычная команда: подготовиться к общей встрече. Сталин, вынужденно идя навстречу бесконечным и настоятельным просьбам пересмотреть географическую неурюстроенность на границах социалистического содружества, якобы решил кое-что «подправить»⁵⁰.

Мне пришлось засесть за изучение Трианонского мирного договора 1920 года, когда от Венгрии к Румынии отошли Трансильвания и восточная часть Баната, к Югославии — Хорватия, Бачка и западная часть Баната, к Чехословакии — Словакия и Закарпатье. Пришлось заниматься и материалами Венского арбитража, проведенного Гитлером⁵¹. Были географические споры и между Чехословакией и Польшей, Болгарией и Югославией. Их также надо было изучать.

Вдобавок к международным решениям необходимо было читать и десятки записок по территориальным вопросам, поступавших чуть ли не с 1945 года от братских партий. К тому же нам, референтам стран, руководители которых спорили о границах, предстояло проанализировать огромные кипы документов из МИДа, проштудировать книги ученых-историков и другие материалы по территориальным спорам. Горячее было лето — все референты отдела, что называется, «взмokли».

Наконец, для консультантов были заготовлены целые тома справочного материала, а для Сталина — краткие записки, не более трех страниц по каждой спорящей стороне. В том году вождь отдыхал на кавказском озере Рица, на специально построенной для него даче. Ракоши, приглашенный Сталиным вместе с другими генсеками, взял меня с собой «на подхват» и для перевозки венгерских и советских материалов по спорным вопросам с нашими и общеевропейскими доказательствами.

Нас, сопровождающую «команду», разместили в гостинице на южном берегу озера, а генсеки на катерах отплывали на дачу Сталина с названием «Светлана». Двое суток мы просидели в гостинице, наконец вожди появились один за другим. На их

непроницаемых лицах трудно было что-то прочесть. Но я вроде бы уловил атмосферу недовольства, которая витала в воздухе. Спрашивать гостей — у нас не было принято, но любопытство меня распирало, и лишь в самолете Ракоши позволил себе реплику:

— Все горячо спорили, Сталин по обыкновению произносил тосты за каждого из нас, потом в заключение сказал: «Я вас всех выслушал, всех понял, а теперь выпьем за интернациональную дружбу! До свидания, всем вам счастливого пути!» И все!

Так я стал невольным свидетелем нового международного договора «Светлана», по «устному» решению которого географические границы социалистического лагеря остались нерушимыми. Как известно, в подготовке народного восстания 1956 года в Венгрии трансильванский вопрос был широко использован для разжигания националистических настроений⁵².

Наши труды не понадобились. Все, на мой, может быть, не совсем научно-исторический взгляд, было заранее запрограммировано Сталиным — интересы народов соцлагеря, международные договоры и соглашения вновь были попорчены⁵³. Это была еще одна демонстрация всемогущества имперской политики Кремля.

* * *

В начале 50-х годов наряду со штатными обязанностями референта ЦК мне приходилось знакомиться с делами венгров, исключенных из партии по стандартному обвинению: «участие в заговоре против Сталина». Это были документы архива Комиссии партийного контроля сначала ЦК ВКП(б), а затем переименованного в Комитет партийного контроля ЦК КПСС, переданные туда из Коминтерна. Комиссию и Комитет возглавлял тогда «самый справедливый» человек в компартии Советского Союза — Матвей Шкирятов. Он руководил «чисткой» партии, имел собственную тюрьму, где лично допрашивал особо важных персон и за свои заслуги даже похоронен в Кремлевской стене.

После решения Комиссии, что было формальной предварительной процедурой, все дела автоматически передавались в следственные органы Берии. Чудом спасшиеся от этой мясорубки венгерские коммунисты скрылись в конце 30-х годов кто куда:

переехали в провинцию, поменяли свои фамилии на фамилии жен (многие из них успели обзавестись семьями), несколько раз меняли места работы и проживания, уходили на фронт под другими именами.

Работа по выявлению «врагов» проводилась по просьбе Ракоши для розыска венгерских эмигрантов, уцелевших в 1936–1937 годах от истребления в бериевских застенках и концлагерях, чтобы привлечь их на работу в новой Венгрии.

Разыскать их было нелегко, да и те венгры, которых удалось обнаружить, не хотели ехать на родину: они мало надеялись, что их там оставят в покое. Ужасы, о которых мне рассказали беглецы, участники венгерской коммуны 1919 года, спасавшиеся от коммунистической сталинской диктатуры, — неописуемы. Боюсь, что спустя десятилетия и не найдется свидетелей незаслуженных мучений эмигрантов.

...Сдвигая хронологические воспоминания во времени, я считаю необходимым описать, как был смещен Ракоши⁵⁴ еще до того, как его изгнали из Венгрии в 1956 году. Мне пришлось встретиться с Ракоши в трагический для него день 13 июня 1953 года, когда состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС «О положении в Венгрии»⁵⁵.

Заседание проходило в том зале, где когда-то председательствовал Ленин, потом Сталин. В этот раз заседание Политбюро вел Георгий Маленков, тогдашний Председатель Совета министров СССР, справа от него сидели Вячеслав Молотов, Никита Хрущев, слева — Лаврентий Берия, Анастас Микоян и другие. Венгерская делегация была в составе: Ракоши, Герё, Надь, Хегедюш, Хидаш, Доби, Фёльдвари, Салаи. Не были вызваны в Москву Фаркаш и Ревай — еще накануне ЦК КПСС «посоветовал» не вводить их в структуры Центрального руководства ВПТ. Ведь составы «малых» Политбюро соцстран всегда, мягко выражаясь, рекомендовались «большим» Политбюро ЦК КПСС.

Заседание началось без всякого вступления. Информацию Ракоши сразу же прервали репликами Молотов и Берия:

— Расскажите, как вы довели страну до ручки, посоветуйте, как нам теперь расхлебывать все за вас, — допрашивал Молотов (я заметил, что его глаза, как буравчики, просверливали собеседника).

Не дожидаясь ответа, Хрущев, Молотов, Микоян в грубой форме (остальные репликами поддакивали) учинили недавним соратникам разнос. Говорили, что в Венгрии применяются командные методы управления, что народ Венгрии живет в постоянном страхе от репрессий, что руководители партии оторвались от масс, что развитие тяжелой промышленности идет необоснованно высокими темпами, что в стране принудительно загнали всех крестьян в сельхозкооперативы. В Венгрии, которая всегда сама себя кормила, есть нечего, и недовольство людей политикой Ракоши растет изо дня в день. Словом, «на воре шапка горела», ибо эти обвинения верные соратники Сталина с прямым основанием могли бы адресовать и себе. Выступления подтверждались фактами и цифрами и выглядели убедительно. Особенно когда говорил Молотов, оперируя посольской информацией.

Это, по-моему, было не заседание высшего политического органа партии — святого ареопага мудрости, как я до этого считал. Это был допрос подсудимого во время судебного следствия, но не для установления истины, а для аргументации заранее вынесенного приговора. На этом заседании Политбюро Берия приводил страшные цифры убийств, которые были совершены по приказаниям венгерской четверки — Ракоши, Герё, Фаркаша, Петера.

Фамилии всех казненных в памяти я не удержал. Очень страшный и нервный для меня был этот перевод. Но все-таки запомнилось, что по делу расстрелянного Ласло Райка казнили с ним еще 25 человек⁵⁶, осудили по этому делу на разные сроки около 100, в том числе половину на сроки более 10 лет. Мне запомнилось, что советские руководители обвиняли венгерских «товарищей», что они «зря» посадили Яноша Кадара, а также социал-демократических лидеров — Арпада Сакашича (Szakasits Árpád), Дьёрдя Марошана (Marosán György), что «не за дело» казнены многие военачальники, председатель Совета профсоюзов Эдён Кишхазы (Kisházi Ödön) и сотни, и сотни других коммунистов-подпольщиков, в том числе рядовые социал-демократы, участники движения сопротивления против фашиста Хорти. Около полумиллиона венгерских крестьян, не желавших вступать в венгерские колхозы, судебно преследовались. Через различные концлагеря прошел каждый третий-четвертый житель страны.

Когда же Ракоши и в особенности Герё стали доказывать, что репрессии, да и вся партийная политика основывается на советах из Москвы, ведь в каждом венгерском министерстве работают советники, присланные из СССР, в том числе и в АВХ — венгерской госбезопасности, ярости Берии не было предела. Надевая и снимая пенсне, брызгая слюной, он кричал и ругался матом (матом на этом заседании ругались все, кроме Маленкова и Молотова), переходил почти на визг:

— Где документы наших указаний и советов, документы где?! Вы говорите, что этих письменных доказательств у вас нет, ну а если нет документов, значит, вы еще и клеветники и провокаторы, нет вам места в руководстве Венгрии! Вас ничему не научили процессы Ласло Райка, болгарского Трайчо Костова и других шпионов, давно стертых в лагерную пыль?! — орал Берия.

Конечно, это было подлое заявление главного палача Советского Союза — все, и советские, и венгерские деятели, присутствовавшие на этом заседании, знали, что смертные приговоры заранее выносились Берией и не только советским безвинным людям, но и гражданам «братских стран».⁵⁷ В то время Ракоши трусливо соглашался с этими кровавыми указаниями, а реализовывались они в Венгрии начальником политической полиции Габором Петером (Péter Gábor), а из советского МГБ уполномоченным Берии в Венгрии советником Михаилом Белкиным⁵⁸.

Берия на заседании Политбюро вел себя разнузданно, говоря точнее — по-хулигански, сплевывал не в плевательницу, стоявшую у него под ногами, а прямо на пол, около себя. Я цепенел от ужаса и омерзения. Мне казалось, что я нахожусь на каком-то ведьмином шабаше.

Это заседание Политбюро фактически вел Берия, беспардонно перебивая формально председательствующего Маленкова и Молотова, а также невнятно что-то бормотавшего Микояна — все они словно находились в каком-то трансе. Берия с каждой минутой все более и более входил в раж, становился все разнузданнее и разнузданнее, показывая всем остальным членам Политбюро, что на самом деле теперь он в стране хозяин. Причина такого поведения Берии мне раскрылась позже: как выяснилось — уже был подготовлен заговор, в результате которого он становился главой государства. Заговор, как известно, не удался. Безропот-

ные, внешне соглашавшиеся со всеми высказываниями Берии члены Политбюро, готовили контрзаговор. Значительно позднее, из материалов следствия по делу Берии⁵⁹, я узнал причину транс остальных членов Политбюро. Берия верил в успех своего заговора и заранее чувствовал себя хозяином положения, был убежден, что главой страны должен быть он. Берия уже предвкушал, как будет рвать горло всем сидящим на этом заседании Политбюро. Но не успел: 26 июня 1953 года в этом же зале заседаний он был схвачен и обезоружен офицерами Московского военного округа, завернут в ковер и вывезен из Кремля мимо охраны МГБ в подземный бункер штаба округа. Через несколько месяцев он был осужден и расстрелян.

То заседание Политбюро 13 июня длилось несколько часов, был жаркий летний день, окна не открывались — бушевали дождь и гроза, рубашка у меня промокла до поясного ремня.

Когда на заседании возникало редкое затишье, мой перевод еще слушали, потом каждый говорил, не слушая другого, да и слушать было незачем — властители соцлагеря договорились заранее: Ракоши отстранить от должности премьер-министра, временно, «для исправления ошибок» (до пленума ЦК ВПТ), оставить за ним должность первого секретаря, а пост премьер-министра передать Имре Надю. Как известно, ошибки эти Ракоши не исправил — назревало народное восстание.

Последний раз я встретился с Ракоши в конце июля 1956 года, когда он был освобожден от должности первого секретаря и мне поручили сопровождать его при отъезде (фактически в ссылку) в Краснодар⁶⁰. Там он поселился в небольшом доме вместе с женой Феней Федоровной.

Затем, когда я уже не работал в аппарате ЦК, а вел научную работу по Венгрии в Академии наук СССР, до меня доходила информация, что Ракоши много раз писал прошения, чтобы ему разрешили жить в Венгрии, но его не пускали. Правда, потом из-за ухудшившегося здоровья его перевели поближе к Москве, в Горький (теперь Нижний Новгород). Умер Матяш Ракоши в 1971 году.

После этого побоища на Политбюро у меня осталось очень тяжелое впечатление. Я впервые увидел без прикрас истинные лица «небожителеев». Прежде в моих личных представлениях эти люди были на высоком пьедестале. И вдруг я разглядел в них что-то

нечеловеческое, звериное и мне стало страшно и противно участвовать в грязных политических игрищах. Я решил уйти из аппарата. Но оттуда так просто не уйдешь: очень много знаешь о порядках в ЦК, о руководящих личностях, деталях — не ровен час, сболтнешь чего не надо и где не надо. Можно было сослаться на болезни, но я был здоров. Остался единственный выход — уйти на партийную учебу, а оттуда потихоньку — на научную, в Академию наук. Так я и сделал. Тем более в ЦК любят внедрять в науку бывших аппаратчиков, считая, что там они будут проводить в исследованиях надлежащую партийную линию.

В 1952 году меня отпустили из отдела ЦК на годичные аспирантские курсы в Академию общественных наук при ЦК КПСС, где я должен был закончить и защитить кандидатскую диссертацию на тему «Современная венгерская литература». Диссертацию за год не напишешь, я давно занимался ею, готовил исподволь все годы, когда выпадали свободные дни и часы, главным образом во время отпусков.

Однако номер с уходом не удался. Грозные события в Венгрии уже назревали, и меня сняли с учебы. К диссертации я вернулся несколько позже, снова работая в аппарате ЦК.

Часть 5.

Знакомство с Яношем Кадаром (Донбасс — Днепропетровск)

С Яношем Кадаром я впервые познакомился весной 1955 года, когда он приехал в Москву во главе венгерской делегации по обмену опытом партийной работы. Первая поездка намечалась в Донбасс. Среди наших гостей царило радостное настроение, так как их большинство составляла партийная молодежь, только что освобожденная из тюрем⁶¹. Это было новое поколение будущих руководителей страны. Яноша Кадара освободили 22 июля 1954 года. После освобождения он стал секретарем райкома партии XIII промышленного района Будапешта «Андьялфёльд» (Angyalföld — Ангельская земля).

Я заметил, что среди членов делегации он пользовался каким-то особенным авторитетом, к нему относились безгранично тепло и постоянно, но ненавязчиво о нем заботились.

Мне он сразу приглянулся: широкоплечий, с большими светлыми глазами, в которых таилась неуловимая улыбка. Лицо с ямочками на щеках, каким-то чудом сохранившимися у него после стольких лет мучений в его драматической жизни революционера-подпольщика при фашизме Хорти, после напряженной партийно-государственной работы в послевоенной Венгрии, тюремных мытарств при режиме Ракоши, которых хватило бы на нескольких человек. Правда, когда я встретился с Кадаром через 12 лет в 1967 году, проездом в Югославию через Будапешт с туристической группой, перешли эти ямочки в отметины постоянно напряженной жизни, стали глубокими бороздками-морщинами.

Я всегда буду помнить его улыбку, располагающую к себе, причем не дежурную и не ко всем, а по отношению к понравившимся людям. Переживший много драматических ситуаций, обманов и разочарований, он как-то интуитивно чувствовал неискренних людей, льстивших, желающих понравиться ему из-за выгоды. Тогда он сразу (и я это наблюдал) становился сухим, отрешенным, а взгляд его устремлялся куда-то мимо собеседника. Эта интуиция,

мне казалось, выработалась у него в период подпольной работы, которая всегда велась на острие ножа и когда малейшие ошибки и промахи в ней не прощались.

Когда мы с Кадаром познакомились поближе, он мне говорил о верных людях: вот этот хороший человек, на него можно всецело положиться, а вот с этим надо быть осторожнее, что-то в нем не внушает доверия, нет искренности... А этот наверняка от вашего КГБ прикреплен, не говорите при нем лишнего, неправильно истолкует — и у вас будут неприятности.

Я однажды спросил Кадара, как это он так быстро распознает людей — будто на сортировочной веялке отделяет зерна от плевел. Усмехнувшись, Кадар ответил:

— Пожили бы как я — научились бы. Но врагу не пожелаю быть знатоком в этом «полицейском» деле — кровью пишется эта наука, хотя называется безобидно: политическое чутье. Я вот сразу понял, что вы не из органов КГБ, ничего лишнего ни у меня, ни у других членов делегации не спрашиваете. Живой интерес проявляете только к самой стране, ее жизни, культуре, интерес искренен, так как знаете язык. Чувствуется, хотите иметь более глубокое представление о Венгрии.

— Вы угадали, — подтвердил я, — я не из КГБ, я из трудовых партаппарата, «партийный проли», как вы таких называете. И цель моя — хорошие дружеские отношения между нашими людьми и странами.

Кадар, пострадавший от советских и венгерских сотрудников КГБ, как мне казалось, несмотря ни на что не таил зла к службе безопасности, он просто хорошо знал эту структуру, необходимую для любого государства. Делил их работников на настоящих чекистов, честно защищающих от врагов свой народ, и карьеристов, морально растленных палачей, упивавшихся своей безнаказанной властью, одинаково вредных для честных как советских, так и венгерских людей.

Характер бесед Яноша Кадара с трудовым советским человеком обычно отличался неподдельной заинтересованностью. Как я замечал, она велась на равных. Причем когда разговор касался самой сути дела, Кадар допытывался до мелочей, а если партнер по беседе был рабочим или мастером, то интересовался методами и приемами труда. Если разговор проходил у какого-то станка или агрегата,

то Кадар просил показать, как это делается, как изготавливаются детали, ведь Кадар в прошлом был механиком, поэтому с интересом рассматривал инструменты и приспособления. «Свой мужик!» — слышал я зачастую от рабочих после такой беседы.

Поэтому протокол пребывания делегации, особенно если это касалось всяких заседательских процедур или застолий, из-за таких длительных неформальных общений главы делегации с людьми иногда нарушался.

Кадар любил встречаться с простыми углекопами Донбасса: его интерес к ним был неподделен, и это вызывало взаимную любознательность. Люди видели в нем человека, заинтересованного в общении не для «официальной галочки», не начальственную личность, снисходящую к ним для показа, чтобы продемонстрировать, что она желает «узнать больше о жизни народа», и особенно проявляющую свою активность, как я замечал, если рядом были журналисты, кино- и фотокорреспонденты.

Как я наблюдал впоследствии, когда работал в Венгрии, не менее тепло и просто Кадар также разговаривал с венгерскими людьми во время выступлений в больших залах в Будапеште, на митингах на стадионах, где мне приходилось с ним бывать после октября 1956 года. Нередко при тысячных аудиториях к нему кто-то из слушателей запросто обращался: «Слушай, Янош, скажи-ка мне!..»

Не получалось в Донбассе интересного разговора у Кадара с некоторыми «показушными» учеными-теоретиками, явно старавшимися щегольнуть своей ученостью перед венгерским гостем. Они хвастались своими знаниями иностранных терминов, вели умные разговоры о сравнении пластов, о коэффициентах отдачи, о разнице в химическом составе венгерского и советского угля, хотя и не видали ни разу хотя бы кусочка мадьярского угля. При такой беседе Кадар как-то напрягался, лицо его становилось уныло-серьезным, с ухмылочкой, как бы думая про себя: «И зачем ты передо мной выпендриваешься?»

Правда, это не относилось к тем образованным, умным угольщикам-ученым, которые были не только теоретиками, но и практиками, и которых мы встречали в Донбассе. Ведь они сами излазили не один штрек и могли говорить с Кадаром по существу. Кадар и сам практически знал угольное дело, очень уважал углекопов за их каторжный и опасный труд, не раз лично бывал у шахтеров

в городах Тагабана, Шалготарьян, Печ, Комло. Он и раньше, при Хорти, спускался в угольные забои не один раз, но не по своей воле. Ведь, как известно, венгерский довоенный правитель любил «закапывать» коммунистов в шахтах, которые за короткое время зарабатывали себе туберкулез.

Когда он приехал в Москву и составлялась программа работы делегации, то Кадар настоял на посещении Донбасса, хотя в международном Отделе ЦК партии не советовали туда ехать: в Отечественную войну в 1943 году там прошлись карательные отряды венгерской армии. При отступлении хортистские гестаповцы зверствовали страшнее гитлеровских, народ тамошний об этом хорошо помнил, и в отделе ЦК опасались — как бы не произошли какие-либо эксцессы. Но эти опасения оказались напрасными: шахтеры — народ разумный, умеют разбираться в людях, и никакой враждебности по отношению к делегации не было в помине.

Вспоминаю, как в Донбассе Кадар разговорился с немолодым шахтером Петром Приходько. Как я уже заметил, он всегда больше любил разговаривать с простыми рабочими. Мне казалось, что эти разговоры не носили такой официальный, «советско-бодряческий» характер, как беседы с различного ранга начальством с их заранее заготовленными речами: «У нас все отлично!»

Приходько рассказывал о нелегкой работе шахтеров, ничего не приукрашивая, говорил о тяжелых условиях труда, о том, как нередко гибнут углекопы. Кадар попросил более детально показать забой на этой шахте. Приходько с хохлятской хитрецей, заранее ожидая шаблонный отрицательный ответ, сказал, что наглядно можно все показать, только спустившись в шахту. Тогда Кадар попросил у начальства разрешения спуститься ему и несколькими членам делегации в шахту.

Что тут началось! Заместитель директора по безопасности сказал, что не горнякам, не привыкшим людям там, в условиях глубокого подземелья, может сделаться плохо, что никто не гарантирует, что не взорвется рудничный газ, а не зная шахты, легко попасть под вагонетку, или же случайно дотронуться до электрических проводов. В общем, это слишком опасно!

Кадар эти объяснения выслушал и заметил, что он бывал в шахтах Венгрии, поэтому ему хочется посмотреть на условия работы горняков Донбасса, сравнить их с венгерскими. В итоге просьба

гостя была удовлетворена: мы спустились в забой, и Петр Приходько был нашим проводником. Это была шахта глубиной около 400 метров, недавно запущенная в производство. Наш шахтерский гид по просьбе Кадара повел группу в свой забой и на деле показал, как добывается донбасский антрацит.

В шахте было жарко, душно. Где-то поблизости недавно завалило двух шахтеров, но благодаря профессионализму руководителей их довольно быстро откопали. Совсем молодой шахтер, почти мальчишка, попал в забой первый раз, плакал от испуга. Приходько горько пошутил: «Чего плакать-то, ведь откопали. Вот если бы не отрыли, тогда — другое дело, тогда и надо было плакать. Другим!»

Кадар после того, как поднялись наверх, тоже горько пошутил: «Зачем опасных рецидивистов-уголовников наказывать тюрьмой — достаточно год-два поработать как следует на шахте, и им больше не захочется ни грабить, ни мошенничать, ни насиловать».

Затем состоялся шахтерский прием. Приходько сидел рядом с Кадаром. Выпили. Старый горняк осмелел:

— Скажи-ка, товарищ Янош Кадар, у вас в стране живут две национальности или одна? Вот в войну здесь прошли мадьяры — страшнее мучителей и заворуев не было, ложку на столе нельзя было оставить без присмотра! А вот есть венгры, такие как вы — порядочные, душевные люди из трудящихся, на нас похожие.

Кадар рассмеялся:

— Нация-то у нас одна, нас называют венграми, а мы сами себя — мадьярами. Только есть у нас, как и среди любого народа, как и у вас, и убийцы, и заворуи-чиновники, и насильники, и мародеры. Но большинство людей честные, порядочные, на них мы и держимся, вот как на вас, шахтерах, земля держится.

В ходе работы делегации мы с Кадаром скоро нашли общий язык. Он, как я заметил, дотошно интересовался повседневной жизнью находящихся рядом с ним людей, подробно просил рассказать о них и меня. Причем не удовлетворялся короткими ответами, а расспрашивал подробно, словно представляя детали рассказанного. Видимо, это помогало ему лучше понимать суть жизненных процессов. Так и в беседах со мной он с интересом расспрашивал о моей жизни. Я сказал Кадару, что моя жизнь может быть любопытной для него лишь как «среднестатистическая» советских времен 20–50-х годов. Стандартная история обычного парнишки

Симоновской слободы, пролетарской окраины юга Москвы, который при поддержке советским режимом пролетарских мальчишек самостоятельно пробивал себе путь к нормальной жизни за счет собственных усилий, за счет отказа от многих удовольствий, а зачастую и от элементарных вещей.

Еще подростком я вбил себе в голову, что могу стать писателем — после того, как в «Пионерской правде» напечатали мою заметку и кто-то в редакции, видимо, шутя, сказал, что у мальчишки есть литературные способности. Я спросил, что такое «литературные способности», на что мне посоветовали много читать, знать русскую литературу, вдумываться в явления жизни, быть любознательным и писать, писать, писать обо всем, что интересно... в «Пионерскую правду». Вот и стал я стремиться воспитать в себе эти «способности» и стал, как тогда нас называли, — «деткором» (детским корреспондентом).

А жизнь была трудная. Я рассказал Кадару, что жил с трех лет без отца, что в начале 20-х годов поселили нас в трущобном домике, который до революции 1917 года занимал дворник хозяина дома. Мать работала прачкой, стирая белье сезонным рабочим (мы их называли «сизарями»), надо было кормить меня и моих двух старших сестренек — Лиду и Надю. К счастью, скоро появился отчим, плотник, Сергей Васильевич — добрая душа. Он усыновил меня (взять в жены женщину с тремя детьми — на такой жизненный подвиг не каждый осмелится), и стал я не Володя Сергеев, а Володя Байков.

Мать, Елизавета Николаевна, была женщиной полуграмотной, она не научилась писать, но читать умела и любила, и с детства чтение стало нашей семейной традицией, мы читали все запоем, допоздна, пока в лампе не кончался керосин.

В 13 лет пошел учеником электромонтера на завод «Динамо» (в справке мне прибавили два года, иначе на завод не брали). У матери от бесконечной стирки опухли руки, а отчима, отравленного ипритом в первую мировую, мучило в то время обострение туберкулеза. Я рассказал Кадару, как много занимался спортом, чтобы стать сильным и не быть битым мальчишками из соседних домов. Вспоминал и о том, как я часто ездил в село Крылатское (тогда это было пригородное Подмосковье), где жил брат отчима Александр Васильевич. Там я впервые «охотился» — ходил по лесу и собирал муравьиные яйца, ловил щеглов и дроздов, которых дядя Саша

потом продавал на Птичьем рынке в Москве, чтобы прокормиться, ну и купить для нас что-нибудь вкусненькое, например леденцы на палочке! А муравьиные яйца нужны были для канареек, дядя Саша славился в округе как большой умелец обучать пению молодых кенарей.

Я рассказал Кадару, что от чтения не отвык и в юншестве стал сам писать в заводскую многотиражку, а когда начал заниматься парашютизмом и альпинизмом, то сочинил свой первый литературный опус — повесть об альпинистах (ее даже напечатали с продолжением в заводской газете). Меня зачислили в Вечерний рабочий литературный университет (ныне Литературный институт имени А. М. Горького). Начал подрабатывать в журналах и газетах. Потом окончил университет, где, кстати, в то время учились многие ставшие известными писатели и поэты. Я выучил английский, приступил к написанию диссертации о Джеке Лондоне, даже успел написать две главы, но... с первого дня нападения гитлеровских войск в 1941-м пошел на войну. Вернулся с фронта в 1945 году, но был направлен не домой, а в Венгрию. Рассказал ему о том, как выучил венгерский язык.

Кадар слушал внимательно (даже история моей ни в чем не примечательной жизни была для него интересной). Подогреваемый его вопросами рассказ о моей жизни затянулся допоздна. Беседа эта была доверительной, поэтому я осмелел и попросил Кадару, в свою очередь, рассказать о себе.

Начал он с того, что родился незаконнорожденным. Отец их бросил, и жил он с матерью и младшим братишкой в деревне в нищете. Приютила их в доме под соломенной крышей бездетная семья его дяди Шандора. Мать сумела все-таки взять Яноша в Будапешт, где, работая прислугой, прачкой, уборщицей, дала ему начальное образование. Затем он окончил профессиональное училище, что для детей пролетариев было большой редкостью. Хотя Янош и переехал в город, однако долгое время не мог там прижиться — был для городских ребят чужим, «деревенщиной», и только на каникулах, гуляя по лугам и лесам, чувствовал себя в своей тарелке и не таким ненужным, потому что собирал сучья, рубил лес, пас свиней, помогая тем самым матери.

— В Будапеште я выучился на мастера по ремонту пишущих машинок, — рассказывал Кадар. — Жизнь впроголодь вроде осталась позади, но тут грянул экономический кризис⁶² и я оказался

на бирже труда. Опять настала нищая жизнь: мать также потеряла работу, нашу семью выбросили на улицу, лишив жилья. К этому времени у меня начала формироваться ненависть к миру насилия и несправедливости. Тогда же, в 1931 году, я попросил, чтобы меня приняли в нелегальную молодежную организацию, к таким же юным пролетариям, как и я, знающим, как надо бороться, держаться вместе, а не сгинуть поодиночке. Мы хотели изменить эту несчастную жизнь — без работы и куска хлеба — на более светлую долю. Так судьба «проли», как называли нас — молодых рабочих, позвала меня тогда в молодежное движение. В то время я пытался зарабатывать на хлеб чернорабочим, дорожником, сторожем. Через полтора месяца, после того, как стал комсомольцем, я был впервые арестован, но это меня не испугало. Я вступил в партию коммунистов — меня опять бросали в тюрьму за мои убеждения, и не единожды. Потом я узнал, что такое глубокое подполье.

Нравилось мне в Кадаре, что он любую минуту использовал для чтения. Несмотря на то, что он не имел высшего образования и не знал иностранных языков, все же был очень начитанным, хорошо знал Эптона Синклера, Льюиса Синклера, О. Генри, Гоголя, Достоевского, Толстого, не говоря уже о родных ему Петёфи, Ади, Миксате, Морице и других венгерских писателях. Мне, откровенно говоря, разговаривать с ним о литературе было неожиданным и огромным удовольствием. Однако незнание иностранных языков, по моим дальнейшим наблюдениям, во время работы в парламенте его несколько сковывало, тем более что окружавшие его многие чиновники легко говорили на английском и на немецком.

Любимым писателем у него был также Джек Лондон, романы и рассказы которого мы вспоминали в поездках или на немногочисленных вечерних посиделках. Мы «подружились», если мне можно так сказать о дружбе переводчика с человеком такой героической судьбы.

В первые дни работы в Донбассе члены делегации стали приглашать меня поучиться играть в карты — в их любимую «улти». По ходу игры они откровенно говорили о неминуемых переменах, о расплате Ракоши, Герё, Фаркаша и иже с ними за убийство невинных людей, за скитания по тюрьмам, за пытки, которым подвергались и они, и тысячи других жертв, за раздутую для маленькой Венгрии промышленность, говорили о подневольных крестьянах

в сельскохозяйственных кооперативах страны. Я понял, что в делегации есть группа проверенных единомышленников Кадара, даже, скорее, соратников — членов его будущей «команды». Потом это подтвердилось: когда в ноябре 1956 года Кадар пришел к руководству страной, многие из этой делегации оказались рядом с ним.

После Донбасса вся группа переехала в Днепропетровск. Каждый вечер, после дневных встреч на заводах, в колхозах, в институтах, где шла работа по обмену опытом, гостиница, где расположилась венгерская делегация, пустела — гости уходили побродить по городу. В ней оставался Кадар с несколькими товарищами, чтобы поиграть в его любимую игру — шахматы. Узнав о его привязанности к этой игре, шахматный клуб Днепропетровска организовал к удовольствию «старшего из гостей» своеобразный шахматный турнир. Игроков собралось больше, чем предполагалось, кроме клубных шахматных досок, многие принесли свои.

Как положено, руководители клуба попросили Кадара сказать вступительное слово, поведать, как он, занятый такими важными делами, находит время для серьезного занятия шахматами. И Кадар рассказал, что начал играть еще в юношестве, даже участвовал в турнире юных шахматистов Будапешта, организованном на средства профсоюза металлистов, и занял первое место.

— К слову, — добавил он, — там меня наградили первой марксистской книгой «Анти-Дюринг», из которой я ничего не понял, но то, что я все-таки сумел в ней разглядеть, завело меня затем в нелегальную молодежную организацию. А потом, — продолжал Кадар, — шахматы научили меня логически мыслить, рассчитывать варианты, сначала подумать, а затем уж предпринимать ход, не возноситься от побед и не впадать в отчаянье в случае поражения — все это пригодилось мне в юности, да и в последующей партийной работе и в политической борьбе.

Кадар вручил победителю турнира приз. Узнав заранее, что днепропетровцы хотят организовать турнир в его честь, он купил в антикварном магазине огромную, складывающуюся в чемодан шахматную доску с красивыми фигурами.

Кадар, как утверждали днепропетровцы, был сильным игроком и играл по меньшей мере на уровне шахматного мастера первого разряда, поэтому не все, принявшие участие в этом турнире, смогли его одолеть.

Продолжая шахматную тему, вспомнил, что по возвращении в Москву, посетив художественную выставку, Кадар обратил внимание на небольшую картину «Ленин играет в шахматы» художника Павла Судакова, к счастливому совпадению — моего школьного товарища. Картина понравилась Кадару. А финал был таков: Павел Судаков в одну из поездок в Венгрию, зная от меня об оценке Кадаром этой картины, подарил ему свою работу. Пока я работал в Венгрии, я видел, что картина постоянно висела на стене в кабинете квартиры Кадара.

...В Днепропетровске стояла теплая весенняя погода, венгерские гости с удовольствием гуляли по городу, его паркам. А когда однажды вечером молодых, жизнерадостных мадьяр пригласили на концерт в Днепропетровское музыкальное училище, то после прощального вальса танцующие пары быстро «испарились». К Кадару обратился взволнованный начальник городской милиции:

— Нам поручено охранять членов вашей делегации, так как к нам с теплыми днями «на гастроли» собирается много уголовной шпаны, а мы не можем найти ваших товарищей, до этого дня всегда ходивших группами. Как бы чего не вышло!

Кадар, как всегда в шутливой манере, успокоил милицейского начальника:

— Вы их не найдете, они разбрелись по квартирам, мы договорились быть в гостинице не позднее трех. Несмотря на их молодость, большинство ваших гостей опытные подпольщики — за ними даже хортисты не смогли уследить. Не волнуйтесь, все будет в порядке!

...Около трех ночи «дисциплинированные гуляки», все как один, были в гостинице. Что поделаешь — молодежь: музыкантши-хохлушечки были очень привлекательны, да и молодцеватые усатые мадьяры — им тоже под стать!

Приближалось время прощания с гостеприимным Днепропетровском. Кадар наносил прощальный визит секретарю обкома Владимиру Щербицкому (впоследствии первый секретарь ЦК КП Украины и член Политбюро ЦК КПСС). После дружеской беседы гость и хозяин стали прощаться. Но тут зазвонил аппарат правительственной связи «ВЧ». Щербицкий взял трубку, и из нее прогремела громкая матерная ругань тогдашнего первого секретаря КП Украины А. И. Кириченко. Щербицкому стало неловко:

— Вот так и работаем, — такими словами заключил он нашу поездку на Днепропетровщину.

Кадар попросил меня перевести, что говорилось по телефону. Я ответил, что это непереводимо, таких слов в венгерском языке нет или я их еще не выучил.

— Ничего, что сильные мира сего ругаются, — заметил Кадар, — лишь бы не сажали невинных людей в тюрьмы и лишь бы не расстреливали.

Тогда я еще не предполагал, что поездка на Украину предопределяет встречи и всю будущую работу с Кадаром.

Часть 6.

М. А. Суслов

8 июня 1956 года Михаил Суслов, член Президиума ЦК КПСС, уже в то время главный идеолог партии, по дороге на отдых прибыл в Венгрию, взяв переводчиком меня. Сначала он беседовал с Ракоши. Разговаривал и с Имре Надем, как раз перед этим отметившим свое 60-летие. На юбилее присутствовало около 50 гостей, но ни одного члена Политбюро ЦК ВПТ. На беседах Сусллова с Матьяшем Ракоши и Имре Надем я не присутствовал, они знали русский, а вот разговоры Сусллова с Кадаром мне довелось переводить.

Янош Кадар к этому времени был избран первым секретарем Будапештского областного комитета Венгерской партии трудящихся. Придя на беседу, Кадар тепло поздоровался с Сусловым, а потом и мне крепко пожал руку. По неписанному протоколу это не очень-то было принято, переводчику полагается кивнуть, и достаточно — ведь он одна из последних спиц в политическом колесе. Выражение удивления, смешанное с неодобрением, промелькнуло на лице Сусллова. Я заметил, что Кадар своим крепким рукопожатием дал мне понять, что помнит Донбасс и Днепропетровск.

Суслов начал беседу с расспроса о том, как Кадар оценивает современную обстановку в Венгрии, и о перспективах развития событий в партии и в стране.

Кадар охарактеризовал положение в стране как очень тяжелое и тревожное, и в экономическом, и в политическом плане. Партия после всего содеянного за последнее время почти полностью потеряла авторитет, в ее рядах наблюдался разброд, развитие событий вышло из-под контроля Политбюро Центрального Комитета ВПТ. Кадар подробно охарактеризовал причины общего недовольства населения страны: неквалифицированное руководство, бездумное копирование приемов и методов власти, принятых в СССР при Сталине, неразумное внедрение советской модели государственного устройства, крупные экономические просчеты, репрессии, разнузданные действия ни с чем и ни с кем не считающихся советников из Советского Союза, особенно из силовых министерств,

и директоров совместных с СССР предприятий. О Ракоши он говорил без злобы и даже без обиды за то, что тот посадил его в тюрьму по приказу Кремля⁶³. Он считал, что Ракоши тяжело болен и ему давно надо было отойти от руководства партией и страной по состоянию здоровья. Хотя отметил, что и когда был здоров, ему не надо было так подхалимски копировать все советское.

Такая терпимость мне казалась удивительной — знакомые партработники утверждали, что Ракоши ненавидит Кадара как первого кандидата на место генсека, считая его «главной темной лошадкой» партийно-государственной оппозиции⁶⁴.

Кадар подчеркивал, что настоящей опоры в массах у партии, ее функционеров, — нет: старых венгерских коммунистов-подпольщиков с самого приезда из Москвы в 1945 году Ракоши в расчет не принимал, в речах и статьях третировал, не давая им заслуженной работы, а позже немало из них вообще пересажал. Арестам в стране подверглись и многие бывшие руководители венгерской социал-демократии, хотя выходцами они были из пролетарской среды и пользовались авторитетом у рабочих. В армии, особенно в кругах старшего и высшего офицерства, царило напряженное ожидание — не повторятся ли снова аресты и расстрелы, как это было в 1949–1951 годах. Среди периферийных партийных функционеров тоже растерянность — они не знают, что делать в создавшейся ситуации. Студенты, молодежь в Будапеште и других крупных городах организуют массовые общественно-политические собрания дискуссионного кружка имени Петёфи, где требуют вывода советских войск, многопартийных выборов, нового партийного руководства вместо обанкротившегося старого, требуют суда над Михаём Фаркашом и Петерем Габором — главными виновниками репрессий, требуют свержения статуи Сталина на площади героев⁶⁵.

Когда Суслов поинтересовался у Кадара, кто может возглавить сейчас Венгрию вместо Ракоши — Герё, Надь, Мюнних или еще кто-то из молодых политиков, Кадар ответил, что Герё не авторитетен, Надь постарается повернуть страну в проюгославском направлении.

Тогда Суслов спросил: а не возьмется ли Кадар сам повести Венгрию?

Тот с удивительной решительностью заявил:

— При такой прямой зависимости от Москвы и полной несамостоятельности страны в основных направлениях — куда и как

развиваться Венгрии, у меня надежды на вывод из такого глубочайшего политического и экономического кризиса нет. Вам, советским руководителям, надо все менять в корне и в отношениях со страной, и с нами.

Суслов сухо поблагодарил за содержательную беседу: на его почти всегда непроницаемом лице ничего не отразилось. После отъезда Суслова в Москву у меня осталось впечатление (но я отнюдь не политолог, и это мое личное мнение, да и достаточной информацией я не владел), что к июню 1956 года достойной замены Ракоши Политбюро ЦК КПСС так и не нашло, в том числе и в лице слишком строптивного, независимого в суждениях Кадара. Позже, читая опубликованные «ранее секретные» материалы, я узнал, что Суслов продолжал и после беседы с Кадаром делать ставку на Ракоши⁶⁶. И я еще раз убедился, что руководство Венгрии формируется отнюдь не в самой стране, а за ее пределами, в Москве — в Политбюро ЦК КПСС, без достаточного учета интересов народа, и не по его воле, а в интересах партийных олигархов, при демагогических заявлениях типа: решайте сами, а мы не вмешиваемся. Хотя было очевидно, что руководство ВПТ в Венгрии формируется из тех, кто не может пойти против воли высших партийных боссов из Москвы.

Это подтвердили и дальнейшие июльские события 1956 года, когда всполохи назревающего восстания уже проглядывались. В Будапешт прилетел член Президиума ЦК КПСС, первый заместитель главы правительства СССР Анастас Микоян, чтобы «предложить» ЦК ВПТ освободить Ракоши от должности первого секретаря «по состоянию здоровья» и утвердить в этой должности Герё, а вторым секретарем центрального руководства избрать Кадара⁶⁷. Однако в начале беспокойного октября 1956 года, когда в Москву приехали Эрнё Герё и Янош Кадар для очередных переговоров с Микояном и Сусловым⁶⁸, состоялась еще одна встреча Кадара с Сусловым, где я также переводил.

После официальных встреч Суслов принял Кадара на даче под Москвой. Сначала хозяин показал гостю свой огромный участок, где росли различные виды деревьев средней полосы России, они были весьма искусно рассажены. Радовали глаз аллеи, небольшие лесные рощицы, беседки с сомкнутыми кронами, полянки различной формы с маленькими прудиками, запрудами, ручьем и даже небольшой плотинкой. Хозяин покормил рыб.

— Это наши домашние карпы, — сказал Суслов.

Кадар, большой любитель и знаток природы, искренне восхищался этой лесной красотой, созданной всего в нескольких километрах от Москвы. Но он очень удивился, когда хозяин дачи предложил собрать грибы на сегодняшний ужин. И действительно, пошарив глазами в траве, под деревьями мы увидели множество грибов: оттуда выглядывали и белые, и подберезовики, и подосиновики.

— Они растут здесь потому, — пояснил Суслов, — что садовник выкапывает их вместе с грибницей в лесных массивах Подмосковья и Белоруссии и привозит их сюда.

Потом хозяин повел гостя в дом. Недалеко от дороги в ручейке в специальных сетках охлаждались бутылки с вином. Неплохо, подумал я, живете, товарищ Суслов, — как помещик, хотя внешне выглядите аскетически, согласно распространяемым в партии легендам — «скромнейшим из скромнейших». Сухопарый, не улыбкачливый, казалось, лишенный всякого вождизма, но ловко переживший к тому времени всех начальников, начиная со Сталина, и уживавшийся с ними в качестве вечного «идеолога партии», он создал из себя образ сурового, неподкупного коммуниста.

Беседа Кадара с Сусловым носила иной характер, чем та, июньская, в Будапеште. Суслов почти уговаривал неуступчивого и слишком самостоятельного, по меркам Кремля, Кадара встать во главе руководства страной. Кадар сопротивлялся, но Суслов не отступал:

— Мы подумали в Политбюро, — сказал он, — и пришли к выводу, что в нынешней ситуации, когда при подстрекательстве контрреволюционеров на горизонте налицо восстание, ничего не остается делать, как идти на уступки требованиям народа. Мы сделали исключение для Венгрии и дали руководству страны самостоятельно вести хозяйство.

— А как же Имре Надь? — спросил Кадар.

— Надь — при нем опять получится, что руководство будет состоять из московских эмигрантов, кроме того, он больше ориентируется на Югославию, чем на нас.

Кадар снова не дал ответа, хотя я заметил, что он не протестовал так упорно против своего назначения, как в прошлый раз, во время будапештской встречи.

Часть 7.

Работа в Парламенте

В третий раз я повстречался с Кадаром в начале ноября 1956 года. Эта встреча оказалась самой продолжительной — длилась до марта 1959 года.

Вечером 1 ноября 1956 года Янош Кадар разорвал отношения с правительством Имре Надя. По оценке западных историков, он сделал это как прагматик, увидевший бесперспективность команды премьера. По собственному же признанию Кадара, он как венгр проанализировал ситуацию и ясно понял: в стране началась братоубийственная гражданская война — мадьяры начали убивать мадьяр. Вместе с Ференцем Мюннихом он вынужден был явиться в Посольство СССР, и они оба тайно были вывезены в Москву. Тогда Кадар и согласился с необходимостью возглавить руководство Венгрией⁶⁹.

Я отдыхал на Кавказе, наслаждался последними денечками бархатного сезона, как меня вдруг срочно вызвали из отпуска и приказали немедленно собраться и ночью отвезли на аэродром. Начался новый этап моей переводческой работы.

Самолет приземлился в Мукачево, меня отвезли в служебную гостиницу, где уже находился Кадар. Мое оперативное появление здесь было объяснимо. Кадар попросил прислать ему переводчика из ЦК КПСС, который должен находиться при нем для переговоров с советскими военачальниками и в случае необходимости переводить информацию для ЦК КПСС по проблемам, требовавшим в этой сложной обстановке быстрых и обоюдных решений. Кадар поставил условие, чтобы переводчика знал и он, и знали бы его в ЦК КПСС — лучше из аппарата, хорошо бы Байкова. Эту просьбу Кадара передали в ЦК КПСС, и меня немедленно разыскали, приказали мигом собраться и срочно вылететь в Мукачево. Перед отлетом меня вызвали к Хрущеву, и между нами произошел следующий разговор:

- Берегите Яноша Кадара — он нам очень нужен!
- Но я же не чекист, — попытался я возразить, представляя себе огромную ответственность.

— Чекисты будут делать свое дело, а вы будете моим доверенным лицом, тем более что Кадар сам просил об этом. Не разочаруйте его!

Позже я задавал себе вопрос — зачем Кадару понадобился около себя советский переводчик, да еще из ЦК КПСС? Ведь были у него знакомые толмачи из венгров. Потом Кадар объяснил мне, что ему нужен был советский переводчик для различных переговоров с советскими генералами и офицерами. Он должен быть исключительно переводчиком из ЦК, а не из военных, и чтобы там, в Москве, его знали в партийном аппарате и через него можно было бы связываться по ВЧ* — секретной правительственной линии. Ему, Кадару, архиважно было оперативно связываться из Парламента с Президиумом ЦК КПСС, с Хрущевым — напрямую, если воинственные советские генералы не поймут его намерений избежать бойни, слишком разойдутся и развяжут ненужную, длительную войну.

Но была, мне кажется, и еще одна причина. Ведь с 23 октября по 1 ноября Кадар был рядом с Надем, проводил его линию на резкую конфронтацию с СССР, официально высказывался в антисоветском духе⁷⁰, резко отрицательно относился к позиции советского Посольства⁷¹. Кадар словно хотел показать Кремлю: смотрите, я ничего от вас не скрываю, даже пригласил вашего человека (это ведь мог быть не обязательно Байков, а любой другой переводчик). Я «засвечиваюсь» перед вами все 24 часа, веду себя с вами честно и вправе надеяться на честность и с вашей стороны. Но, может быть, это лишь мои догадки. Как бы там ни было, Кадар встретил меня с доверием и сказал, что он надеется на мою искреннюю помощь в это трудное и ответственное время. Это совпадало и с моим желанием.

По прибытии в Мукачево в гостинице я встретил Ференца Мюнниха, Антала Апро, Кароя Кишша, Дьёрдя Марошана, Шандора Ногради, Иштвана Кошшу и других знакомых партийных и государственных мужей — молчаливых и с растерянными лицами. Ведь я прибыл уже в тот день, когда еще ранее, 4 ноября, было передано сообщение о создании нового правительства Кадара и вступлении советских войск в Венгрию⁷².

Буквально за несколько дней до этого, 31 октября, Хрущев на заседании Президиума ЦК КПСС заявил: «Если мы уйдем

* ВЧ — Закрытая система телефонной связи, использующая высокие частоты.

из Венгрии, это подбодрит американцев, англичан и французов, империалистов. Они поймут это как нашу слабость и будут наступать».

Было принято решение срочно создать «революционное рабоче-крестьянское правительство» во главе с Яношем Кадаром и провести военную операцию с целью свержения правительства Имре Надя. План операции, получивший название «Вихрь», был разработан под руководством министра обороны СССР Георгия Жукова⁷³.

По плану военных — Конева, Лашенко⁷⁴ и других — новое правительство должно было перелететь в Будапешт⁷⁵. Но военное командование, уже после того, как дало разрешение на вылет, стало опасаться зениток мятежников⁷⁶, и экипажу самолета дали команду садиться раньше. Так, не долетев до Будапешта, мы приземлились в 100 километрах от него, в Сольноке (Szolnok), рядом с нашей танковой частью. Ночевали мы в солдатской казарме. Там же находился штаб наших войск, уже начавших вторжение в столицу.

Дальше новое правительство было решено переправить на бронетранспортерах. Для полной безопасности военные предложили Кадару перевезти его на танке. Новый глава государства согласился. В танке Т-34, на котором перевозили Кадара, кроме нас находился механик-водитель, а в боевом отделении разместился командир танка. Главный пассажир и я заняли места наводчика орудия и заряжающего.

На наши места подстелили какие-то кожаные подушки, сверху прицепили такие же, как нам сказал усатый майор, командир танка, «нештатные устройства». Мы надели танковые шлемы со шлемофонами. Все эти «устройства» в итоге помогли нам спасти головы.

В бронетранспортере, следующим за танком, находились члены нового правительства. Шли боевые действия, поэтому для большей безопасности мы переезжали ночью, и сложно было разглядеть, кто ехал в бронетранспортере.

Вся эта кавалькада охранялась целым танковым батальоном, двигавшимся, как мне объяснил позже майор, строем «ромб». В середине ромба, охраняемый со всех сторон, шел танк с Яношем Кадаром и бронетранспортеры с новоиспеченным правительством.

Всей этой операцией командовал генерал Петр Лашенко, командир Особого корпуса, он же сопровождал колонну на своем танке до самого будапештского Парламента.

Прибыли мы в Парламент, который уже охранялся советскими войсками, лишь утром 7 ноября. Нас провели по парадной лестнице, и Кадар вошел в кабинет, из которого ему предстояло руководить восставшей страной. В этот же день председатель Президиума ВНР Иштван Доби (Dobi István) принял присягу нового правительства. Так началась «эпоха» Кадара — самого долгого правителя страны, венгра по национальности. Бывали до него и еще большие «долгожители», но они были иностранцами из Анжуйской и Габсбургской династий. Он управлял Венгрией более тридцати лет!

Доби и Марошан выступили по радио⁷⁷ и призвали рабочих и крестьян перейти к нормальной работе и оказать помощь правительству в том, чтобы наладить в стране законный порядок. Так началась «Кадариада» Революционного рабоче-крестьянского правительства, первый состав которого был оглашен 4 ноября в 5 часов утра по радио: Янош Кадар, Ференц Мюнних, Дьёрдь Марошан, Имре Дёгеи, Антал Апро, Иштван Кошша, Шандор Ронаи, Имре Хорват. Некоторые из них о том, что они вошли в новое правительство, узнали именно из этого сообщения⁷⁸.

7 ноября после присяги решили что-нибудь поесть, но у нового правительства никаких съестных запасов не было. Лашенко же, выполнив свое задание, убыл, не позаботившись о питании своих «пассажиров». Только запасливый Иштван Кошша, несмотря на все драматические события, прихватил из Чехословакии, где он скрывался последние дни перед встречей в Мукачево, два батона колбасы салями, которой мы и утолили голод.

Первые дни члены правительства и немногочисленный аппарат круглосуточно находились в Парламенте. По просьбе Кадара я связался с полковником Маяковым, командиром полка, который охранял парламентское здание, и попросил обеспечить на первое время питание правительства, пока все не отладится, в Будапеште не прекратится стрельба и члены правительства не смогут попасть в свои квартиры.

Но бои в Будапеште продолжались⁷⁹. В правительство стали поступать сообщения о многочисленных вооруженных столкновениях в отдельных районах города. Телефон, хотя и с перебойми, продолжал работать. Бои велись на площади Бошняк, в районах Восточного, Западного и Южного вокзалов, на Чепеле, на площади

Жигмонда Морица, Кёбанья и в других районах. Сообщалось, что, по предварительным подсчетам, в перестрелках погибло уже более 300 человек.

...Так началась моя почти трехлетняя работа в секретариате Кадара.

В первый же день по прибытии правительства полковник Маяков доложил Кадару, что все подходы на каждом пропускном пункте охраняются его солдатами и венграми, как ему сказали, верными новому правительству.

Но полного порядка в Парламенте сразу навести не удалось — в здании шаталось много гражданских лиц, не имевших никакого отношения к работе начинающей свою деятельность власти⁸⁰.

Маяков очень волновался, он не был уверен, что венгерские часовые не пропустят в здание кого не надо. Его опасения подтвердились: вскоре в одном из подвалов разорвалась граната. Маяков моментально организовал облаву — у входящих и выходящих из Парламента стали проверять наличие оружия, закрыли все дополнительные выходы и проходы в здание. Среди «лишней» публики началась паника, и в результате около 500 стволов разного брошенного оружия было найдено по углам помещения огромного дворца: в туалетах, не запертых шкафах, каминах и печах, за портьерами и занавесками. Всех подозрительных лиц отправили в комендатуру.

Маяков попросил разрешения у Кадара поставить часовыми венгров, которых Кадар, глава правительства, и его соратники лично знают. На следующий же день Бела Биску (он был тогда партийным секретарем «Андьял Фёльд», XIII района Будапешта — родного Кадару района) набрал верных правительству венгерских часовых. По указанию Кадара всех направленных в Парламент «андьялфёльдцев» собрали в приемной. Кадар с каждым здоровался, многих он знал лично, расспрашивал молодежь о родителях. Потом устроил будущим часовым «прием» — мы заранее заказали обед из полковых запасов Маякова.

Это был один из первых отрядов вооруженной полиции, которая быстро разворачивалась на предприятиях Будапешта, чтобы навести порядок в столице и вернуть обратно в тюрьмы высвободившихся уголовников-рецидивистов.

Недоумевающему по поводу будущего создания нового воинского соединения маршалу Коневу (он командовал операцией

по вторжению советских войск в Венгрию под кодовым названием «Вихрь») и генералу Ивану Серову (председателю КГБ СССР) на их вопрос: «Что, вам не хватает наших войск?» — Кадар ответил: «Одно дело, когда сажают за решетку венгерских уголовников сами венгерские рабочие, другое — когда советские военные чины⁸¹. Меньше крику будет в зарубежной прессе о так называемых борцах за свободу, а на самом деле убийцах-уголовниках, якобы невинно репрессированных и отправляемых в Сибирь»⁸².

Хрущев связывался по ВЧ с Кадаром три-четыре раза в день, иногда и ночью, и просил детально рассказывать об обстановке в стране, не стесняться, просить любую помощь. Кадар попросил об усилении охраны. Хрущев оперативно распорядился, чтобы быстро прислали десятка два-три советских военнослужащих из Закарпатья, знающих и венгерский, и русский, а также специалистов по охранно-пропускному делу. На следующий день они прилетели, и в Парламенте был налажен должный пропускной режим.

Но этим беды в первые дни жизни в Парламенте не закончились: кто-то из гражданских «гостей», проникших во дворец, подсыпал яд в еду, которую приносили с солдатской кухни. Все, кто был на казенном пайке, к счастью, в тот момент в столовой отсутствовали. Там хозяйничала Мария — жена Кадара, она попробовала первое блюдо, и ей тут же сделалось плохо. Врачей рядом не было. Сначала в Марию принудительно влили чуть ли не чайник воды, потом нашли молоко. Тем не менее Мария теряла сознание, жизнь ее была в опасности. Наконец где-то разыскали врача, и он сказал, что отравление тяжелое и жену Кадара надо срочно госпитализировать. В Парламент примчались врачи из полка Маякова.

Позвонили маршалу Коневу, и тот с завидной быстротой прислал штабную военную санитарку с опытными врачами, а тем временем приказал быть в полной готовности экипажу санитарного самолета. Военные врачи констатировали, что мы своей дилетантской помощью больной не навредили, сделали все правильно, но ее все же надо госпитализировать, и санитарная карета скорой помощи понеслась к аэродрому.

Кадар попросил меня сопровождать Марию. На это время меня заменил мой ученик из ВИИЯКА капитан Михаил Купченко — отличный переводчик и мой помощник. Мы вылетели в Карловы Вары, где находился советский военный госпиталь. Мария была

спасена. Спустя некоторое время, когда угроза жизни Марии прошла, Кадар прилетел за ней в Прагу и лично поблагодарил Антонина Новотного, тогдашнего руководителя Чехословакии. Кадар отдельно поблагодарил Конева и врачей в Карловых Варах. После этого случая Кадар стал относиться ко мне как-то теплее.

Мария была ему очень дорога, детей в своей нелегальной жизни они завести не смогли и очень жалели об этом. Во время этого драматического события, закончившегося, к счастью, благополучно, я подумал, что кому-то Кадар был очень нужен, а кому-то очень и очень не нужен. Такова, видимо, судьба настоящего профессионального политика.

...Жизнь в Будапеште понемногу налаживалась. Стали выходить газеты, в том числе «Непсабадшаг» — центральная газета образованной ВСРП (Венгерской социалистической рабочей партии) вместо «Сабад Неп» — бывшего центрального органа ВПТ. В этой связи произошло небольшое, но примечательное событие — Кадару позвонил по ВЧ посол СССР Юрий Андропов и сообщил, что несколько составов с оконным стеклом для ремонта разрушенных будапештских домов отправлены по распоряжению министра торговли и движутся в Венгрию по графику пассажирских поездов⁸³. В конце беседы Андропов выразил благодарность за то, что в Посольство пришли новые газеты «Непсабадшаг», только вот название «непривычное». В посольстве привыкли к «Сабад Неп».

— Отвыкайте! — резко бросил Кадар. — Да и вообще, отвыкайте от вмешательства в наши внутрипартийные дела, — добавил новый лидер Венгрии.

Через некоторое время позвонил Хрущев, справился о здоровье жены Кадара, это он делал последнее время довольно часто, спрашивал, не нужна ли квалифицированная помощь профессуры из Москвы, не подлечить ли Марию в «Кремлёвке». Кадар поблагодарил, сказал, что Марии гораздо лучше.

И еще один вопрос первого секретаря ЦК КПСС прозвучал тревожно: Хрущев интересовался у Кадара, не ведет ли себя Андропов неправильно по отношению к новому венгерскому руководству.

Кадар сказал, что жалоб нет, но общее мнение большинства будапештцев, да и его лично таково: советский посол не все сделал для того, чтобы в октябрьские дни не случилось трагедии и страшного кровопролития. Я подумал, что будущая судьба Андропова

как посла была, видимо, решена. Во всяком случае, со стороны венгров. Нужно сказать, что по просьбе венгерского руководства впоследствии меняли еще четырех советских послов. Уже никаких хозяйских вольностей и вмешательства во внутренние дела партии и страны Кадар и его ближайшие соратники больше не допускали, хотя отношения с Посольством были вполне добрые.

Вечером, за ужином, Кадар, словно мысленно продолжая разговор с Андроповым и Хрущевым, сказал Марошану, что вытягиваться по струнке перед каждым советским чиновником, как это было при Ракоши, никто в новой Венгрии не станет. Я стал осознавать, что на моих глазах формировался новый независимый лидер независимой Венгрии.

В эти же дни Кадар впервые после 4 ноября выступил по радио. Он ободрил население страны и сообщил, что в большинстве городов идет нормальная работа. Оценивая октябрьские события, Кадар охарактеризовал их как восстание не против народной власти, а против политики клики Ракоши. Он обещал устранить ошибки прежнего руководства и после наведения порядка начать переговоры о выводе советских войск из Венгрии, считая, что только так можно, с учетом, конечно, международной обстановки, защитить народную власть и обеспечить независимость и суверенитет страны⁸⁴.

С налаживанием нормальной жизни для нас с Михаилом Купченко работы прибавилось: по ВЧ из Москвы постоянно звонили министры, интересовались — доложено ли Кадару о прибытии тех или иных материалов. Видимо, в Москве всем «накрутили хвосты» со сроками отправления. По совету Кадара мы их отсылали звонить советским полномочным представителям — послу или торгпреду. Они отвечали, что хотели бы лучше доложить Кадару, а потом, дескать, надо отчитаться лично перед Хрущевым.

Положение в стране оставалось тяжелым. Многие дома были разрушены, стекла выбиты, электроэнергия включалась только в определенное время и в отдельных районах, угольных брикетов для отопления не хватало, угля не было и в котельных. Стоял холодный ноябрь, а шахтеры никак не могли начать работу.

Несколько дней спустя Кадар решил выяснить обстановку непосредственно у самих угольщиков и предложил мне вместе с ним в качестве сопровождающего срочно поехать в шахтерский город Дорог. Я ему был нужен, как он сказал, на тот случай, если

по дороге встретится советский военный патруль и нас, как людей с оружием, могут задержать, начнут выяснять, кто мы и куда, и встреча с шахтерами сорвется. А при советском переводчике все можно будет объяснить.

С его стороны ехать туда было полным безрассудством — дорога на Дорог простреливалась. С моей стороны — тоже, но я человек подневольный, да и трусость свою показывать Кадару, который был для меня образцом храбрости, не хотелось. Безрассудство заключалось и в том, что многие улицы в Будапеште простреливались из подвалов и с первых этажей фаустпатронами. Но такой уж был человек Кадар — он решил поехать, и мы немедленно отправились в путь. Правда, для «маскировки» поехали не в правительственной бронированной машине, а на «Победе», которую мы отыскали в парламентском гараже. В машине уже сидели двое сотрудников из новой правительственной охраны.

— Никто не обратит на нас внимания, — сказал Кадар. — Тем более на «Победе» номера не правительственные, а простые, городские.

Решение Кадара поехать к его друзьям-шахтерам было настолько неожиданным, что я не успел никому из «высших» сообщить, чтобы дали надежную охрану. Тем не менее часовому в гараже я успел передать, чтобы Маяков направил за нами дежурный бронетранспортер. Но догнал он нас только на обратном пути.

Будапешт мы проскочили благополучно, дорога на Вену оказалась не очень запруженной, и мы шли на довольно приличной для «Победы» скорости. В населенном пункте Дорог шахтерские друзья Кадара собрали старых коммунистов, бывших подпольщиков, знавших его, и после короткого совещания он попросил их побыстрее начать подбрасывать «продрогшему» Будапешту уголька. Шахтеры сказали, что они давно бы начали работать, но в округе действует хорошо вооруженный отряд бандитов, которые терроризируют население и не дают спуститься в шахту. Кадар обещал наладить охрану шахт с помощью советских военных.

Через некоторое время старый шахтер, организатор этой встречи, сообщил, что нам лучше поскорее уехать, так как бандиты собираются по тревоге недалеко от Дорога в городе Эстергом (Esztergom). Как назло, куда-то запропастился водитель «Победы». Оказывается, он встретил старых друзей, заболтался и не ожидал, что встреча так скоро закончится. И старик шахтер забеспокоился:

— Уезжайте скорее!

— Вы умеете водить машину? — спросил меня Кадар. — Оба из моей охраны не умеют.

— Вожу! — ответил я.

Он, видимо, чтобы успокоить и подбодрить меня, как всегда, усмехнулся и одобрительно кивнул:

— Ну вот и посмотрим, как московские водители умеют ездить по венгерским дорогам.

И мы двинулись обратно. Не скажу, чтобы я спокойно вел машину, пока не увидел бронетранспортер, следующий за нами. Доехали, к счастью, без эксцессов. А водителя своего Кадар все же уволил.

Эта поездка стоила мне нервов, так же как и другая запомнившаяся «вылазка».

На следующий же день надо было съездить в Буду, на квартиру Кадара. Он не мог бриться безопасной бритвой, а свою впопыхах забыл дома.

— Водителя нового мне пока не дали, придется вам еще разок поработать на венгров, — опять с усмешкой сказал Кадар. — Мне никак нельзя быть плохо выбритым, — добавил он, — завтра днем даю интервью иностранному журналисту, редактору французской «Юманите»⁸⁵.

Правда, теперь охрану этой «пижонской поездки», как я в сердцах про себя подумал, я обеспечил посolidнее. Тем более что квартиры Кадара могла быть под прицелом боевиков. Полковник Маяков дал два бронетранспортера с водителями, которые хорошо ориентировались в Будапеште. Один заранее встал недалеко от квартиры, а второй, как в прошлую поездку, прикрывал нас сзади.

Я надеялся, что военные бронетранспортеры патрулируют столицу постоянно и что наши машины охранения особого внимания не вызовут. Доехали мы благополучно. Я остановил «Победу» в квартале от дома. Кадар в плотном окружении Миши Купченко в гражданской одежде и двух человек личной охраны с распиханными по карманам пистолетами спокойно вошел в подъезд, поднялся в квартиру, взял свою злополучную бритву, и мы возвратились.

Не скажу, чтобы эти поездки мне, мягко говоря, понравились. Словно читая мои далеко не бесстрашные мысли, Кадар очень тепло поблагодарил меня и пояснил:

— Мне без переводчика ехать никак было нельзя — первый же советский патруль арестовал бы всех нас: мы же были с оружием.

Однако эти два эпизода не прошли для меня даром. Видимо, кто-то из смершевского окружения Маякова «стукнул» Хрущеву, и он отчитал меня за мои мальчишеские выходки десятиэтажным матом. В гневе Хрущев «ласковых» слов не подбирал:

— Вам надоело там работать????!!! — кричал он в трубку ВЧ. — Мы вам как серьезному взрослому человеку доверяем! На Венгрию сейчас весь мир смотрит, а вы, сопляк, играете в бирюльки! Имейте в виду, переводчика вместо вас мы в Москве найдем, такого товара у нас навалом! А Кадар — один! Головой за него отвечаете! Сейчас из советских людей вы живете ближе всего к нему, пока Кадар сам не организует собственный аппарат и охрану, как положено первому человеку в государстве! Еще раз такое отколете — выгоню из партаппарата!!!

Кадару я пересказал хрущевский монолог в общих чертах, опускаемая матерные подробности, тем паче, что найти в венгерском мате идиоматические выражения, адекватные русскому, — невозможно. Да и вообще я онемел, слушая хрущевскую тираду.

Разговор с Хрущевым происходил, как было принято, в присутствии Кадара, и я был обязан, по негласному договору с ним, переводить абсолютно все, что передают по ВЧ, дабы, не дай Бог, меня не заподозрили в каких-то «закулисных» разговорах. Я сообщил ему, что Хрущев знает о наших поездках и приказал мне в дальнейшем о будущих «путешествиях» ставить в известность маршала Конева, и он обеспечит надежную охрану.

— Некоторые выражения вы не можете перевести мне, — усмехнувшись, заметил Кадар, — я знаю, у вас пока нет обещанного мною словаря венгерского арго. Ну, ничего, вот утихнет в Будапеште, и я выполню свое обещание, найду. Вижу, теперь без такого словаря вам действительно трудно переводить серьезные хрущевские разносы за наши с вами грехи.

Мои мысли о «безрассудстве» поездок Кадара были скороспелыми. Вернувшийся из Дорога Кадар попросил связать его по телефону с другими угольными районами. Выяснилось, что везде картина аналогичная. Видимо, из неизвестного нашему командованию подпольного центра мятежников вокруг угольных шахт группировались неразоруженные бандитские отряды, которые препятствовали спуску горняков в шахты⁸⁶.

В тот же день Кадар попросил маршала Конева поставить бронетехнику вокруг шахт и нести там круглосуточное дежурство.

В. С. Байков, 1930-е годы

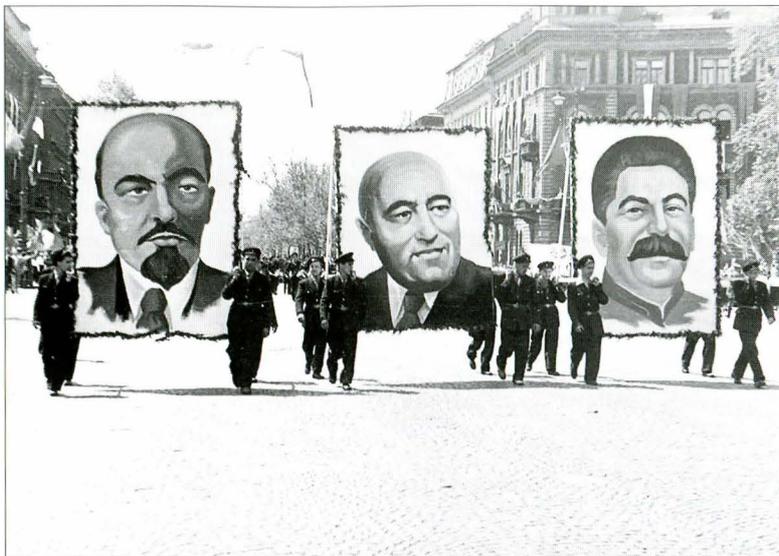
Старший лейтенант Байков, 1945 год

М. Ракоши с супругой Ф. Корниловой, начало 1950-х годов

М. Ракоши на отдыхе, начало 1950-х годов

*Первомайская демонстрация 1956 года.
В центре портрет Ракоши*

К. Ворошилов (в белом) во время визита в Венгрию, апрель 1950 года

*К. Ворошилов (со шляпой в руке) и В. Байков (слева)
в музее во время визита в Венгрию, апрель 1950 года*

*Визит М. Суслова в сельхозкооператив «Красная Звезда»
(В. Байков в центре), июнь 1956 года*

Символ венгерского восстания – государственный флаг, из которого вырезали герб с советской символикой, октябрь 1956 года

Жители Будапешта окружили советские танки, октябрь 1956 года

*Лишившийся управления советский танк врзается в стену,
ноябрь 1956 года*

*Горит подбитая советская техника,
октябрь – ноябрь 1956 года*

*Повстанцы сжигают красные флаги,
октябрь – ноябрь 1956 года*

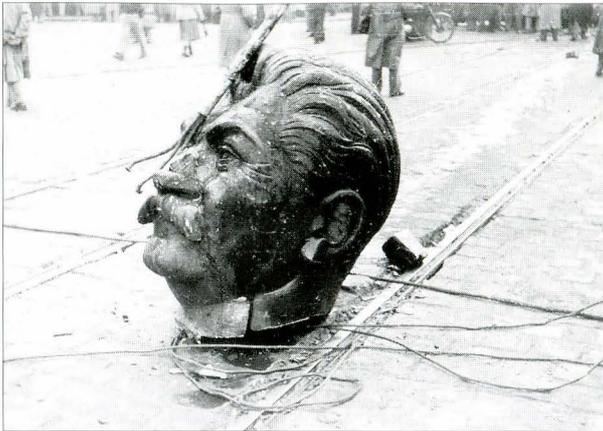
*Советский танк в ловушке,
конец октября 1956 года*

*Советские танки на улицах Будапешта,
октябрь–ноябрь 1956 года*

*Призыв жителей к советским солдатам,
октябрь 1956 года*

*Голова сброшенной статуи Сталина,
октябрь 1956 года*

И. Надь, октябрь 1956 года

Подходит возврату
в 1-й сектор
Общего отдела ЦК КПСС

№ ПСО62

Разослать членом, канди-
датам в члены Президиума ЦК и
секретарям ЦК КПСС.

А.Игнатов

135

6.Х1.

Тов.Байков передал т.Кадару текст поправок и дополне-
ний, рекомендуемых ЦК КПСС к проекту обращения к венгерским
коммунистам (прилагается). Обсудив с товарищами, т.Кадар
просил сообщить, что они принимают эти поправки и дополне-
ния и вносят лишь следующие незначительные изменения в
текст обращения:

1. Начало обращения редактируется следующим образом:
"Венгерские коммунисты!
Члены Венгерской партии трудящихся!
Товарищи!"

2. Во втором абзаце, где говорится о Ракоши, слова
"народных масс" заменяются словами "трудящихся масс", а о
Надь Имре принимается в следующей редакции: "и столь же
решительно порвать с группой Надь Имре-Лешонци, которая,
сдав позиции рабочего класса и став на почву национализма
и шовинизма, открыла путь контрреволюционным силам и тем
самым изменила делу социализма".

3. Следующая за этим фраза будет дана с абзаца и в
следующей редакции.

"Чтобы всем стало ясно, что мы хотим окончательно по-
кончить с ошибками прошлого, мы решили изменить название
нашей партии..." и далее по тексту.

4. В первом абзаце на стр.3 после слова "реакцией"
будет добавлено "контрреволюцией".

Текст будет опубликован по радио примерно в 15 часов
по московскому времени и сегодня же листовкой.*

Передал Байков
Принял Чистов

30-кп

*Поправки к речи Я. Кадара от ЦК КПСС,
6 ноября 1956 года*

Я. Кадар выступает перед соратниками, ноябрь 1956 года

*В. Байков на связи в здании Парламента
(за спиной карта Венгрии и Европы), ноябрь 1956 года*

Встреча с дипломатами, 1957 год

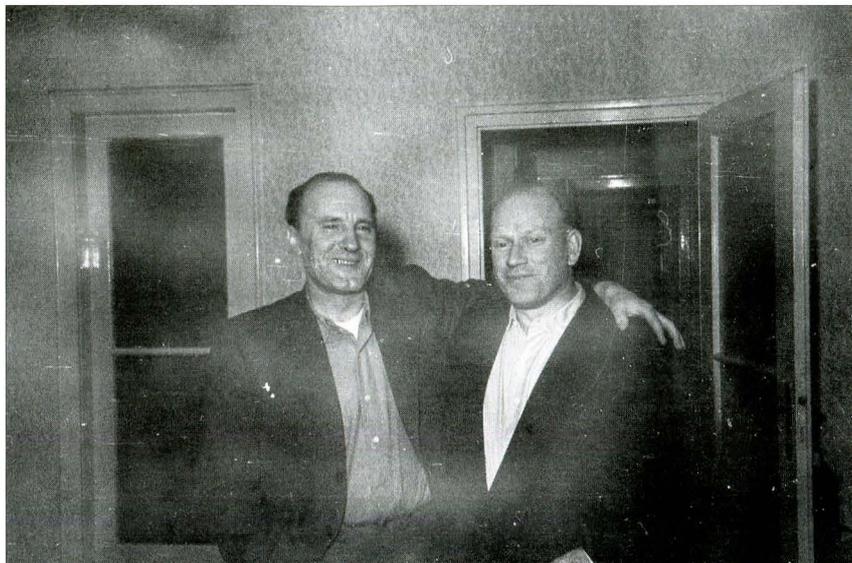
*Осмотр новой «Волги» в правительственном гараже,
конец 1950-х годов*

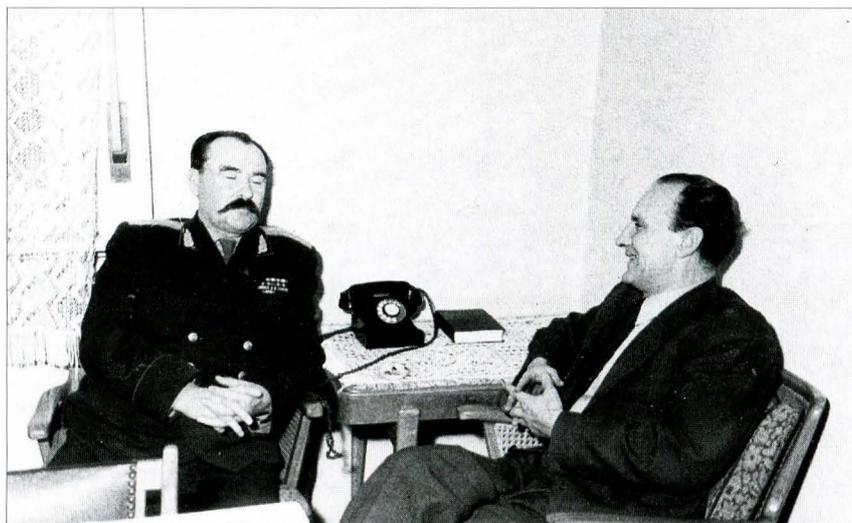
*Я. Кадар, В. Байков и М. Купченко рассматривают фотоархив,
начало 1960-х годов*

*М. и Я. Кадар на природе,
начало 1960-х годов*

Я. Кадар и В. Байков, 1960-е годы

Я. Кадар беседует с С. М. Буденным. 1960-е годы

*В. Байков и М. Кадар
у охотничьего трофея, 1960-е годы*

*Я. Кадар с добычей,
Венгрия, конец 1950-х годов*

Я. Кадар на отдыхе в СССР, начало 1960-х годов

Д. Калми и Я. Кадар на охоте в СССР, 1960-е годы

*В. Байков на торжественном собрании
по случаю Дня Победы в ИНИОНе (Институт научной информации
по общественным наукам), 1990 год*

А новые правительственные люди из аппарата выехали в эти районы для организации нормальной работы горняков. И спустя некоторое время уголь пошел на-гора. Бронетехника была поставлена также около крупнейших заводов и фабрик, хранилищ с горючим.

«Пижонская» поездка за бритвой, как я ее про себя, недолго думая, окрестил, показала Кадару наглядно, а не только по донесениям, что в Будапеште еще бродят вооруженные группы молодежи и будоражат население города. Меры по пресечению действий вооруженных «городских бродяг» также были приняты комендатурой Будапешта по указанию Кадара. «Внезапность» и «инкогнито» поездок Кадар объяснил мне тем, что среди разношерстной публики Парламента могут находиться засланные люди из штаба восстания. Они могли сообщить маршрут поездки правительственной кавалькады, и нам бы тогда действительно не поздоровилось.

— Приходится вести себя как подпольщику, — улыбнулся он, — и не только при Хорти, но и при Кадаре. Ничего, скоро в стране все успокоится.

Но в Венгрии продолжались тяжелые дни. Канцелярия Яноша Кадара работала с полным напряжением и днем, и поздним вечером, и ночью. Мы это знали, потому что кто-нибудь непременно забегал к нам ночью что-нибудь перекусить. Иногда до ночи шли заседания по главному вопросу: как вытащить страну из беды. Кадар обычно долго засиживался, читая и редактируя документы, чаще всего с одним из ближайших его помощников Дьюлой Каллаи (Kállai Gyula). Ряд организаций, предприятий не признавали правительство Кадара, требовали включения в руководство Имре Надя⁸⁷, вывода советских войск из Венгрии, многопартийности, утверждения рабочих советов как хозяев на заводах и фабриках. Многие предприятия еще бастовали, даже орган ЦК ВСРП газета «Непсабадшаг» однажды не вышла из-за забастовки редакции⁸⁸. Янош Кадар вместе с Анталом Апро и Дьёрдьем Марошаном вели трудные переговоры с вновь образованным Центральным рабочим советом Большого Будапешта (Nagy-budapesti Központi Munkástanács).

В конце ноября Кадар теперь уже официально поехал в Татабанья для переговоров с рабочим советом шахтеров этого района. Взял он с собой и меня для перевода переговоров в случае необходимости с представителями советских военных частей, дислоцированных в этом районе. Встреча, как это всегда получалось у Кадара

с рабочим людом, дала результаты — шахтеры обещали удвоить добычу угля.

Постепенно, по итогам переговоров в Парламент стали поступать и положительные новости. Центральный рабочий совет Большого Будапешта призвал наконец бастующих прекратить забастовки, в этот же день пришло известие, что выдающийся венгерский боксер Ласло Папп (Papp László) в Мельбурне завоевал очередную золотую медаль, да еще какую — олимпийскую! Зная любовь венгров к спорту, я подумал: какой информации они радовались больше?

В здании Парламента тем не менее было жарко. 3–4 декабря здесь состоялся Пленум Временного ЦК ВСРП, который дал оценку трагическим октябрьским событиям. Пленум выявил их причины: преступления и ошибки клики Ракоши–Герё, антипартийная деятельность группы Имре Надя — Гезы Лошонци, контрреволюционные действия хортистско-фашистских и буржуазно-помещичьих элементов, направляющее участие международного империализма. Всего были названы четыре причины.

В дальнейшем исследования историков и социологов показали, что к перечислению всех этих факторов, может быть, существенных, не сводилась вся совокупность причин произошедшего. Нам, мне и моему коллеге Михаилу Купченко, пришлось усиленно работать над переводами основных документов Пленума, чтобы отослать их в Москву. Правда, в Будапеште уже появились и другие переводчики, среди них незабвенный Карой Эрдеи, и мы вовремя справились с этим заданием.

...4 декабря я наблюдал из окна Парламента, которое выходило на площадь Кошута, женскую демонстрацию с участием детей в связи с печальной датой — прошел месяц со дня выступления советских войск в целях подавления восстания.

Вспоминается, что этому предшествовало совещание, на которое были вызваны, а не приглашены, маршал Конев и генерал-лейтенант Лашенко, командир Особого корпуса, находившегося в Венгрии и до 23 октября — он занимался теперь подавлением отдельных очагов сопротивления оголтелых боевиков, еще не сложивших оружия.

— Нам стало известно, — заявил Кадар, — что вы готовите вооруженное подавление выступления женщин перед парламентом. Президент страны Иштван Доби и я, как глава правительства,

требуем не делать этого. Сотни убитых, тысячи и тысячи раненых, еще больше осужденных за участие в вооруженном конфликте с советской армией венгров — не достаточно ли для наведения порядка в стране? Вы можете поставить заслон из грузовиков, бронетранспортеров, из чего хотите, но ни одного выстрела против женщин и детей я не позволю, — потребовал Кадар.

Солдафонистый Лащенко попытался возразить: согласовать же надо с высшим руководством и так далее. Кадар резко оборвал его:

— Высшее руководство в Венгрии — это президент и я. С кем еще надо согласовывать? И на будущее, — добавил он, — любая военно-карательная операция, кроме борьбы с уголовными элементами, должна проводиться только по решению официальных руководителей страны. И все обвинения против задержанных необходимо подтверждать в судебных инстанциях Венгрии. И еще, — добавил Кадар, — необходимо отменить распоряжение советского коменданта Будапешта, который приказал срывать флаги и черные занавеси на окнах. Это дело жителей — занавешивать окна траурной материей, если у них горе. Этот траур по погибшим в боях оправдан, — горестно добавил Кадар. — Ведь погибло множество людей, более двухсот тысяч эмигрировали за границу⁸⁹, и сколько еще уедет. Все это невозвратимые потери для венгерских семей, национальная трагедия. Вы что, не понимаете?! Кончайте усердствовать и воевать с беззащитным населением. Вылавливайте выпущенных из тюрем бандитов, уголовников, мародеров, людей, не сдающих оружия, венгров, стреляющих в мирное население, — мы вам в этом поможем. Но не провоцируйте своими необдуманными действиями новый взрыв негодования народа.

Я наблюдал из окна, как усилиями советских солдат и многочисленного еще отряда рабочей милиции женщин-демонстрантов не допустили к парламентскому дворцу. Бойцам пришлось выдерживать крики из толпы, одетой во все черное и кидающей в людей за слона тухлые яйца и гнилые помидоры. Постояв часа полтора-два, женщины провели митинг и разошлись, направив к Кадару небольшую делегацию, которая требовала прекратить террор в стране. Они принесли огромную папку заявлений с просьбами освободить, по их мнению, незаслуженно арестованных мужей, братьев и сыновей. На площади Кошута не раздалось, к счастью, ни одного

выстрела. Запечатлеть очередной скандальный инцидент, которого с нетерпением ожидала хищная стая зарубежных журналистов и фотокорреспондентов, обычно слетающих, словно воронье, к любому месту, где «пахнет мертвечиной», не удалось. А корреспондентов было великое множество — только одних «фотостволов» из западных стран набиралось в Венгрии в дни народного восстания до нескольких сотен.

Позже, кажется, в начале февраля 1957 года, состоялась еще одна встреча у Кадара с женщинами. В те дни карательные органы арестовали будапештских писателей — Дьюлу Хаи (Háy Gyula), Золтана Зелка (Zelk Zoltán), Тибора Дери (Déri Tibor) и других литераторов и журналистов. Посадили их за подстрекательские статьи и очерки, призывающие к насилию над коммунистами (а их насчитывалось в стране в канун октябрьских событий около миллиона). Мне показывали газету «Иродалми Уйшаг» (Irodalmi Újság — Литературная газета), где через обе полосы простиралась надпись: «Убей коммуниста!»⁹⁰ Правда, через несколько лет «писателей-бунтарей» амнистировали.

Во многих странах Европы поднялась буря протестов, связанных с арестом писателей, смысл которой заключался в том, что и при Ракоши, и при Кадаре проводится расправа с инакомыслящей интеллигенцией, с защитниками совести народа.

Объявили, что к Кадару приедет делегация знаменитых деятелей культуры и науки Европы, писателей с мировым именем, чтобы от имени всех культурных людей Европы выразить глубочайшее возмущение по поводу незаконного ареста и лишения свободы известных венгерских писателей.

Когда довольно многочисленная делегация «защитников европейской совести» разместилась за столом одного из помещений Парламентского дворца в окружении столь же многочисленного корпуса журналистов из многих стран Европы, в зал вошли венгерские женщины, одетые в черные траурные одежды. Присутствующие недоуменно смотрели на них, фотографировали. Это были девять вдов с жуткими судьбами. Их мужья погибли от рук оголтелых убийц-уголовников. Эти бандиты, пресловутые «борцы за свободу», на потребу фото- и киножурналистов, под улюлюканье таких же подонков, вырезали сердца у живых еще людей и поднимали их в окровавленных руках над озверевшей, беснующейся толпой.

Кадар вошел на эту необычную встречу, чуть запоздав.

— Мне как должностному лицу, которого критикуют за то, что мы сейчас предадим суду писателей, подстрекавших к убийствам (разве это гуманизм!), говорить, наверное, будет трудно. Советую вам побеседовать с вдовами замученных мужей. Они, наверное, лучше любых судей объяснят, правильно или неправильно мы сделали, что арестовали писателей и журналистов, подстрекавших к убийству. У меня к вам будет только одна просьба: напишите обо всем, что услышите здесь, честно и без утайки.

После этих слов Кадара западных журналистов, слетевшихся на сенсацию, как ветром сдуло, и делегаты от европейской цивилизации остались с глазу на глаз с девятью вдовами.

Запомнилась мне еще одна встреча Яноша Кадара с женщинами в черном — их насчитывалось несколько сотен. Встреча проходила в ходе заседания Национального Собрания, когда вдов, в память о погибших в те страшные октябрьские и ноябрьские дни, награждали от имени народа венгерскими орденами. На этой встрече я не заметил особого ажиотажа у иностранной прессы. Вероятнее всего, к этому времени большинство зарубежных корреспондентов покинули Венгрию, ведь здесь порядок потихоньку налаживался, а на планете было еще немало кровоточащих мест, где можно было в охотку полетать и покаркать по поводу конфликтов.

Часть 8.

Январь 1957 года

С 1 по 4 января 1957 года в Будапеште состоялось совещание венгерских, болгарских, румынских, чехословацких и советских руководителей. Они обсудили положение в Венгрии, итоги двух месяцев работы нового правительства Яноша Кадара, разработали программу помощи, которую необходимо оказать стране. В один из январских дней состоялась встреча Хрущева с рабочими крупнейшего в Венгрии Чепельского комбината, который, кстати, с 1950 по 1956 годы носил имя Матьяша Ракоши⁹¹. Несмотря на то, что Чепель пока оставался одним из незатухающих центров восстания рабочих Будапешта, Хрущев настоял на этой поездке. Он, как известно, был не из трусливых политических деятелей. Оратор он был умелый, говорил просто, доходчиво, владел слушательской аудиторией.

В начале выступления он напомнил собравшимся в одном из огромных цехов завода рабочим, что по происхождению он сам из металлургов, но был и шахтером, и поэтом, приехав в Будапешт, решил поговорить в первую очередь с бастующими рабочими.

— Когда я сюда в гости к вам собрался, — начал Хрущев свой хитрый разговор, — меня пугали, предполагали, что освищут, забросают железками да гайками, потому что вы, пожалуй, один из самых активных отрядов восставшей Венгрии. Не поверил я этому, сказал, что это обман: не могут быть рабочие контрреволюционерами. Вы послушались скрытых под личиной трудяг, но не имеющих к ним никакого отношения, не честных защитников рабочего класса, а вражеских подстрекателей. Подстрекать всегда легче, чем работать. А сделать это было им не очень трудно — жизнь рабочих всегда нелегка, у всех народов и во всех странах. И в тяжелые, скажем прямо, тягостные времена обещаниями сладкой жизни всегда можно увлечь большие массы людей, — продолжил он свой исторический экскурс.

Хрущев вспомнил гражданскую войну в России, на Урале, когда рабочий люд города металлургов Златоуста, под давлением белогвардейских ораторов, наобещавших, что после разгрома большевиков ему раздадут все заводы, все окрестные земли, записался

в армию Колчака — адмирала, вешавшего и расстреливавшего трудовых людей. И ведь два полка рабочих-златоустовцев воевали у него вместе с белогвардейскими офицерами. А в результате — разбитая армия Колчака, разбитые полки златоустовских рабочих, разбитые надежды на «сладкую жизнь».

— Вас, венгерских пролетариев, повели не туда, рабочему классу можно было бы договориться с правительством рабочих, прогнать оттуда бездарных и нечестных людей, доведших страну до ручки, а вас — до нищеты, но не поднимать же на своих венгров оружие, не заниматься же линчеванием профсоюзных и партийных лидеров, вами же избранных рабочих людей. Но и теперь ничего легкого в жизни не ждите, будет трудно, но во главе правительства стоит Янош Кадар, сам из рабочих, он вас в обиду не даст. Помогите ему наладить более счастливую жизнь, чем раньше. Мы же, советские люди, честно признаюсь, в чем-то вас кровно обидели, и мы виноваты в развязывании конфликта, но мы вас и выручим.

Конечно, в выступлении Хрущева были элементы демагогической нечестности: ведь «до ручки» страну довели и по указаниям из Кремля. Но ни ему ли, работавшему на вершине советской власти почти с 30 лет и уцелевшему при Сталине, приспособившемуся чуть ли не к полдюжине других «партийных боссов», не владеть демагогией! Но выступление сработало.

Бастующий Чепель продержался еще несколько дней, а потом на комбинате распустили забастовочный совет, организовали рабочий революционный отряд, сами навели у себя порядок, и цеха Чепеля заработали. Естественно, что не только приезд Хрущева и его речь — ловкая игра под простого рубаху-парня, но и обстановка в стране требовали ликвидации забастовочных настроений.

Такую же хитроумную убедительность и расчетливый психологический подход Хрущев продемонстрировал и в Венгерской академии наук на встрече с интеллигенцией, встречаться с которой ему также не советовало окружение. С ним, кстати, приехала большая группа журналистов — «мозговой трест», пишущий для него речи. Ему рекомендовали встретиться с более нейтральной аудиторией.

— Не будут слушать, демонстративно разойдутся, и антисоветская пресса получит новый материал! — говорили Хрущеву.

Но упрямый и лукавый 60-летний Хрущев настоял на своем и пошел к элитным интеллигентам. И это несмотря на то, что сам

имел незаконченное среднее образование, а буржуазной прессой был представлен всему миру как необразованный и некультурный мужик.

— Вот мне тут помощники написали умную речь, чтобы я вам ее зачитал. Не буду я ее читать. Лучше я поговорю с вами начистоту: пожилые академики поймут меня — старика-неуча, а молодые, думаю, поверят. Мы, советские люди, напортачили у вас, в Венгрии, ввремя не разглядели непоправимые глупости Ракоши, который привел Венгрию в тартарары, не ликвидировали ввремя Берию, не остановили организованный им разнузданный террор и преследования невинных людей. Seriously обидели вас, ставших с 1945 года нашими друзьями. Поэтому ваше возмущение мне понятно, оно справедливо. И у меня оно было бы такое же, будь я на вашем месте.

Такое начало речи, внешне излучавшее искренность и почтительность, похожее на признание грехов, на христианское покаяние, сделало свое дело: оно заинтересовало академическую аудиторию.

— Мы в СССР тоже обижали интеллигенцию, да и поистребовали ее во множестве, особенно при Сталине, считали, что интеллигенты никогда не будут честно служить рабочим и крестьянам. Но это не так. У людей умственного труда тонкие души и к ним нужен особый подход, особая внимательность. Мы наконец-то поняли это и наиболее талантливых все же спасли.

Отработанный на многих аудиториях «ораторский подхалимаж» и здесь дал свой результат. Они же, венгерские академики, не знали, что Хрущев в репрессивные 30-е годы тысячами и тысячами отправлял на смерть невинных советских рабочих и интеллигентов.

Сидевшие в зале стали внимательно слушать Хрущева.

— Вот я расскажу вам о судьбе двух великих ученых: физиолога с мировым именем Ивана Павлова и непревзойденного украинского сварщика академика Евгения Патона.

И Хрущев рассказал, как Павлов хотел уехать за границу и как голодающая Россия во время гражданской войны не дала погибнуть ни ученому, ни его лаборатории. И Павлов в конце жизни понял, что и при советской власти можно вести научные изыскания.

Хитрость каждого выступающего пропагандиста состоит в умении сказать о том, что ему выгодно, обрисовать положительные факты и при этом «забыть» упомянуть о том, что было в деятельности самого оратора отрицательного. Ровно так выступал в Венгерской

академии наук и Хрущев. Рассказав о Павлове, он не упомянул о русских ученых, сотнями насильственно изгнанных Лениным из России в начале 20-х годов, а затем в еще большем количестве уничтоженных Сталиным в конце 30-х.

— А с другим большим украинским интеллигентом, — продолжал Хрущев, — я долго не мог договориться, чтобы он стал президентом Украинской академии наук, хотя этого желало большинство академиков. Речь идет о великом ученом в области сварки — академике Евгении Патоне. Он не прощал нам, руководителям страны, что его долго не признавали, семью третировали. Даже сына не принимали в университет только потому, что отец его из чуждой пролетариату интеллигентской среды. Такие были у нас искривления, а Патон этого несправедливого унижения простить не хотел. Но потом понял, простил. А сын его, Борис, стал также большим ученым — восходящая звезда в сварочном деле, уверен, будет академиком и президентом академии наук.

Хрущев еще немного рассказал про непростые судьбы некоторых других ученых с мировым именем и закончил:

— Все это я вам рассказал, чтобы вы поняли, какие бы ошибки и преступления ни делали бывшие руководители наших стран, все это были временные издержки в строительстве нового, неизданного науке уклада жизни, но этот уклад надо коренным образом менять. А настоящий фундамент справедливого общества, как мы с вами, особенно ученые старики, знаем, — это рабочие, крестьяне и вы — интеллигенты.

Беседа удалась — Хрущев отвечал на вопросы еще почти час, и никто не хотел расходиться. Хитроумным оратором был Хрущев — в этом ему не откажешь!

После отъезда руководителей январского совещания пяти стран Хрущев остался на некоторое время в Венгрии, нигде официально не появлялся, но несколько раз беседовал с Кадаром, и на этих беседах мне досталась напряженная работа по синхронному переводу.

Хрущев обычно не любил ждать окончания перевода фразы или предложения и требовал, чтобы я переводил одновременно во время его разговора: переводчик должен быть, как автомат! Таково правило синхронного перевода.

Он вначале говорил медленно, как бы рассуждая сам с собой, — тогда мне было легче работать, но потом, увлекаясь, он убыстрял темп и выстреливал залпом несколько фраз, и тогда мне приходилось туго. Хорошо еще, что Хрущев любил возвращаться к одной и той же мысли несколько раз, и чего я не успевал полностью перевести в первый заход, наверстывал во второй, в третий.

Вспомнил я тогда с благодарностью молниеносный перевод титров зарубежных кинокартин в Посольстве: на перевод довольно длинного титра давались секунды, а ждать было некогда — появлялся новый текст.

С Кадаром было легче: во-первых, это был перевод на русский, во-вторых, у Кадара был не хрущевский темперамент — не взрывной, а спокойный, взвешенный, и ход мыслей — рассудительный. Излагая мысли в короткой фразе, он как бы советовался сам с собой. Но это были мои проблемы, характерные для синхронного перевода. А вот темы их разговора были куда серьезнее, хотя велись они в каком-то неофициальном, личном, непривычном для меня ключе.

Хрущев так хитро и задушевно строил разговор, что, казалось, это был разговор как бы старшего брата с младшим. Кадар был моложе Хрущева почти на 20 лет, а по опыту партийно-руководящей работы разница была еще больше. К тому времени, когда Кадар начинал свой путь в молодежном движении Венгрии, Хрущев, отвоевавшийся в гражданской войне в 1918–1920 годах, прошел многолетний опыт хозяйственной и партийной работы на Украине, а в 1935 году был уже первым секретарем Московского обкома ВКП(б).

Однако нравоучительности старшего и робости младшего не чувствовалось: внешне все выглядело как беседа равных партнеров. Кадар очень уважал Хрущева за его бесстрашный бой против культа личности Сталина и ликвидацию всесильного Берии, и они оба критически рассуждали о событиях, в которых им пришлось принимать непосредственное участие.

Трудно восстановить в памяти все детали их высказываний, но общее впечатление основных направлений беседы у меня сложилось более или менее отчетливое — уж очень она была необычной, опять же, внешне, как бы откровенно-доверительной.

Хрущев признал, что Сталин «напортачил» во многом, в том числе и с Ракоши.

— Авторитет Матьяша, — говорил Хрущев, — как деятеля международного революционного движения, да и безоговорочное, сильнее, чем в других соцстранах, подражательство всему советскому — импонировали Сталину. Он считал Венгрию «бриллиантом в короне социалистического содружества». Ракоши, чтобы угодить Сталину, безудержно гнался за СССР, усердствовал в насаждении всего советского, ненужного, лишнего, да и вредного для Венгрии: непосильных темпов индустриализации, силовых методов власти местной партократии, безудержного восхваления всего советского образа жизни, и переусердствовал, особенно в незаконной репрессивной политике.

Хрущев признавался, что хотя он и разоблачил культ Сталина и его подручного Берии и старался по мере сил ликвидировать последствия насаждавшегося ими полного беззакония и попрания личности — на большее у него сил не хватает.

— Взятся я горячо, — говорил он, — но надо ломать командно-бюрократические методы управления, а значит, надо ликвидировать созданный десятилетиями управленческий аппарат, насчитывающий миллионы чиновников-номенклатурщиков от районного до высшего ранга, ломать старый политический и экономический механизм власти, а это сделать можно только коренной и глубокой демократизацией всей жизни страны. Попытаюсь, конечно, что-то сделать, но стар я — не вытяну, — с огорчением говорил Хрущев. — Ты, Янош, моложе, ты храбрый человек, взятие власти тобой, хотя и с нашей помощью, — поступок мужественный и ответственный. Придется тебе быть между молотом и наковальней, между своими «праваками» и «леваками», да и с нашими «командующими» надо ладить и в то же время отучать их от прежних привычек распоряжаться в Венгрии как в своей вотчине. Нелегкое будет у тебя царство!

Далее он говорил, что венгры первыми в социалистическом лагере прокладывают путь к настоящей социалистической демократии, первыми вступили на путь реформ, хотя и сделали это грубо, резко, в вооруженном мятеже против всего, что им навязали Ракоши и Сталин. Хрущев сказал, что, может быть, и можно было это сделать по-другому, если бы один из главных центров восстания не находился в югославском посольстве в Будапеште.

— Я считаю, — говорил Хрущев, — что югославы были главными предателями и в венгерском кризисе, и вообще в это время

в социалистическом союзе, они мечтали создать новое федеративное государство из придунайских стран⁹².

Кадар говорил о том, что недовольство народа было не столько из-за экономических трудностей: люди в Венгрии, начиная с 1945 года, не голодали. Только первые месяцы было туго с продовольствием, но СССР помог, прислал зерно, поэтому в стране вовсе не было «трех миллионов нищих», как при Хорти. Взрыв народного возмущения произошел в результате невиданного в истории Венгрии XX века давления на личность: повальные репрессии, аресты, концлагеря, выжигание всего национального венгерского и насильственное внедрение всего советского. Никто не считался с тем, что социально-политические условия в Венгрии имеют свои особенности и во многом кардинально отличаются от условий в Советском Союзе. Венгерский народ имеет свой, веками сложившийся, боевой, революционный, непокорный и не сломленный различными иноземными властителями характер. Этот характер, как стальной прут: его силой гнули, гнули, а он всегда потом резко выпрямлялся и бил наотмашь любых иностранных пришельцев.

— Так произошло и в этот раз. Наши современные аналитики считают, — говорил Кадар, — что одна из главных причин событий 1956 года — вопрос национальной независимости, возникший еще в 1945 году, когда советские войска остались в Венгрии. Чужеземцы в стране — это мина замедленного действия. Но ведь корни национальных обид у венгров гораздо глубже, — продолжал Кадар. — Я согласен с историками, которые утверждают, что вопрос о национальной независимости был поставлен еще в незапамятные времена, когда татаро-монгольские всадники вступили на мадыарскую землю. И с тех пор «угры» не терпят иноземных захватчиков и из поколения в поколение борются с ними. Поэтому советские войска надо выводить, только тогда вопрос национальной независимости, касаясь его русского аспекта, будет снят⁹³.

Кадар просил Хрущева строго предупредить Серова, что его полицейская деятельность может вызвать новое возмущение в стране — а ведь председатель КГБ готов был посадить в тюрьму любого мадыара, который держал оружие в руках. А держало его более 600 тысяч человек — столько единиц различных стволов, только по приблизительным подсчетам, разграблено в стране⁹⁴.

— Но ведь вооружили людей мы сами, — говорил Кадар, — доведя до неистового накала их терпение, особенно в молодежной среде. Десятки тысяч людей находятся под следствием и прокурорским надзором, число приговоренных на разные сроки заключения приближаются к 20 тысячам, свыше 10 тысяч интернированы в концлагерях, свыше 500 казнено⁹⁵. И большинство репрессированных — молодежь. Кого не схватили — те убежали из страны. Таких насчитывается уже более двухсот тысяч, и все еще бегут. Не много ли для «усмирения» такой маленькой страны, как Венгрия? Я знаю, — пояснил Кадар, — что приговоры выносит не Серов, а венгерские суды, но следствие серовцами ведется так, что по материалам допросов и по венгерским законам мы должны осуждать подследственных на длительные сроки или на казнь.

— Пока мне народ доверяет, — с уверенностью говорил Кадар, — я как мадьяр, а Ракоши, Герё, Фаркаш, Реваи и их ближайшие соправители изначально по характеру своему никогда не были венграми, я сто раз подумаю об условиях, возможностях, особенностях моей страны и характере народа. И поэтому буду просить вас, Никита Сергеевич, также все это учитывать. Иначе страну надолго не вытянешь из кровавой трясины, в которую ее столкнули.

— Вот мы касались эмиграции, — продолжал Кадар. — Мадьярам не привыкать эмигрировать — это болезнь, видимо, небольших экономически неустроенных стран. Если посчитать, сколько венгров живет за ее границами, то с потомками наберется, наверное, еще одна страна, если не больше⁹⁶. Хорти из трехсоттысячного рабочего класса уничтожил несколько десятков тысяч, около ста тысяч — вынудил эмигрировать. Но ведь тогда бежали от фашистов, буржуев и помещиков, а сейчас убежало вдвое больше, причем из страны социализма, из народного государства.

— Наши люди теперь образованнее, мадьярскую историю знают вдоль и поперек, и они призадумаются, какая же разница между фашистским режимом Хорти и нашим — социалистическим? — рассуждал Кадар. — Ракоши и его окружение об этом не думали, теперь мы получаем плоды их преступлений, и нам с вами надо об этом серьезно, очень серьезно призадуматься.

Хрущев твердо пообещал Кадару остановить Серова:

— Мы вскоре освободим его от венгерских дел, да и вообще от дел, связанных с политической безопасностью⁹⁷.

Хрущев интересовался, как Кадар планирует вести страну после кризиса, как будут строиться отношения с СССР?

— Я знаю, что без советского газа, нефти, электроэнергии Запад нас задушит экономически, — рассуждал Кадар, — если даже в Венгрии будет вдвое больше советских войск, чем имеется сейчас. Не перекрывайте заслонки советским энергоресурсам — это главное, что вытянет Венгрию из кризиса.

Кадар твердо сказал, что новое руководство не даст возродиться сталинско-ракошистскому режиму, не позволит стричь любые воззрения под одну гребенку, отрицать материальную заинтересованность и свободное действие закона стоимости, а потом снова навязать административно-командную систему планирования. Не допустит оголтелого отрицания особенностей исторически сложившегося исконного мадьярского характера и венгерских особенностей жизни — тогда страна выйдет на правильный путь без всяких кровавых потрясений.

— Все, что я планирую, — говорил Кадар Хрущеву, — это выполнить наказ всенародного восстания 1956 года. И я, мадьяр до мозга костей, не отступлю от этих требований венгерского народа, да мне и не дадут отступить — отстранят от руководства, как отстранили Ракоши. И ведь все, намеченное нами, можно проводить, не ссорясь с советскими людьми и руководством СССР, если оно не будет мешать нам жить по-новому.

Во время этой беседы Кадар попросил Хрущева направить делегацию партийных работников в обкомы ВСРП⁹⁸, а также пригласить знающего теоретика марксизма-ленинизма для работы с докладами и решениями ЦК. Очень важно, чтобы теперь, когда к Венгрии проявляется все больший интерес, чем это было раньше, документы ЦК ВСРП готовились бы на современном уровне марксистско-ленинской теории, но с учетом венгерских особенностей.

— У нас, в Венгрии, есть такие кадры, но это бывшие ракошисты, а их привлекать к этому делу не хотелось бы, — добавил Кадар.

Хрущев вскоре отправил в Венгрию известного философа, вице-президента Академии наук СССР, Председателя Общества советско-венгерской дружбы академика Петра Николаевича Федосеева с небольшой бригадой ученых помочь в этом деле Кадару. Хотя к ним и были прикреплены другие переводчики, но пока это дело отладилось, работы у меня стало больше. Обстановка в стране

к этому времени становилась все безопаснее, и Федосеева с его группой поселили уже не в Парламенте, а в так называемой партийной гостинице, куда потом переселился и Кадар с небольшим аппаратом и временно взял и нас.

Напряжение в Венгрии уменьшилось по всем направлениям, поэтому военную охрану Парламента сняли, необходимость в советском переводчике потихоньку отпала, и вскоре я перешел работать советником в Посольство СССР в Венгрии, но по многим вопросам я еще не раз бывал у Кадара до самого моего отъезда из Будапешта.

Часть 9.

Охота

Для того чтобы лучше представить себе Кадара как человека, необходимо познакомиться с тем, как он предпочитал отдыхать. Охота для Кадара была не только протокольным официальным или неофициальным дружеским приемом для самых почетных гостей, а иногда и приемом инкогнито. Так принято во всем дипломатическом мире, чтобы обсудить волнующие все стороны вопросы в неформальной атмосфере, спастись от назойливых журналистов или от обязательных информационных сообщений. Охота для него была любимейшей формой отдыха, которая, как я видел, находясь с ним в Парламенте, а потом и в партийной гостинице, являлась отдушиной от дел, правда очень редкой — после того мятежного времени было не до отдыха.

Однако он вырывался из Будапешта в ближайшие охотничьи хозяйства уже в конце 1956 и в начале 1957 года и брал меня с собой по той же причине — возможной и неожиданной встречи в лесу с советскими военными патрулями. Не буду лукавить — я всегда был очень рад таким вылазкам.

Во время наших бесед в свободное от работы время Кадар рассказывал, что к охоте привык еще в детстве — очень любил природу и самостоятельно уходил гулять в лес собирать грибы и ягоды. Отец, бросивший семью и обосновавшийся в хорватском приморском городе Ријека, где Кадар еще в эпоху австро-венгерского дуализма, в 1912 году, собственно говоря, и родился, ничем не помогал матери, они буквально нищенствовали, голодали, и средства для покупки еды ему приходилось добывать в лесу или в поле, собирая хворост или работая свинопасом. С детских лет он познал тяжкий труд батрака.

Как-то он познакомился с деревенским охотником, и тот стал учить его, как добывать дичь: ставить силки на лесных зайцев, подбивать диких голубей.

— Когда я подрост, — рассказывал Кадар, — охотник иногда давал мне ружье. Тогда я стал подстреливать полевых и лесных

зайцев и даже фазанов, а это все было вкусной прибавкой к нашей скудной пище. Потом этот добрый и жалеющий меня человек научил ставить приманки на лис, их шкуры я обменивал у богачей деревни на сало, хлеб и поношенную одежду.

— «Охотой» мне снова пришлось заниматься в подполье, когда в 17 лет мальчишкой я вступил в молодежное движение, — рассказывал мне Кадар. — Если нашу нелегальную сходку какой-нибудь шпик выследит и полицаев окажется больше, чем нас, они нас бьют, а если мы их «по-охотничьи» выследим и нас больше, то мы их камнями, палками забрасаем и скроемся. Конечно, мы занимались не охотой на полицаев — были дела и посерьезнее, но уход от полицейских ищеек также требовал охотничьих навыков. А когда после 1945 года меня поставили на руководящую работу, то усталость и напряженность на природе снималась как нельзя лучше. Познакомился я с лесниками и егерями правительственных охотничьих угодий, обзавелся ружьем и стал заядлым охотником.

Кадар, узнав, что я тоже люблю побродить по лесу и поохотиться, стал меня брать с собой уже в самые первые, более или менее спокойные месяцы 1957 года. Чаше охотился на кабанов, считая их вредителями, наносящими на полях урон крестьянам тех сел, которые расположены около территорий, где охотились правительственные чиновники. Я обратил внимание, что трофеев он себе не брал, несмотря на то, что убитая дичь всегда собственность охотника. Свои охотничьи трофеи он вез на телеге в ближайшую деревню и отдавал там кабана ожидающим его давнишним друзьям-крестьянам. Те проворно его разделявали, появлялось привезенное Кадаром вино и бутылки домашних деревенских напитков и начиналось дружеское застолье.

Вот здесь я видел раскрепощенного Кадара — человека с поведселевшими, и не только от выпитого вина, глазами, совсем непохожего на делового, занятого сверх всех человеческих норм, озабоченного огромной ответственностью государственного деятеля.

Кадар вел непринужденные беседы, все присутствующие могли с ним спорить, говорить ему: «Янош, ты плохо делаешь то-то и то-то», советовать ему, как надо вести политику, особенно в отношении крестьян. Кадар слушал, внимал и набирался здесь, как он говорил, накопленной веками сермяжной правды и народной мудрости.

Иногда на такое «лесное» мероприятие они выезжали вместе с Марией — его женой. В таких случаях загодя покупались детские игрушки. Детей они очень любили, но своих у них не было. Ускользнув от своей охраны (для него, старого подпольщика, не раз уходившего от слежки опытных хортистских филёров, это было не таким уж сложным делом, тем более новая охрана была набрана из молодых рабочих), Кадар и Мария без свидетелей обходили магазины с игрушками и, закупив целую корзину с подарками, выезжали в охотничьи угодья. Там Кадар обычно подстреливал кабана с вышки на заранее подготовленном егерями месте, куда по привычке приходили кабаны на кормежку, и с этим трофеем отправлялся в знакомый ему детский дом, где устраивал всем праздник. Радости ребятишек не было предела.

Мне казалось, что это и есть настоящая жизнь Кадара, его призвание, что это ему гораздо ближе, чем вечная драка с полицейскими Хорти в прошлом. Или, как он говорил: «В бытность мою министром внутренних дел другая была охота — на бандитов, на линчевателей-уголовников или заблудившихся в политической драке молодых ребят, а также вынесение им смертных приговоров, когда они становились убийцами многих невинных людей и по закону должны были быть наказаны».

Возможно, я ошибаюсь, но в каждом человеке может быть несколько людей, а Кадар был по характеру сложным человеком: где-то — сентиментально добрым (особенно к друзьям, которые спасли его и его жену в трудные времена), а где-то — жестоким полицейским — беспощадным к врагам, его личным и врагам венгерской страны. Сам себя в порыве откровенности он называл «добрым полицейским мадьярского народа».

...Кадар имел привычку расспрашивать обо всем, что касается жизни находящихся рядом с ним людей: во время охоты, например, интересовался моими прежними вылазками на природу. Думаю, заодно проверял — настоящий ли я охотник или хвостун (большинство охотников, как правило, хвостуны). Я ему поведал об утиных подсидах в шалашах на болотах с селезнем, об истинно русской охоте с гончаками на зайцев, с манком на рябчиков, о весенней «тургеневской» охоте на вальдшнепа, об охоте на лис с «приманками», обложной с флажками — на волков, с загонами — на медведя.

Упомянул я ему и о моей последней охоте на медведя перед вызовом в ноябре 1956 года в Венгрию. Об этой запомнившейся мне охоте на Кавказе я рассказал без хвастовства Кадару в подробностях, тем более что главным в рассказе был не Байков, не медведь, а неординарный человек, которого я встретил во время той охоты. Его рассказ был для меня еще одним разоблачением упорно распространяемой легенды о невиданной скромности вождей пролетариата.

Но все по порядку. Вот как вспоминается мне этот, один из последних моих разговоров с Кадаром. В сентябре 1956 года, после болезни, я получил отпуск и поехал восстанавливать здоровье на Кавказ, в Гагры, в санаторий имени XVII партсъезда (был такой!). Через некоторое время в санаторий пришли крестьяне-абхазцы, выяснить, нет ли среди отдыхающих охотников. Крестьян замучили медведи, спустившиеся с гор, где они обычно обитали. В том году основная пища медведей, желуди, полностью отсутствовала — в горных дубравах Абхазии был неурожай.

У бедных крестьян-абхазов, в незапамятные времена согнанных грузинами с прибрежных плодородных земель в горы, все их сельскохозяйственное производство велось на небольших каменистых участках, куда земля затаскивалась на своих горбах их предками, а теперь — сегодняшними обитателями горных поселений.

Руководил охотой заведующий городским отделом потребкооперации старый поджарый старичок по фамилии Чачба. Ну, охота была как охота, распугали мы медведей, одного убили, ели потом шашлык из медвежатины, и ничего особо примечательного в этом не было. А вот старичок оказался очень интересным, и запомнились мне его необычные воспоминания. Старичок оказался князем Константином Чачба, одним из двух братьев, которые до 1917 года владели Гаграми. В марте 1918 года старший брат был расстрелян, а он, младший, бежал в горы, где находил себе пропитание охотой (у них в семье все охотились). Жил где придется, скрываясь от новых местных властей.

Когда же гражданская война в Абхазии закончилась и грузинских меньшевиков прогнали, то вожди победителей — большевики — стали приезжать в Гагры отдыхать на море и охотиться. Понадобились опытные егеря. Новым властям кто-то напомнил о Константине Чачба. Ему обещали простить, что он был

«нетрудовой элемент», если он будет сопровождать на охоте новых пролетарских хозяев-вождей. Бывший князь согласился организовать охоту для князей действующих. Чачба рассказал, как охотились Троицкий, Карахан, Томский, Енукидзе и другие тогдашние высшие властители.

«Все новоявленные охотники стрелять, конечно, не умели, — рассказывал Чачба, — но спуститься с гор в Гагры без убитой козы или кабана не хотелось. Я быстро нашел способ не оскорблять самолюбие государственных мужей, — продолжал он. — Я обычно становился около почтенного охотника, показывал, как надо целиться, а в момент его выстрела стрелял сам: я-то попадал! Уловки мои иногда разгадывались, но прощались — победителей не судят. Так это все продолжалось до тех пор, пока на Кавказ не стал приезжать на отдых Сталин. Меня представили ему в конце 20-х годов. „Князь, будешь начальником моей охоты“, — сказал мне Сталин. Я удивился — знал, что Сталин не любил охотиться, а с середины 20-х годов вообще не терпел никого рядом с собой с оружием, за исключением верной ему охраны. Но моя задача состояла в том, — рассказывал Чачба, — чтобы, где бы ни отдыхал Сталин на Кавказе, у него была бы дичь от меня. Я стал поставщиком дичи Его Величества. „Я подобрал тебе должность согласно твоему княжескому происхождению“, — подтвердил „Князь Князей“».

Дичь могли ему поставлять и другие заготовители. Но Сталин не любил случайностей в подборе пищи для своего стола, и Чачба долгое время работал на Сталина.

«Особенно тяжело мне стало, когда Сталин начал отдыхать на озере Рица. Застолья стали частые и многочисленные, и отстреливаемой дичи стало не хватать, а по велению хозяина она должна быть всегда. Тогда я нашел выход: организовал звероферму с дикими козами, кабанами и горными оленями, выкармливал пойманных и приносимых мне оленят, кабанят и козлят и поставлял дичь в имение Сталина по первому требованию с охраняемой зверофермы. Но и сам я, — закончил свой рассказ Чачба, — не переставал охотиться до тех пор, пока не начал прихварывать и меня освободили, с почетом проводили на пенсию. Но без работы жить не мог, пошел в потребкооперацию».

Недолго прожил Константин Чачба после нашей встречи, он умер от рака в 1958 году.

* * *

Встреча на охоте весной 1958 года была последним моим длительным свиданием в качестве переводчика с Яношем Кадаром. Позднее я не раз встречался с ним, однако эти встречи были короткими, мне не очень запомнившимися. Но память об этом незаурядном, сложном и противоречивом деятеле Мађьярии, с которым мне, рядовому человеку, посчастливилось работать и наблюдать за событиями его государственной и личной жизни, — осталась у меня навсегда.

Часть 10.

Кадар — Хрущев

Москва, Будапешт — встречи (весна 1958 года)

Среди запомнившихся мне встреч с Яношем Кадаром была встреча весной 1958 года, состоявшаяся «благодаря» Хрущеву. Когда я приезжал по его вызову в Москву, Хрущев внимательно расспрашивал меня о здоровье Яноша и Марии Кадар. Как-то он посоветовал мне пригласить Кадара к себе на обед. Я, откровенно говоря, опешил.

— Что же это ты, у Кадара столовался последнее время, ел венгерские хлеба, — как всегда грубовато и шутливо-насмешливо сказал Хрущев, — а его не покормил ни разу?! Нехорошо, некрасиво себя ведешь, негостеприимно!

Обычно референты-переводчики ЦК домой генсеков или премьер-министров не приглашают, слишком велика разница в рангах. Об этой разнице: «Всяк сверчок знай свой шесток!» — я никогда не забывал.

Но со мной положение было особое, никто из референтских работников аппарата ЦК не жил в одной квартире, не столовался вместе с главным руководителем зарубежного государства и его семьей, тесно не общался с его близким окружением, да еще столь продолжительное время.

Обед у меня дома прошел нормально — просто, без изысков. Кадару и Марии особенно понравились фирменные щи моей мамы — Елизаветы Николаевны. Она у меня была отличная, профессиональная повариха.

Не скрою, я был рад, что Кадар и Мария приняли мое приглашение — это было свидетельством его необычайной простоты в отношениях с людьми.

Особенно запомнилась мне еще одна весенняя встреча 1958 года. Хрущев возглавлял партийно-правительственную делегацию, приехавшую в Будапешт на празднование очередной годовщины освобождения Венгрии от гитлеровцев⁹⁹.

Поселился Хрущев на правительственной даче в Буде и напряженно готовился к очередному Пленуму ЦК по проблемам химизации страны¹⁰⁰. Видимо, до отъезда он не успел закончить подготовку всех материалов в Москве и в промежутках между официальными встречами с руководством Венгрии и митингами готовился к Пленуму. Спал он мало. Тогда я впервые увидел, как работает Хрущев. Взял он с собой в Будапешт советников, свой «мозговой трест» — журналистов и редакторов, стенографисток и машинисток. По ВЧ все время требовал дополнительные материалы. Мне же досталось быть связным и переводчиком по гостевым делам между Хрущевым, Кадаром и посольством.

Хрущев диктовал, диктовал, диктовал... Одна из стенографисток призналась мне:

— Передохнуть не дает, работаем от зари до зари, а потом еще к утру надо расшифровать и проверить машинописные тексты. Усохли!

Видимо, подумал я тогда, чтобы быть главой страны, надо быть олимпийским чемпионом по здоровью и работе. Но однажды вечером Хрущев сказал:

— Все, хватит, завтра будем отдыхать — с Кадаром поедем на охоту!

Прихватили они и меня для перевода серьезных разговоров, которые происходили в охотничьем домике. Основной темой которых было опять-таки современное положение в стране и будущее Венгрии, такое, каким представлял его Кадар.

За прошедшие после кризиса почти два года Янош Кадар, по мнению советских и венгерских наблюдателей, проявил себя одним из самых независимых среди руководителей социалистических стран того времени. И это при внешнем послушании, при обычно принятых здравницах и речах в честь советско-венгерской дружбы, при доброжелательном отношении к ЦК КПСС и, как и прежде, при почтительном уважении к Хрущеву. Хотя еще раньше на самостоятельный путь развития, как известно, уже вышли Югославия и Китай, да и другие страны — Румыния, Польша, Чехословакия — после венгерских событий 1956 года не проявляли прежнего слепого повиновения Москве.

Эти центробежные настроения, расхождения, «разладицы», как их характеризовал Хрущев, в какой-то степени были порождены

венгерским кризисом. Он говорил об этом не в плане осуждения, а, как мне показалось, наоборот, как о предвестнике перемен, свидетельстве нежелания жить по-старому, и не только нежелания, но и невозможности.

— Когда плохо стало после прихода Гитлера к власти и когда разразилась военная гроза, все сгрудилось под одним деревом, — как всегда, образно выражался Хрущев, — под одним дубом — Советским Союзом, а как гром отгремел — стало жить спокойнее, и все разбрелись пастись по лугу поодиночке.

Однако он промолчал о том, что существовал не только дуб, но и советские дубины, которыми размахивали над головами людей освобожденных стран. Хрущев в этот раз признался Кадару, что он не сразу согласился на его кандидатуру как председателя Совета министров Венгрии для «приведения в порядок взбунтовавшейся страны» и дальнейшего ее восстановления.

Хрущев рассказал Кадару о том, что на совещание с югославами, где решался вопрос о кандидатуре будущего главы Венгрии, он прилетел в начале ноября 1956 года вместе с «совсем вывернутым наизнанку» Маленковым, не переносившим самолетные качки. На переговорах с Тито и его соратниками обсуждали в том числе, как расхлебывать, по выражению Хрущева, активно «заваренную при югославском участии кашу»¹⁰¹. Позже стало известно, что до Югославии Хрущев и Маленков «в темпе» облетели столицы соцстран Европы, где нервно и спешно советовались с руководством компартий¹⁰², звонили даже руководителям КНР по поводу того, как решать проблему «взорвавшейся» Венгрии¹⁰³. Они опасались, что на пограничных с Венгрией территориях — Трансильвании, Воеводине, а там и на всех Балканах — могла разразиться война¹⁰⁴.

— Я склонялся к кандидатуре Ференца Мюнниха, а не к твоей, — с грубоватой простотой признался Хрущев. — Ты поймешь меня: он самый авторитетный в Венгрии человек, его боялся Ракоши, даже не допускал к Политбюро, в какие только страны послом не гонял, лишь бы подальше от Будапешта. А он — испытанный боец, воевал везде — и в Первой мировой, и у нас, в гражданской, и в Испании против Франко, и в Отечественной — настоящий воин! Да и лично я его знаю — учились вместе в Промышленной академии еще в 30-х годах, в одной палатке в летнем лагере жили. Товарищ честный, человек добрый! Но стар — 70 лет, и большой

совсем — войны даром для здоровья не проходят. Да и сам Мюнних не претендовал на первую роль, посчитал, что лучше использовать его как твоего помощника.

— Вот тебе, молодому, только 40 лет минуло, — продолжал Хрущев, — а выпала доля вытащить Венгрию из сталинского болота, в которое твоя добрая и гордая страна втянулась за 12 лет не без нашего советского участия. Очень трудно будет тебе — новому руководителю нужны, ты сам это знаешь, новые кадры, на старую номенклатуру не обопрешься, режим Ракоши прогнал, прежние вожди причастны к незаконным убийствам и репрессиям — народ им не верит и не простит. Как теперь думаете жить, куда пойдет Венгрия? — как и в прежних беседах, продолжал спрашивать Хрущев.

— Мне досталась тяжелая ноша, но я выбрал ее, — ответил Кадар, — хочу, чтобы в Венгрии не развязалась гражданская братоубийственная война, в которую бы втянулись все мадьяры от мала до велика. Я венгр, — снова подчеркнул Кадар, — и знаю характер «ножевых мадьяр», поэтому сознательно попросил у вас военной помощи как гарантии спокойствия после восстания, хотя знал, что меня многие коренные мадьяры на завтра же возненавидят. Теперь наведен порядок, но какой кровавой ценой! — с горечью заметил Кадар.

Начали мы строить новую Венгрию, хоть и с вашей помощью, но, как вы уже заметили, без нашего вам подчинения, на равноправии, и без нового вмешательства ваших военных сил. Но надо вывести войска¹⁰⁵. Венгерский народ оккупантам все равно не покорится — может быть, будет жить хуже, беспокойнее, но не потерпит длительной, как раньше, оккупации.

Наказав всех тех, кто с оружием в руках убивал своих же венгров, если поймут свою вину — амнистируем. Мы будем убеждать народ, а не приказывать ему, вступим на путь реформ и будем стараться выполнить все разумные требования, выдвинутые восставшими. Возврата к старому не будет!

Он высказал Хрущеву мысль, которая в разных вариантах уже звучала в его выступлениях. Она сводилась к тому, что было время, когда реальную действительность руководители страны видели не такой, какая она есть, а такой, какой они хотели бы ее видеть. Но этого самообмана также теперь не будет.

Мы заменяем лозунг Ленина, да и Сталина «Кто не с нами — тот против нас» на лозунги: «Кто не против нас, тот с нами», «Кто не мешает нам, тот помогает».

Эту беседу я воспроизвожу по памяти, может быть, неточно, но я ее такой запомнил и восстановил по своему журналистскому дневнику.

Анализируя эти мысли уже после того, как я перестал работать в Венгрии, перейдя с практической работы переводчика в Академию наук СССР, где по-прежнему был связан с венгерскими проблемами, то увидел, что в беседе были затронуты и сформулированы в первоначальном виде проблемы предстоящих реформ. Их Кадар уже настойчиво решал с новым, молодым поколением руководителей Венгрии до самого своего ухода из политической жизни незадолго до кончины в 1989 году.

Более чем тридцатилетнее пребывание у власти не испортило его характер. Он никогда не стремился к роскоши, к накопительству, всегда был скромн и честен, прост в общении, но в то же время строг и одновременно любим своим народом. Он, конечно, не ангел, да и не бывает ангелов у власти. Как руководитель государства в столь сложный для страны период он подписывал суровые приговоры бандитам, которые убивали безвинных и безоружных людей. А вот приговор суда Имре Надю, который он утвердил, Кадар незадолго до своей смерти назвал «величайшей трагедией своей жизни»¹⁰⁶.

Владимир Байков
Москва, 2001

Примечания

¹ Владимир Сергеевич Байков родился 19 мая 1916 года, скончался 17 июня 2001 года.

² Именно в Венгрии 1946 года инфляция достигла рекордного уровня, зарегистрированного книгой Гиннеса, — в начале лета 1946 года была отпечатана банкнота в один триллион пенгё. С 1 августа 1946 года была введена твердая валюта — форинт. Для оказания помощи в осуществлении финансовой реформы из Москвы приезжал на родину крупный советский экономист венгерского происхождения, активный деятель Венгерской советской республики 1919 года академик Евгений (Енё) Варга, его роль в преодолении инфляции нельзя недооценивать.

³ Ференц Хугай — Hugaï Ferenc (1884–1955) — видный венгерский педагог-филолог, работал и жил в это время в Дьёндьеше и руководил частной языковой школой.

⁴ Суть аграрной реформы 1945 года заключалась в ликвидации помещичьего и церковного землевладения, раздаче земли крестьянам. Министром земледелия в коалиционном правительстве был вернувшийся из советской эмиграции экономист-аграрник коммунист Имре Надь, что способствовало определенной его популярности в крестьянской среде. Это проявилось в 1950-е годы, когда И. Надь стал летом 1953 года премьер-министром.

⁵ В 1945 году вследствие начавшихся реформ были поколеблены, прежде всего, экономические, материальные позиции католической и реформатских церквей.

⁶ В. С. Байков, выпускник Литературного института, работал перед войной в системе радиовещания, поступил в заочную аспирантуру по литературоведению.

⁷ В боях за Венгрию принимала участие конно-механизированная группа под командованием генерала И. А. Плиева, состоявшая из трех корпусов.

⁸ Ференц Салаш — венгерский национал-социалистический деятель, основатель и лидер Партии скрещённых стрел. Пришел к власти вследствие государственного переворота середины октября 1944 года и смещения регента Венгрии адмирала М. Хорти. В марте 1946 года был казнен по приговору суда.

⁹ Нилашисты — члены так называемой Партии скрещённых стрел (от слова *nyil* — нил — стрела).

¹⁰ Выверенные данные о масштабах Холокоста в Венгрии 1944 — начала 1945 года представлены в книге: Stark T. Hungarian Jews During the Holocaust and after the Second World War, 1939–1949. A Statistical Review. Boulder — New York, 2000.

¹¹ Территория, находившаяся под контролем салашистов, сокращалась по мере наступления Красной армии. 13 февраля 1945 года завершилось освобождение Будапешта, а к началу апреля — всей страны.

¹² Выборы состоялись 4 ноября 1945 года. Уверенную победу на них одержала партия мелких сельских хозяев, получив 57 % голосов, однако в условиях советского военного присутствия она не решилась пойти на формирование однопартийного правительства, тем самым взяв на себя всю ответственность за управление страной.

¹³ Примасом (главой) венгерской католической церкви с 1945 года был кардинал Йозеф Миндсенти.

¹⁴ Партия, о которой идет речь, сохранила свою самостоятельность, создав на выборах блок с партией мелких сельских хозяев.

¹⁵ Убежденный консерватор кардинал Йозеф Миндсенти на самом деле дистанцировался и от партии мелких хозяев, поскольку она была слишком левой для него, отношения с ее лидерами у него сложились. Прямых призывов голосовать за эту партию он в своих проповедях не делал. Но люди из его проповедей могли извлечь выводы о том, что кардинал считал меньшим злом для страны.

¹⁶ «Обретением родины», венг. Nonfoglalás, в венгерской национальной традиции называют приход венгров в Среднее Подунавье в 896 году.

¹⁷ Речь идет о группе коммунистов, связанных со структурами Коминтерна и работавших до 1945 года в советской эмиграции.

¹⁸ Менялось прежде всего руководство партии, что было следствием острейшей фракционной борьбы. Многие венгерские коммунисты, находившиеся в советской эмиграции, стали жертвами сталинских репрессий в конце 1930-х годов. Среди них был и виднейший деятель венгерского и мирового коммунистического движения, фактический лидер Венгерской советской республики 1919 года Бела Кун.

¹⁹ Еще сильнее против коммунистов работал негативный опыт Венгерской советской республики 1919 года, памятный многим венграм, в том числе крестьянам, не получившим землю, а ставшим жертвой экспериментов по социализации земельной собственности.

²⁰ М. Ракоши в 1945 году еще не обладал властью, будучи лишь лидером одной из партий, представленных во Временном национальном собрании и правительстве, хотя и пользовавшейся особой поддержкой советской части Союзной Контрольной комиссии. Не Ракоши устанавливал, когда проводить в Венгрии парламентские выборы, а державы-победительницы, представители которых обсуждали осенью 1945 года этот вопрос на заседании Совета министров иностранных дел. 4 ноября 1945 года в Венгрии состоялись свободные выборы, таково было требование США и Великобритании, которое был вынужден принять Сталин. Это были последние свободные выборы в стране вплоть до 1990 года.

²¹ Неудача компартии на ноябрьских выборах 1945 года в Госсобрание была лишь относительной. Для партии, совсем недавно вышедшей из подполья и не имевшей в предшествующую эпоху условий для легальной деятельности (а значит, не накопившей соответствующий опыт), получить 17 % на свободных выборах — неплохой результат. Но ждали большего, а потому итоги выборов сильно разочаровали партийное руководство. С другой стороны, силы, оппонировавшие коммунистам, действительно восприняли результаты выборов как обнадеживающие для себя и попытались предпринять внутривластное контрнаступление.

²² Маловероятно, что в условиях советского военного присутствия на улицах венгерских городов могли появиться молодчики в фашистской форме. Это противоречило элементарным требованиям Союзной контрольной комиссии и соглашению о перемирии держав-победительниц с Венгрией, подписанному 20 января 1945 года. К тому же МВД даже после неудачных для компартии выборов 4 ноября возглавлялось в новом коалиционном правительстве ее представителем. Одним из проявлений предпринятого в эти месяцы антикоммунистического контрнаступления стало некоторое снижение активности в работе комиссии по проверке чиновников на лояльность новой власти.

²³ Партия мелких сельских хозяев, одержавшая убедительную победу на выборах в ноябре 1945 года, отнюдь не выступала за реставрацию хортистского режима. К тому же восстановить этот режим не позволили бы ни Красная армия, присутствовавшая в стране, ни функционировавшая вплоть до подписания в 1947 года мирного договора с Венгрией Союзная Контрольная комиссия, призванная наблюдать за внутривластным процессом в целях недопущения возврата к власти сил прогитлеровской ориентации, приведших Венгрию к союзу с нацистской Германией и поражению во Второй мировой войне.

²⁴ Речь идет о митинге, контролируемом левыми силами и направленном на то, чтобы не позволить осуществить пересмотр радикальной аграрной реформы.

²⁵ Заслуга «Антологии венгерской поэзии», вышедшей в СССР в 1952 году, заключалась в том, что к работе над ней были привлечены крупные поэты и в том числе Б. Пастернак. Однако в основе общей концепции и отбора стихов лежали господствовавшие в начале 1950-х годов в СССР вульгаризаторские схемы. Поэзия конца XIX — начала XX века, периода, трактовавшегося как эпоха упадка и вырождения, была, по сути, представлена только поэтами, имевшими определенное отношение к рабочему движению.

²⁶ С. А. Лозовский курировал деятельность Еврейского антифашистского комитета и был арестован, а затем, в 1952 году, расстрелян по известному делу о Еврейском антифашистском комитете.

²⁷ В публицистике конца 1940-х — начала 1950-х годов речь шла о советском опыте, о верности ленинско-сталинскому учению.

²⁸ Это было программное выступление Й. Реваи на выставке, открывшейся в начале октября 1949 года и проходившей на фоне массивной антизападной и антиюгославской истерии, развернувшейся в сентябре 1949 года в связи с фальсифицированным судебным процессом по делу Ласло Райка, видного деятеля компартии, обвиненного в попытке захвата власти и установления враждебного СССР режима, ориентированного на титовскую Югославию, вступившую в 1948 году в острый конфликт с СССР. Приговор по делу Райка и его сообщников был вынесен 24 сентября 1949 года, а 15 октября Райк и другие приговоренные на этом процессе к высшей мере наказания лица были расстреляны.

²⁹ В. С. Байков, не принимавший непосредственного участия в деятельности соответствующих комиссий, скорее всего, опирается здесь на такой ценный источник, как известные мемуары К. Симонова, который подробнее других описал механизм присуждения сталинских премий.

³⁰ Необходимо учитывать в этой связи и прямое советское давление. Типичный пример — совещание в Кремле в январе 1951 года, когда от вызванных восточноевропейских лидеров потребовали резкого увеличения расходов на оборонные отрасли индустрии.

³¹ Выборы конца августа 1947 года проводились на альтернативной основе, но сопровождалась многочисленными фальсификациями. Успеху коммунистов и их союзников способствовала и хорошо продуманная акция по дискредитации ряда лидеров партии мелких хозяев во главе с премьер-министром Ференцем Надем, подавшим в мае 1947 года в отставку вследствие ложных обвинений в подготовке антиреспубликанского заговора.

³² Объединительному съезду двух партий, состоявшемуся в июне 1948 года, предшествовало очищение руководства и актива СДП от лиц, противодействовавших слиянию социал-демократии с коммунистами.

³³ Речь идет о количестве людей, прошедших через аресты, суды, депортации.

³⁴ Решение о прекращении деятельности представительства Совинформбюро в Будапеште было принято в Москве.

³⁵ Речь идет о феномене, по сути, возникшем весной 1956 года, на волне XX съезда КПСС.

³⁶ Точнее, его деятельность была приостановлена, а осенью 1956 года возобновилась с новой силой.

³⁷ Фильм режиссера Гезы Радвани по сценарию, написанному Белой Балажем, одним из основателей мировой киноэстетики. Вышел на экран в 1947 году.

³⁸ Внешнеполитический отдел ЦК партии, в те годы неоднократно менявший название вследствие реорганизаций.

³⁹ Материалы, отражающие поездку советской делегации во главе с членом Политбюро ЦК ВКП(б) маршалом К. Е. Ворошиловым в Венгрию в апреле 1950 года на торжество по случаю пятилетия освобождения страны (включая проекты речи К. Е. Ворошилова, подготовленные при участии В. С. Байкова), хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 74. Оп. 2. Д. 60.

⁴⁰ См.: *Мольнар Л. В.* Токайские вина на царском столе (данные о вывозе токайских вин в Россию в XVIII в.) // Освободительная война 1703–1711 в Венгрии и дипломатия Петра I / Отв. редактор О. В. Хаванова. СПб., 2013.

⁴¹ Из новейшей литературы о творчестве М. Зичи см.: *Кишине Бу-даи Р.* «Художник его императорского величества». Михай Зичи в России // Славянский альманах. 2013. М., 2014.

⁴² Тем не менее продиктованные донесения Микояна иной раз отличались точностью политического анализа. Это касается и его донесений из Венгрии, опубликованных в сборнике документов «Советский Союз и венгерский кризис 1956 г.». М., 1998.

⁴³ У К. В. Ворошилова были совсем свежие венгерские воспоминания, поскольку в 1945–1947 годах он по большей части находился в Венгрии как председатель Союзной контрольной комиссии.

⁴⁴ Занимал эту должность в 1953–1960 годах.

⁴⁵ Необходимо иметь в виду, что и Сталин в программной работе «Марксизм и вопросы языкознания» (на самом деле написанной филологом А. Чикобавой) выступил против теории Н. Я. Марра, противопоставив его учению новую систему догм.

⁴⁶ Следует иметь в виду, что собеседникам В. С. Байкова было опасно проявлять открытое недовольство положением в стране.

⁴⁷ Перед войной, с 1939 по 1941 год, В. С. Байков работал редактором Всесоюзного радиокомитета при Совнаркоме СССР и принимал непосредственное участие в осуществлении пропагандистской кампании в интересах освобождения Ракоши из хортистских застенков, состоявшегося в ноябре 1940 года. О ходе этой кампании дает представление вышедший в Венгрии сборник документов из российских архивов: *A Komintern «védőszárnyai» alatt. Orosz levéltári források Rákosi Mátyás börtönveiről 1925–1940* // *Az iratokat gyűjtötte és válogatta, fordította, sajtó alá rendezte, a bevezető tanulmányt és a jegyzeteket írta Kolontári Attila és Seres Attila.* Budapest, 2014.

⁴⁸ Родившаяся в 1903 году жена М. Ракоши Ф. Ф. Корнилова училась в гимназии и получила среднее образование.

⁴⁹ Правоавторитарный консервативный хортистский режим, типологически близкий белогвардейским диктатурам 1918–1920 годов на просторах бывшей Российской империи, претерпевал в 1930-х — начале 1940-х годов дальнейшую эволюцию вправо. Главными вехами в процессе

установления в Венгрии подлинно тоталитарного режима, типологически близкого нацистскому в Германии, стали оккупация страны вермахтом 19 марта 1944 года и переворот в середине октября того же года, приведший к власти салашистов.

⁵⁰ Можно предполагать, что следствием именно этой встречи явилось создание в 1952 году венгерской автономии в Восточной Трансильвании.

⁵¹ Было два венских арбитража, причем в роли арбитров выступали как нацистская Германия, так и фашистская Италия. По первому венскому арбитражу, явившемуся следствием мюнхенского соглашения, ликвидировавшего чехословацкую государственность, Венгрии в ноябре 1938 года были переданы южные земли Словакии и Закарпатской Украины. По второму арбитражу от 30 августа 1940 года Венгрия получила территорию Северной Трансильвании, в соответствии с Трианонским мирным договором 1920 года принадлежавшую Румынии. Все эти земли относились к числу «коронных» венгерских земель и до окончания первой мировой войны входили в Австро-Венгерскую монархию, в ее венгерскую, управляющуюся из Будапешта половину.

⁵² Речь идет об укорененном в венгерском национальном сознании новейшего времени острым недовольстве Трианонским мирным договором 1920 года, в соответствии с которым соседним государствам были переданы территории «исторической Венгрии» (включая Трансильванию), на которых наряду с представителями других наций проживало около 3 млн этнических венгров.

⁵³ Базовые для ялтинско-потсдамской системы международных отношений Парижские мирные договоры 1947 года оставались в силе. Сталин просто дал понять своим сателлитам, что внутриблоковых конфликтов быть не должно, при этом новых пересмотров границ и массовых переселений населения по этническому принципу внутри советского лагеря больше не будет, а что касается сохранившихся спорных вопросов в двусторонних отношениях между восточноевропейскими странами (в том числе связанных с наследием несправедливого для венгров Трианонского мирного договора), то Москва по возможности займет равноудаленную позицию, предоставив своим союзникам решать эти проблемы в непосредственном диалоге между собой.

⁵⁴ Ракоши летом 1953 года был смещен с должности главы правительства, но продолжал оставаться (до июля 1956 года) первым секретарем Центрального Комитета Венгерской партии трудящихся.

⁵⁵ Венгерские записи двусторонних встреч, состоявшихся в середине июня 1953 года, опубликованы: *Múltunk*, 1992. № 3.

⁵⁶ О справедливости этой цифры можно говорить с учетом жертв не только судебного процесса по делу Райка, но и ряда смежных процессов, состоявшихся в те же месяцы (например, процесса по делу ряда генералов во главе с Д. Палфи).

⁵⁷ Следует иметь в виду, что Берия, продолжая входить в Политбюро и оставаться одним из заместителей председателя Совета Министров СССР, вместе с тем был в 1946 году отодвинут Сталиным от контроля над органами госбезопасности, он курировал с этих пор прежде всего ядерный проект.

⁵⁸ Министром госбезопасности в 1946–1951 годах был В. С. Абакумов, ему подчинялись и советские советники, принимавшие непосредственное участие в подготовке дела Райка 1949 года и ряда других фальсифицированных судебных дел.

⁵⁹ См.: Лаврентий Берия, 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Составители В. Наумов, Ю. Сигачев. М., Международный фонд «Демократия», 1999.

⁶⁰ Из мемуаров, опубликованных и на русском языке («Людам свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши) в журнале «Исторический архив» в 1997–1999 годах, известно, что Ракоши, вскоре после освобождения в июле 1956 года от обязанностей первого секретаря ЦК ВПТ выехавший в СССР, жил в дни венгерской революции в Барвихе. Он неоднократно вызывался в Москву, его мнение о путях стабилизации положения в Венгрии запрашивалось, однако уже в первые программные заявления нового правительства была включена жесткая критика его политики во главе партии и страны. Решение о высылке Ракоши в Краснодар было принято Президиумом ЦК КПСС уже весной 1957 года. Основанием для него послужили его попытки через верных ему венгерских коммунистов, бежавших в дни революции в СССР, и через венгерское посольство оказывать влияние на внутривнутриполитические процессы в Венгрии не в интересах укрепления позиций Кадара (речь идет о критике политики Кадара и его правительства слева, по сути со сталинистской платформы). См. постановления Президиума ЦК КПСС по Ракоши: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Том 2. Постановления, 1954–1958. М., 2006. С. 613, 619–623.

⁶¹ То есть прошедшая в конце 1940-х — начале 1950-х годов через волну репрессий и реабилитированная в 1954–1955 годах, когда (отчасти с подачи Москвы) начался медленный процесс пересмотра судебных дел.

⁶² 1929–1933 годы.

⁶³ Вопрос о гипотетической роли Москвы в аресте Кадара в апреле 1951 года нуждается в дальнейшем изучении. Никакими подтверждениями приказа из Москвы мы не располагаем. Следует также иметь в виду, что Ракоши видел в Кадаре опасного конкурента и был заинтересован в его устранении с политической арены.

⁶⁴ Это в общем подтверждается содержанием бесед Ракоши с советским послом Ю. В. Андроповым. См., в частности, донесение Андропова от 6 мая 1956 года: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / Редакторы-составители Е. Д. Орехова, В. Т. Серета, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 69–70.

⁶⁵ Столь радикальные требования зазвучали на заседаниях Кружка Петефи лишь осенью, ближе к началу октябрьских событий.

⁶⁶ О поездке М. А. Сулова в Венгрию в июне 1956 года дает представление его телефонограмма в Президиум ЦК КПСС. См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 85–87.

⁶⁷ О недельной миссии А. И. Микояна в Будапешт в середине июля 1956 года можно узнать из его донесений: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 152–184.

⁶⁸ Э. Герё находился в это время в СССР на отдыхе, Я. Кадар через СССР возвращался на родину из Китая, где возглавлял делегацию ВПТ на VIII съезде КПК.

⁶⁹ См. записи заседаний Президиума ЦК КПСС от 2 и 3 ноября 1956 года с его участием. См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 515–522, 542–547.

⁷⁰ О публично выраженной позиции Кадара в те дни можно судить, в частности, по его выступлению по радио вечером 1 ноября: Там же. С. 502–505.

⁷¹ О позиции Ю. В. Андропова в качестве посла СССР в Венгрии дают представление его многочисленные донесения, опубликованные в том же сборнике.

⁷² См. первые программные заявления нового правительства: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 549–554, 577–578.

⁷³ См. материалы заседания Президиума ЦК КПСС за 31 октября 1956 года и в том числе принятые постановления: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 479–486; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003. С. 191–193; Там же. Т. 2. Постановления, 1954–1958. М., 2006. С. 475–476.

⁷⁴ Маршал Советского Союза И. С. Конев в качестве командующего объединенными вооруженными силами стран-участниц Варшавского договора осуществлял общее командование операцией. Генерал-лейтенант (впоследствии генерал армии) П. Н. Лашенко был командующим особым корпусом советских войск, дислоцированным в Венгрии еще до начала октябрьских событий. Юридическую основу для пребывания этого корпуса на венгерской территории (вплоть до подписания в мае 1955 года договора о восстановлении полной независимости Австрии) составляли положения мирного договора 1947 года с Венгрией. После вывода советских войск из Австрии в 1955 году численность особого корпуса увеличилась, что не имело под собой правовых оснований, как и дальнейшее пребывание советских войск на венгерской территории (вплоть до подписания в мае 1957 года советско-венгерского межправительственного соглашения о временном пребывании советских войск).

⁷⁵ См. записи заседаний Президиума ЦК КПСС от 2 и 3 ноября, на которых обсуждались вопросы, связанные с формированием нового правительства: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 515–522, 542–547.

⁷⁶ В ноябре 1956 года действительно имел место инцидент, когда венгерские повстанцы сбили из зенитного орудия советский военный самолет, выполнявший разведывательные функции.

⁷⁷ См.: A Forradalom hangja. Magyarországi rádióadások, 1956. Október 23 – November 9. Bp., 1989.

⁷⁸ См.: первые программные документы нового правительства: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 549–554, 577–578.

⁷⁹ Боевые действия советских частей с повстанцами продолжались до 11 ноября. Об их ходе дают представление каждодневные донесения министра обороны СССР Маршала Советского Союза Г. К. Жукова в Президиум ЦК КПСС. См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. Раздел IV.

⁸⁰ О первых днях пребывания нового правительства в здании парламента и тех трудностях, с которыми оно сталкивалось, дает представление донесение посла Ю. В. Андропова от 9 ноября: Там же. С. 626–627. Документ аппарата ЦК КПСС, отражающий ход работы над Обращением Временного ЦК ВСРП от 6 ноября к венгерскому народу, указывает на посредническую миссию В. С. Байкова, передававшего Я. Кадару поправки и дополнения, рекомендуемые от имени ЦК КПСС. См.: Там же. С. 604–608.

⁸¹ Ср. с ноябрьскими донесениями председателя КГБ И. А. Серова в ЦК КПСС: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. Раздел IV.

⁸² Некоторые схваченные советскими силовиками участники боевых действий были депортированы на территорию Западной Украины, но через некоторое время возвращены в Венгрию. См. донесение по линии МВД от 15 ноября: Там же. С. 652–656. См. также донесение Серова и Андропова от 14 ноября о том, как происходила депортация: «При передвижении эшелона заключенные на двух станциях выбросили в окно записки, в которых сообщали, что их отправляют в Сибирь. Эти записки были подобраны венгерскими железнодорожниками, которые сообщили об этом в правительство. По нашей линии дано указание — впредь арестованных отправлять на закрытых автомашинах под усиленным конвоем» (Там же. С. 651–652).

⁸³ См. постановление Президиума ЦК КПСС от 5 ноября 1956 года «О срочной отгрузке товаров в ВНР»: Там же. С. 591–594.

⁸⁴ На самом деле уже в мае 1957 года новое венгерское правительство подписало с СССР соглашение о пребывании советских войск на территории страны.

⁸⁵ Опубликованные во Франции по итогам поездки в Венгрию апологетические в отношении советской политики очерки главного редактора газеты «Юманите» писателя А. Стиля вызвали крайне негативный отклик французского общественного мнения.

⁸⁶ Ситуация в стране в этот период фактически характеризовалась двоевластием. Центральным Рабочий совет Большого Будапешта выступал в качестве альтернативного центра власти, используя забастовки как инструмент давления на правительство Кадара с требованием вывода советских войск и проведения свободных выборов.

⁸⁷ На рассвете 4 ноября, вскоре после вступления советских войск в Будапешт, Имре Надь вместе с группой политиков-коммунистов и членов их семей укрылся в югославском посольстве в Будапеште. После выхода оттуда 21 ноября эти люди были задержаны советскими спецслужбами и депортированы в Румынию. О деятельности Имре Надя в октябрь-ноябре 1956 года и его дальнейшей судьбе см.: *Райнер М. Янош*. Имре Надь, премьер-министр венгерской революции 1956 года. Политическая биография. М., 2006.

⁸⁸ Это была забастовка протеста в связи с депортацией Имре Надя в Румынию (см. выше).

⁸⁹ Таково было общее количество граждан Венгрии, эмигрировавших через Австрию и Югославию на Запад вследствие событий октября-ноября 1956 года. На начало декабря эта цифра была значительно ниже. См. подробно: *Стыкалин А. С.* К истории решения одной международной гуманитарной проблемы. Венгерские беженцы и мировое сообщество. 1956–1957 // Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв. / Отв. редактор Т. А. Покивайлова. СПб: Алетейя, 2011.

⁹⁰ Хотя основная часть писательского и журналистского сообщества Венгрии резко выступила против советского силового вмешательства и распространяла соответствующие заявления, другие известные нам источники не подтверждают существования столь радикальных призывов в газетах, в том числе выходивших нелегально. Уличные плакаты и листовки с экстремистскими призывами, однако, имели некоторое хождение. О позиции значительной части писательского сообщества дает представление программное заявление Союза венгерских писателей, принятое на его общем собрании 28 декабря: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 738–740. В середине января деятельность Союза писателей, ставшего одним из центров оппозиции, была приостановлена.

⁹¹ Пребывание Н. С. Хрущева в Будапеште нашло отражение и в венгерской главе его широко известных мемуаров. Наиболее полное издание: *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть (Воспоминания). В 4-х книгах. М., 1999. Книга 2.

⁹² Венгерский кризис 1956 года заметно осложнил процесс поступательного улучшения советско-югославских отношений, наметившийся после смерти Сталина. В Москве были недовольны тем, что югославская пресса на протяжении весны-лета 1956 года оказывала моральную поддержку сторонникам радикальной десталинизации в Венгрии, венгерские реформаторы поддерживали связи с югославским посольством в Будапеште. Более того, посольство Югославии утром 4 ноября предоставило убежище Имре Надю, перед этим выступившему с публичным осуждением советской военной акции. Тезис о якобы вынашивавшихся в Белграде планах создания своего рода Дунайской федерации не отражает реальной позиции титовского руководства, относившейся к 1956 году. Вместе с тем югославские коммунистические лидеры действительно рассчитывали на приход к власти в Венгрии сил, отстаивавших более самостоятельную линию в диалоге с СССР и способных в силу этого выступить в качестве потенциального союзника нейтральной, внеблоковой Югославии.

⁹³ Как отмечалось выше, в мае 1957 года советское военное присутствие было легализовано соответствующим соглашением.

⁹⁴ Начиная с 24 октября и по начало декабря 1956 года председатель КГБ И. А. Серов почти безвыездно находился в Венгрии, непосредственно руководя силовыми акциями по наведению порядка в стране. Его многочисленные донесения партийному руководству опубликованы: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. Разделы III и IV.

⁹⁵ Цифры завышены. Вследствие репрессий после подавления венгерской революции было казнено более 200 человек. Почти все они были впоследствии посмертно реабилитированы. Необходимо, однако, иметь в виду, что среди казненных были и люди, ответственные за жестокую акцию 30 октября около здания будапештского горкома партии (ее жертвами стали около 30 человек), за самосуды над сотрудниками госбезопасности и т. д.

⁹⁶ Об исторических последствиях Трианонского мирного договора 1920 года, вследствие которого за пределами венгерского государства оказалось более 3 млн венгров, см. выше. Парижский мирный договор 1947 года с очень маленькой корректировкой не в пользу Венгрии подтвердил ее трианонские границы.

⁹⁷ И. А. Серов, которому Н. С. Хрущев не доверял, был в 1958 году заменен на посту председателя КГБ выходцем из партийно-комсомольских аппаратчиков А. Н. Шелепиным, однако до 1963 года возглавлял Главное разведывательное управление Генштаба. После скандала с разоблачением офицера ГРУ О. Пеньковского как иностранного агента Серов был освобожден от занимаемого поста, понижен с генерала армии до генерал-майора, лишен звания Героя Советского Союза, позже исключен из партии по обвинению в нарушениях социалистической законности и использовании служебного положения в личных целях.

⁹⁸ В декабре 1956 года в целях оказания помощи формирующимся органам новой партии на местах Секретариатом ЦК КПСС было принято постановление о командировании в Венгрию сроком на два-три месяца пятидесяти ответственных партийных работников. Они выполняли функции заместителей военных комендантов по экономическим и политическим вопросам. См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 741.

⁹⁹ О поездке Н. Хрущева в Венгрию в апреле 1958 года в широком историческом контексте см.: Hruscsov Budapest, 1958 április. Egy látogatás anatómiája // *Rainer M. János. Ötvenhat után (Tanulmányok)*. Budapest, 2003.

¹⁰⁰ Пленум ЦК КПСС, состоявшийся 6–7 мая 1958 года, принял постановление «Об ускорении развития химической промышленности и особенно производства материалов и изделий для удовлетворения потребностей населения и нужд народного хозяйства».

¹⁰¹ Имеются в виду проюгославские симпатии и югославские связи венгерских коммунистов-реформаторов, выступавших за радикальные внутривнутриполитические перемены и более независимый внешнеполитический курс Венгрии. Отчет о содержании встречи Н. С. Хрущева и Г. М. Маленкова с югославскими лидерами И. Брозом Тито, Э. Карделем и А. Ранковичем на о. Бриони на Адриатике в ночь со 2 на 3 ноября 1956 года (подготовлен послом Югославии в СССР В. Мичуновичем) опубликован: Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. Документы. С. 524–533. См. также: *Едемский А. Б.* По следам конкретных консультаций на Брионах 2–3 ноября 1956 г. // *Славянский альманах*. 2010. М., 2011. В ходе брионской встречи руководители Югославии, опасавшиеся слишком резкого сдвига вправо в соседней стране и явно не желавшие утраты власти венгерскими коммунистами, поддержали, хотя и с оговорками, советские планы по смене власти в Венгрии силовым путем. В качестве главы нового венгерского правительства они предложили Я. Кадара, с этим выбором согласился и Н. Хрущев, поначалу склонявшийся к кандидатуре Ф. Мюнниха.

¹⁰² Встреча с польскими лидерами В. Гомулкой и Ю. Циранкевичем состоялась 1 ноября в приграничном Бресте, откуда Хрущев и Маленков отправились в Бухарест, куда прилетели также лидеры Болгарии и Чехословакии, откуда высокопоставленные советские эмиссары полетели на о. Бриони к Тито. Из руководителей европейских соцстран лишь поляки выразили неудовольствие планами силового решения венгерского вопроса (Гомулка, только что вернувшийся к власти на волне общественного подъема под лозунгами большей независимости от Москвы, понимал, что советская интервенция в Венгрии усилит в Польше антикоммунистические настроения, а значит, ослабит позиции правящей ПОРП). Однако и поляки обещали воздержаться от публичной критики советских действий в Венгрии.

¹⁰³ С 23 октября в Москве находились члены узкого руководства китайской компартии Лю Шаоци и Дэн Сяопин, они приглашались на заседания Президиума ЦК КПСС по венгерскому вопросу, поддерживали телефонную связь с Мао Цзэдуном. Позиция руководства КПК менялась по мере углубления кризиса коммунистической власти в Венгрии. Поначалу представители КПК призывали советских лидеров к большей терпимости и учету национально-специфических особенностей отдельных стран при строительстве социализма. Однако к концу октября, убедившись в том, что коммунисты теряют власть в Венгрии, они стали призывать Москву к скорейшей ликвидации венгерской «контрреволюции».

¹⁰⁴ В ряде соседних стран, где проживали большие венгерские меньшинства (в Румынии, Чехословакии, Югославии), существовали опасения оживления в Венгрии ирредентистских тенденций, активизации сил, требующих пересмотра границ, установленных по итогам двух мировых войн. Эта угроза зачастую преувеличивалась, лозунги ревизии границ на самом деле занимали очень маргинальное положение даже на правом фланге внутриполитической жизни.

¹⁰⁵ Советские войска покинули Венгрию только с крахом мировой системы социализма, в 1990–1991 годах.

¹⁰⁶ Тема Имре Надя была так или иначе затронута как в серии интервью, которые Кадар давал в последние годы жизни (См.: Kanyó András. Kádár János – végakarát. Bp., 1989), так и в его последнем публичном выступлении, сделанном в апреле 1989 года на пленуме ЦК ВСРП (См.: Последняя речь Яноша Кадара / Вступительная статья, публикация и примечания О. Якименко // Неприкосновенный запас, 2015, № 4). О конкретных обстоятельствах подготовки и проведения в июне 1958 года суда над Имре Надем и роли Кадара см.: Райнер М. Янош. Имре Надь.

Венгрия эпохи социализма и ее отражение в воспоминаниях В. С. Байкова

Предлагаемые вниманию читателя воспоминания Владимира Сергеевича Байкова интересны непосредственными свидетельствами очевидца ключевых событий в новейшей истории Венгрии. Работая «на венгерском направлении» в качестве переводчика-синхрониста, референта партийно-государственных органов, политического аналитика, преподавателя, он посвятил изучению этой удивительной страны не одно десятилетие своей жизни. Владимир Байков впервые оказался в Венгрии в качестве офицера-политработника победоносной Красной армии и уже в ноябре 1945 года стал свидетелем первых послевоенных парламентских выборов и сопутствовавшей им острейшей политической борьбы между сторонниками и противниками коммунистической перспективы развития. В 1948 и 1950 годах он сопровождал в качестве переводчика в Венгрию маршала СССР Климентия Ворошилова, главу советских делегаций на торжествах сначала по случаю 100-летия революции 1848 года, а затем в связи с 5-летием освобождения Венгрии от нацистской Германии. В июне 1953 года В. С. Байков выполнял свою профессиональную миссию на исторической встрече советских и венгерских лидеров в Кремле. Тогда политика Матьяша Ракоши и его окружения была подвергнута резкой критике, прежде всего за провалы в экономике, и в качестве нового премьер-министра был предложен Имре Надь, который вскоре приступил к системным реформам, опередившим свое время. Он тоже со временем потерял доверие Москвы. Это было одно из последних заседаний советского партийного руководства с участием Лаврентия Берии. Через неполные две недели отстраненного и арестованного, но тогда, 13 июня, еще предвкушавшего, как будет «рвать горло всем сидящим на этом заседании». Его вызывающее поведение, в деталях описанное Байковым, не могло не броситься в глаза переводчику и произвело на него более чем угнетающее впечатление. Весной 1955 года Владимир Байков познакомился с главным героем этой

книги — Яношем Кадаром, за несколько месяцев до этого освобожденным после 3-летнего политического заключения и вернувшимся на партийную работу. В течение трех недель он сопровождал делегацию венгерских партработников во главе с Кадаром в поездке по СССР. В кризисном 1956 году он переводил беседы Яноша Кадара с членом Президиума ЦК КПСС Михаилом Суслым, которые состоялись как в СССР, так и в Венгрии. Из воспоминаний мы узнаем о том, что уже в начале октября, за три недели до восстания, в Москве, в интересах снятия напряженности в Венгрии, всерьез рассматривали Яноша Кадара как кандидата на пост главы Венгерской партии трудящихся (ВПТ).

В начале ноября, в дни подавления венгерской революции, Байков сопровождал Кадара при переезде в Венгрию, как главу нового правительства, сформированного в СССР, въезжал с ним в Будапешт на советском танке, находился рядом с Кадаром в первые недели консолидации. Его постоянное присутствие рядом с первым человеком зарубежного государства объяснимо как остротой ситуации в Венгрии тех дней, так и большим значением, которое придавалось Москвой урегулированию венгерского кризиса. Настояв на постоянном нахождении при себе переводчика из аппарата ЦК КПСС, Кадар словно «хотел показать Кремлю: смотрите, я ничего от вас не скрываю, даже пригласил вашего человека... Веду себя с вами честно и вправе надеяться на честность и с вашей стороны».

Для того чтобы лучше понять, в каких исторических условиях приходилось работать переводчику и референту Владимиру Байкову, какие задачи ему приходилось выполнять, не обойтись без экскурса в историю Венгрии послевоенных десятилетий и напоминания о том, что же представляли собой и как сказались на судьбах страны и венгерской нации эпоха Ракоши, революция 1956 года, эпоха Кадара.

Образованное в декабре 1944 года на освобожденной территории в Дебрецене, временное коалиционное антифашистское правительство 28 декабря объявило войну Германии, а 20 января 1945 года подписало перемирие с СССР, обеспечившим себе ведущие позиции в Союзной контрольной комиссии, функционировавшей до 1947 года. Роль Венгрии во Второй мировой войне как последовательного союзника нацистской Германии не давала

державам-победительницам оснований для пересмотра в ее пользу Трианонского мирного договора 1920 года, оставившего более трех миллионов венгров за пределами своего национального государства. Некоторые надежды новой венгерской антифашистской элиты на возвращение небольшой части Трансильвании, обусловленные тем, что и Румыния относилась к числу побежденных стран, были развеяны уже в 1946 году вследствие твердой позиции СССР на Парижской мирной конференции. Причисление Венгрии к странам советской сферы влияния, о чем лидеры великих держав, по сути дела, договорились в 1945 году в Ялте и Потсдаме, объективно ограничивало поле внешнеполитических маневров для страны. Это влияло коренным образом на судьбы Венгрии вплоть до падения ялтинско-потсдамской системы международных отношений в 1989 году.

Новое коалиционное правительство возглавил сначала генерал-полковник Бела Миклош Далноки (Dálnoki Miklós Béla). После победы на свободных парламентских выборах в ноябре 1945 года Партии мелких сельских хозяйств премьер-министром стал деятель этой партии Золтан Тилди (Tildy Zoltán). В феврале 1946 года Венгрия, до тех пор королевство без короля (адмирал Миклош Хорти был, как известно, регентом), была провозглашена республикой. Золтан Тилди избирается ее президентом, а правительство возглавил другой деятель этой партии Ференц Надь (Nagy Ferenc). Несмотря на абсолютную победу одной партии на выборах 1945 года в стране в условиях советского военного присутствия продолжало сохраняться коалиционное правление с участием коммунистов.

Коалиционные антифашистские правительства решительно взялись за послевоенное восстановление страны, ее возрождение на новых основах. Весной 1945 года радикальная аграрная реформа ликвидировала остатки феодального, в том числе церковного землевладения. Введение с 1 августа 1946 года стабильной валюты (форинта) положило конец гиперинфляции. Страна поднималась из руин и успешно развивалась. Уже к концу 1948 г. Венгрия в базовых для нее отраслях промышленного производства достигла своих довоенных показателей. Рос жизненный уровень граждан. Между тем принципиальные расхождения во взглядах на перспективы дальнейшего развития страны, характер

ее будущей политической и экономической системы вели к обострению противоречий внутри правящей коалиции (Владимир Байков это неплохо показывает). Коммунистическая партия, несмотря на скромные результаты на выборах в ноябре 1945 года, при поддержке Союзной контрольной комиссии овладела ключевыми позициями в силовых структурах (в первую очередь в МВД и политической полиции). Уже в 1945–1946 годах по настоянию компартии под знаменем дефашизации и вопреки противодействию некоторых партнеров по коалиции удалось провести радикальные чистки госаппарата от чиновников, служивших при Хорти. Весной 1947 года коммунисты принципиально изменили в свою пользу соотношение внутриполитических сил, сфабриковав дело об антиреспубликанском заговоре. Обвинив в причастности к нему ряд ведущих деятелей наиболее влиятельной в стране Партии мелких сельских хозяев, они добились 1 июня отставки премьер-министра Ференца Надя, который в тот момент отдыхал в Швейцарии. Больше на родину он вернуться не смог. На следующих парламентских выборах, в конце августа 1947 года, имели место явные нарушения в пользу компартии и ее союзников. Значительно укрепив свои позиции в новом правительстве, коммунисты взяли курс на постепенное вытеснение из легальной политической жизни одного за другим не только оппозиционных партий и группировок, но и некоторых своих недавних союзников (так называемая тактика «нарезания салями»). В экономической политике приоритетной задачей становится ограничение, а потом и вытеснение частной собственности, что приводит к национализации к началу 1948 года всех банков, шахт, крупных предприятий, а к концу 1949 года фактически к полному огосударствлению средств производства в промышленности. Экономическую ориентацию Венгрии на СССР предопределили отказ под давлением Москвы от участия в плане Маршалла в 1947 году, подписание в феврале 1948 года советско-венгерского договора о дружбе и сотрудничестве и вступление страны в Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) в 1949 году.

В июне 1948 года на объединительном съезде коммунистической и социал-демократической партий, которому предшествовало очищение СДП от правого крыла, противившегося установлению коммунистической диктатуры, была образована Венгерская

партия трудящихся (ВПТ), вскоре превратившаяся в государственную партию, в базовый элемент политической системы. Ее руководящий статус в общественно-политической жизни зафиксировала конституция, принятая в августе 1949 года и провозгласившая создание Венгерской народной республики (ВНР). Во главе крестьянских партий, по-прежнему представленных в парламенте, были поставлены скрытые коммунисты. Все легально существующие общественные организации вошли в подконтрольный коммунистам Отечественный народный фронт. Финальным аккордом в подавлении оппозиции стало устранение кардинала Йозефа Миндсенти, харизматичной фигуры правого фланга политической жизни, который был арестован в декабре 1948 года сразу после рождественского богослужения. В феврале 1949 года он предстал перед показательным судом, который приговорил его к пожизненному тюремному заключению. Он вышел на свободу только в дни бурных событий осени 1956 года, приняв в них активное участие.

Начиная с 1949 года политическая борьба в стране, по сути, ограничивалась рамками правящей партии. Устранив своих конкурентов из числа коммунистов-подпольщиков времен войны (одним из самых влиятельных среди них был Янош Кадар), а также бывших левых социал-демократов, решающие позиции во главе партии и государства заняла узкая группа деятелей, которые до освобождения Венгрии находились в советской эмиграции и имели за плечами опыт работы в структурах Коминтерна (Матьяш Ракоши, которого вся партийная пропаганда называла «лучшим венгерским учеником товарища Сталина», Эрнё Герё, Михай Фаркаш, Йозеф Реваи). Образцом для них при проведении любого рода экономических, политических, идеологических реформ была система, сложившаяся в СССР при Сталине. Уже весной 1948 года Венгрия первой из стран советской сферы влияния поддержала СССР в конфликте с титовской Югославией, подключившись к массовой антиюгославской кампании. В сентябре 1949 года, в знак подтверждения лояльности венгерской коммунистической элиты по отношению к внешнеполитической линии СССР, в Будапеште по инициативе Ракоши и при участии советских силовых структур был организован нашумевший показательный судебный процесс по делу видного коммуниста

Ласло Райка, сфабрикованный по образцу Московских процессов 1936–1938 годов. Он вывел антиюгославскую кампанию Сталина на новый виток: в резолюции третьего совещания Коминформа, принятой в ноябре 1949 года под влиянием «дела Райка», лидеры Югославии в соответствии с новыми установками официальной Москвы были обвинены не только в ревизионизме и национализме, но названы «шпионами и убийцами».

Подобно сталинской системе, венгерскую модель начала 1950-х годов отличали предельно централизованный характер управления экономикой, жесткий контроль над духовной жизнью общества, наличие мощного репрессивного механизма, не только позволявшего подавлять в зародыше любые оппозиционные проявления, но и склонного к превентивным действиям в этом плане. Так, в 1951 году были высланы из Будапешта в провинцию как «политически вредные» элементы десятки тысяч бывших хортистских чиновников и офицеров, предпринимателей, представителей старой интеллигенции, в том числе литераторы и деятели культуры.

Курс команды Ракоши на форсированное построение социализма включал в себя не только коллективизацию сельского хозяйства по советским моделям рубежа 1920-х — начала 1930-х годов, но и создание (в немалой мере под давлением из Москвы) мощного потенциала тяжелой индустрии, особенно ее оборонных отраслей. Соответствующие задачи были поставлены перед венгерским руководством на совещании у Сталина в Москве в январе 1951 года. Юридические основы для пребывания в Венгрии контингента советских войск (вплоть до урегулирования международно-правового статуса Австрии) заложил Парижский мирный договор 1947 года. В 1949 году, в условиях советско-югославского конфликта, численность советского военного контингента в Венгрии вопреки положениям мирного договора увеличилась.

Непомерные затраты на военно-промышленный комплекс сильно ударили по материальному положению населения. Уровень жизни к 1953 году понизился в сравнении с 1949 годом, снова вводится карточная система, отмененная в конце 1940-х годов. Вследствие разорительной коллективизации в Венгрию впервые в ее истории приходится ввозить зерно. Симптомы явного неблагополучия в экономике, грозившего привести к дестабилизации

политического режима, не проходили мимо внимания Москвы. После смерти Сталина руководство КПСС проявило большую обеспокоенность ситуацией в Венгрии, настояв в ходе двусторонней встречи на высшем уровне в июне 1953 году (как раз на ней работал в качестве переводчика Владимир Байков) на корректировке курса, смене приоритетов в пользу сельского хозяйства и легкой промышленности, замедлении темпов индустриализации. Был разрешен выход крестьян из кооперативов, позволено также в известных пределах мелкое предпринимательство в городской торговле. Хотя Ракоши и сохранил за собой руководство партией, на должность главы правительства был рекомендован реформаторски настроенный экономист-аграрник Имре Надь, имевший, однако, репутацию правого уклониста.

Хрущевская «оттепель», в той или иной мере охватившая всю советскую сферу влияния в Восточной Европе, особенно глубоко затронула именно Венгрию. В этой стране она не ограничилась снижением масштабов репрессий против реальных и потенциальных оппонентов коммунистического режима, частичной реабилитацией ранее осужденных, а также сменой приоритетов в экономической политике, некоторой рационализацией хозяйственного механизма и идеологическими послаблениями в области культуры и гуманитарных наук, но перекинулась на политическую сферу (повышение роли местных советов, инициативы Имре Надя по активизации деятельности Отечественного народного фронта и расширению самостоятельности входивших в него организаций). «Новый курс» Имре Надя, поначалу поддержанный руководством СССР, с осени 1954 года стал вызывать в Москве обеспокоенность слишком радикальным пересмотром всей доктрины социализма. Вступление Западной Германии в НАТО весной 1955 года вновь актуализировало увеличение расходов на оборону и оборонные отрасли индустрии в Венгрии, как и в других странах «народной демократии». Вследствие контрнаступления антиреформаторских сил во главе с Ракоши Имре Надь, настаивавший на правоте своей линии, весной 1955 года был снят с поста премьер-министра, а позже, в декабре того же года, исключен из партии по обвинению во фракционной деятельности. Вступление страны в образованную в мае 1955 года Организацию Варшавского договора стало логическим завершением процесса оформления

союзнических отношений между СССР и Венгрией, начало которому положил советско-венгерский договор 1948 года. Между тем подписание в мае 1955 года международного договора о восстановлении суверенитета Австрии лишило юридических основ пребывание в Венгрии советских войск, численность которых, однако, возросла, поскольку немалая часть выведенного из Австрии вооруженного контингента осела в Венгрии. Требование вывода войск из страны стало одним из приоритетных в программе зарождавшегося в середине 1950-х годов венгерского оппозиционного движения.

Попытка контрреформ дала толчок формированию с осени 1955 года внутрипартийной оппозиции, поначалу нещадно преследовавшейся. Ситуация изменилась после XX съезда КПСС (февраль 1956 года), решения которого придали мощный импульс реформаторским силам в Венгрии, как и в других странах социалистического лагеря, ведь критика тех или иных негативных сторон однопартийной системы, за которую прежде представители оппозиционно настроенной интеллигенции подвергались гонениям, вдруг неожиданно получила поддержку из самой Москвы. Наряду с Польшей движение с требованием коренной демократизации и десталинизации коммунистического режима достигло весной 1956 года наибольшего размаха именно в Венгрии — достаточно вспомнить о знаменитом, нашумевшем на весь мир молодежном дискуссионном клубе — Кружок Петёфи, который стал трибуной для обсуждения актуальных экономических и политических проблем. Особенно большой резонанс возымела дискуссия о печати, состоявшаяся 27 июня.

В условиях общественного подъема Ракоши подвергается все более открытой критике на партсобраниях. Под давлением снизу продолжается процесс реабилитации невинно осужденных. «Дело Райка» было пересмотрено, а сам он посмертно реабилитирован. Выходят на свободу находившиеся в заключении деятели венгерской социал-демократии. Реформаторская пресса, всё сильнее влиявшая на общественное мнение, требовала пересмотра всей концепции социализма на основе гуманистических принципов, приближения ее к насущным потребностям масс.

В июле 1956 года крайне непопулярный Ракоши, представлявший собой обузу для соратников, был отстранен с согласия Москвы.

Но долгосрочного эффекта это не возымело, политическое затишье оказалось недолгим, с начала сентября намечается новый подъем оппозиционных выступлений, причем оппозиция теперь уже перерастает свои прежние внутрипартийные рамки, трансформируется в более широкое и разнородное общественное движение. Главную роль в нем уже играют творческая и гуманитарная интеллигенция, а также студенческая молодежь. Под давлением снизу был восстановлен в партии Имре Надь, дано согласие на торжественное перезахоронение останков Ласло Райка и репрессированных вместе с ним коммунистов. Многотысячное шествие 6 октября под лозунгами обновления социализма явилось важным психологическим рубежом — народ впервые вышел на улицы, почувствовав в себе достаточно сил для открытого противостояния диктатуре. Никакие полумеры не могли уже помочь, позиции правящей верхушки с каждой неделей ослабевали, кризис режима приобретал всё более угрожающий характер для властей.

23 октября в знак солидарности с развернувшимся с середины октября в Польше массовым движением с требованием системных реформ и более равноправных отношений с СССР в Будапеште состоялась организованная студентами массовая демонстрация. Число её участников с каждым часом возрастало и постепенно достигло порядка 200 тысяч человек. Не удержавшись в рамках мирной митинговой акции, к вечеру она переросла в вооруженное восстание. При штурме здания радио, откуда восставшие собирались зачитать свои программные требования, пролилась кровь. Переломить ситуацию в городе не сумел и сохранявший пока еще кредит народного доверия коммунист-реформатор Имре Надь, обратившийся к народу на площади перед Парламентом. О том, что «оппозиционеры и реакция» активно подготавливают «перенесение борьбы на улицу», посол СССР в Венгрии Юрий Андропов сразу информировал Кремль. Президиум ЦК КПСС заседал на протяжении многих часов, получая все новую и новую информацию о происходящем в Венгрии. Поздно вечером после некоторых дискуссий принимается решение о вводе в Будапешт танковых частей дислоцированного в Венгрии особого корпуса Советской армии, главным образом в целях устрашения восставшей толпы. Происходит перемещение на территорию Венгрии и новых воинских соединений из СССР. Всё это, однако,

возымело обратный эффект. Начиная с раннего утра 24 октября суть событий определял уже не стихийный выброс накопившейся энергии протеста против доморощенной коммунистической диктатуры, а всплеск патриотических настроений, вызванный силовым вмешательством соседней державы во внутренние дела страны. Набирающее обороты восстание приняло отчетливо выраженную национальную окраску, охватив при этом всю Венгрию. Повсеместно формируются повстанческие отряды, возникают новые очаги сопротивления. Как в центре, так и на местах в считанные дни распадаются действующие партийно-государственные структуры, власть переходит к стихийно формировавшимся революционным комитетам, а на производстве — к рабочим советам, требовавшим немедленного вывода советских войск, отпуска сил госбезопасности, широкой политической демократизации. Вышел на поверхность и деклассированный, люмпенский элемент, но главную движущую силу восстания составил не он, а молодежь рабоче-крестьянского происхождения, получившая хорошую военную подготовку в условиях антиюгославской истерии начала 1950-х годов. Коммунистический режим вкладывал большие средства в обучение молодежи воинским навыкам и по иронии судьбы сам готовил себе могильщика.

В программных выступлениях разнородных политических движений, поднимавшихся снизу, подчеркивался революционный характер всего происходившего, выискивалась преемственность и проводились параллели с венгерской революцией 1848–1849 годов. Национально-освободительная риторика в то же время сочеталась с приверженностью социалистическим ценностям, призывы к возвращению национализированной собственности прежним владельцам заняли достаточно маргинальное положение в программных требованиях восставших.

К концу октября в Венгрии возрождается многопартийность, первым делом восстанавливаются партии демократической коалиции 1945–1948 годов, которые были вытеснены из политической жизни под прессом коммунистической диктатуры. Правящая Венгерская партия трудящихся распадается, сторонники коммунистического выбора провозглашают создание новой, Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП), объявившей о своем полном отказе от сталинских методов. Имре Надь, 24 октября вновь

возглавивший правительство, вскоре осознал невозможность разрешения кризиса с помощью внешней военной силы. Венгерский патриот в конце концов окончательно победил в нем послушного партийца. 28 октября он признал законность требований повстанцев о выводе советских войск с территории страны и проведении свободных выборов. Было объявлено о повсеместном прекращении огня, ликвидации управления госбезопасности. Правительство реорганизуется на коалиционной основе. Его программа была нацелена на установление равноправных отношений с СССР и вместе с тем принципиально не предусматривала денационализации государственной собственности (только роспуск сельхозкооперативов), а тем более отказа от выполнения Венгрией своих союзнических обязательств перед СССР.

Президиум ЦК КПСС должен был параллельно заниматься разрешением сразу двух восточноевропейских кризисов — польского и венгерского, к которым прибавился ещё и ближневосточный (в конце октября Великобритания и Франция при содействии Израиля предприняли военные действия против Египта, национализировавшего летом 1956 года Суэцкий канал и не склонного идти на уступки). В отношении венгерского кризиса вначале доминировала идея вооруженного подавления, однако в дальнейшем возобладала тактика выжидания, на протяжении ряда дней шли поиски политических методов с учетом опыта разрешения кризиса в Польше, где оказалось эффективным политическое урегулирование, без силового вмешательства. Сдвиг вправо там был предотвращен, коммунисты сохранили власть, Польша продолжала оставаться союзником СССР. Удача мирного варианта развития в Польше, равно как и очевидная неэффективность военной акции в Венгрии, где ввод советских войск лишь подлил масла в огонь, заставили лидеров СССР (это показывают записи каждодневных заседаний партийного руководства) всерьез взвесить возможности мирного, политического урегулирования венгерского кризиса, лишь обострившегося после применения военной силы. При этом осознавались пределы уступок: в сложившихся условиях Москве уже казались приемлемыми вывод советских войск из Будапешта, включение в правительство (в целях расширения его социальной базы) деятелей из крестьянских партий 1945–1948 годов и даже признание справедливости многих

требований восставших. Но совершенно недопустимы были утрата коммунистами власти, уход их в оппозицию.

Информация, ежечасно поступающая из Венгрии, вела к разочарованию руководства СССР в мирной тактике, в возможностях удержания ситуации под контролем политическими средствами. Вывод советских войск из Будапешта не привел к умиротворению, напротив, за ним последовал всплеск насилия на улицах города. В этих условиях 31 октября было принято решение о подготовке крупномасштабной военной операции, направленной на смену правительства в Венгрии. Главным аргументом в пользу ее осуществления была видимая неспособность правительства Имре Надя к овладению ситуацией, удержанию власти под контролем, что было равнозначно перспективе ухода коммунистов в оппозицию (особенно в случае проведения объявленных свободных выборов).

Принятию в Москве силового решения благоприятствовала международная обстановка. Администрация тогдашнего президента США Дуайта Эйзенхауэра дала знать руководству СССР о своей незаинтересованности во внутренних делах страны советской сферы влияния, которая не могла рассматриваться в качестве потенциального союзника Вашингтона. Что же касается антисоветской пропагандистской риторики, проявившейся в деятельности радиостанций, контролируемых США, то в Москве не были склонны придавать ей слишком большое значение. В Кремле исходили из очень малой вероятности серьезного конфликта с США, тем более в условиях Суэцкого кризиса, создавшего весьма благоприятный внешнеполитический фон для осуществления советской акции (не только потому, что несколько отвлекал мировое внимание от венгерских дел, но и потому, что нападение Великобритании и Франции на Египет не получило одобрения США и тем самым впервые в истории отчетливо проявились противоречия между странами-членами НАТО). Показательны в этой связи слова Хрущева на заседании Президиума ЦК КПСС: «большой войны не будет». За силовое разрешение венгерского кризиса высказались коммунистические лидеры Китая, стран-союзниц СССР по Варшавскому договору (кроме Польши), а также (с оговорками) нейтральной Югославии. Как явствует из записей высказываний Хрущева на заседаниях Президиума ЦК КПСС, демонстрация

Советским Союзом своей державной мощи в условиях, когда возникла реальная угроза власти коммунистов в союзнической стране, стала бы наилучшим опровержением бытующих кое-где в мире, да и дома представлений об ослаблении СССР после смерти Сталина. Именно так эта акция, по мнению советского лидера, будет воспринята как за рубежом, так и в самой стране. В случае же невмешательства, говорил Хрущев, мы, напротив, «проявим слабость своих позиций. Нас не поймет наша партия».

1 ноября 1956 года в знак протеста против ввода новых войск из СССР Имре Надь от имени правительства декларировал выход Венгрии из Организации Варшавского договора и обратился в ООН с просьбой о защите суверенитета страны. Это обращение, однако, не возымело действия. Рано утром 4 ноября правительство было свергнуто в результате наступления советских войск на Будапешт, сам же Имре Надь вместе с группой соратников нашел убежище в югославском посольстве, но позже был депортирован в Румынию и возвращен в Венгрию в 1957 году, чтобы предстать перед судом по надуманным обвинениям. В течение нескольких дней было подавлено вооруженное сопротивление повстанцев, в течение месяца свернута деятельность рабочих советов, пытавшихся выступать в роли центра оппозиции. Новое правительство Яноша Кадара, образованное в Москве, восстановило при поддержке СССР однопартийную систему, Венгрия продолжала сохранять верность своим союзническим обязательствам. Свидетельства о первых неделях консолидации новой власти — пожалуй, одна из самых ценных глав в воспоминаниях Владимира Сергеевича Байкова. Читатель может получить некоторое представление о формах и масштабах общественного сопротивления оккупационной силе, о методах, практиковавшихся в чужой стране сотрудниками КГБ, о том, какова была реальная роль советской военной администрации в первые две-три недели после подавления революции: глава правительства настолько не был хозяином положения в собственной стране, настолько не контролировал ситуацию, что даже его свободные поездки по городу без переводчика, способного объясниться с патрулями Советской Армии, были, по сути, невозможны. Читатель может задуматься и над тем, насколько акции организованного саботажа мешали налаживанию нормальной экономической жизни в Венгрии ноября-декабря 1956 года.

При всей неоднозначности венгерских событий, показавших миру не только реформаторские искания сторонников более гуманного социализма, но и явные акты вандализма разъяренной толпы, неправое силовое свержение действующего венгерского правительства было плохо воспринято в мире — как отступление от декларированной на XX съезде программы подлинного обновления социализма, как возвращение к сталинским методам внешней политики. От СССР отходят многие симпатизанты в разных странах мира, наблюдается массовый выход из западных компартий.

Можно много говорить о международном значении венгерской революции. Заметим здесь лишь, что уроки из нее должны были извлечь все вовлеченные стороны и даже просто сторонние наблюдатели тех событий. Став очень серьезным вызовом для советского руководства, венгерское восстание поставило со всей очевидностью вопрос об эффективности прежней восточноевропейской политики СССР. Москве пришлось внести в эту политику определенные коррективы. После 1956 года в Кремле (если не возникало чрезвычайных обстоятельств) отказываются от грубых форм диктата в отношении союзников. Для того, чтобы укрепить пошатнувшееся единство лагеря, Советскому Союзу пришлось списать им кое-какие долги и предоставить выгодные кредиты. Отчасти именно вследствие венгерского кризиса экономические отношения СССР со странами Восточной Европы стали строиться отныне на более взаимовыгодной, партнерской основе, нежели это было в первой половине 1950-х годов.

В Вашингтоне, в свою очередь, поняли, что успешность советской акции в Венгрии наилучшим образом подтверждает прочность биполярной системы международных отношений: возможности как СССР, так и США вмешиваться во внутренние дела страны, относящейся к противоположному блоку, весьма ограничены. Именно потому, что большой войны никто не хочет. Тысячи венгров, надеявшихся осенью 1956 года на американскую помощь, вопреки обещаниям радиостанции «Свободная Европа» этой помощи так и не получили. Впоследствии этот урок не могли не учитывать чехословацкие реформаторы 1968 года, их единомышленники в других странах Восточной Европы, включая и саму кадровскую Венгрию (правда, как показали события Пражской весны, верность чехословацких реформаторов 1968 года союзническим

обязательствам перед СССР также не уберегла страну от силового вмешательства в ее внутренние дела). Да и сам Вашингтон под влиянием венгерских событий корректирует не только свою риторику, но и всю внешнеполитическую доктрину. На место явно несостоятельной концепции «освобождения» Восточной Европы от коммунизма, с которой выступала администрация Дуайта Эйзенхауэра, приходит куда более реалистическая концепция «наведения мостов».

Можно с полным правом говорить и о влиянии венгерской революции на внутривосточную ситуацию в СССР. Страх перед развитием событий по венгерскому «сценарию» в случае утраты партийным руководством тотального контроля над ходом реформ сформировал в сознании советской партократии своего рода «венгерский синдром», еще более ограничивавший и без того весьма лимитированный реформаторский потенциал хрущевского, а затем и брежневского социализма. Этот страх был живуч в Кремле по крайней мере до тех пор, пока был жив Юрий Андропов, непосредственный очевидец тех событий. Все это, конечно, сдерживало процессы десталинизации советского общества. Уже с конца 1956 года руководство страны начало принимать меры перестраховочного характера, призванные блокировать возможное развитие внутривосточных процессов по «венгерскому варианту». Начинаются гонения на либеральную интеллигенцию, извлекающую «не те» выводы из решений XX съезда. В мае 1957 года на встрече с творческой интеллигенцией Хрущев призывал своих собеседников не играть со спичками и дал понять, что устраивать «кружки Петёфи» здесь никому не позволяют.

Как бы то ни было, наиболее существенны последствия осени 1956 года были, разумеется, для самой Венгрии. Причем, как это ни парадоксально, сам коммунистический режим, связанный с именем Яноша Кадара, стал, по сути, плодом революции 1956 года, завоеванным нацией в суровой борьбе и политым кровью не одной тысячи жертв.

Кем был Янош Кадар, несколько идеализируемый автором, на наш взгляд, главный герой книги Владимира Байкова, человек, рядом с которым он находился не один месяц и свидетельства о котором представляют огромную ценность для историков и всех, кто хочет понять особенности развития Венгрии во второй половине

XX века? Что представлял собой политический режим, известный всему миру по имени человека, 32 года стоявшего во главе Венгрии, как специфическая венгерская, кадаровская модель социализма?

Ветеран венгерского подпольного коммунистического движения, Кадар был в конце 1940-х годов заместителем «венгерского Сталина», генерального секретаря партии Матьяша Ракоши. Заподозрив в нем опасного конкурента, Ракоши задумал его устранение, посадив его на основании ложных обвинений в тюрьму, откуда Кадар сумел выйти только после смерти Сталина и снова включился в политику. В ноябре 1956 года на долю Кадара выпала неблагодарная миссия выступить в роли советской марионетки, главы правительства, приведенного к власти на советских штыках и пользовавшегося крайней непопулярностью в народе. Он сам приехал в Будапешт в советском танке, сидя там, рядом с выделенным ЦК КПСС переводчиком и референтом Владимиром Байковым. В 1957–1960 годах были предприняты жестокие репрессии против активных участников восстания: только смертных приговоров было вынесено около 230. Имре Надь, отказавшийся пойти на компромисс с новой властью, был приговорен к смертной казни по обвинениям в антигосударственном заговоре и казнен в июне 1958 года, что еще более ухудшило международный имидж кадаровской Венгрии, способствовало ее внешнеполитической изоляции.

Казнь Имре Надя, преследования тысяч людей за участие в событиях 1956 года легли на Кадара несмываемым пятном позора. Однако с начала 1960-х годов его режим, воспринимавшийся многими в мире как одиозный, претерпевает эволюцию. По мере консолидации политической обстановки менялась и тактика властей, стремившихся обрести внутренние опоры устойчивости, не зависящие от присутствия в стране советских войск. Предпринимаются попытки «наведения мостов» к венгерской нации. Было амнистировано большинство осужденных и переживших репрессии участников революции 1956 года, что вызвало позитивный отклик в мире: венгерский вопрос в 1963 году был снят с повестки дня ООН, кадаровская Венгрия выходит из внешнеполитической изоляции. С каждым годом улучшалось экономическое положение в стране, рос жизненный уровень населения, во многом благодаря продуманной, учитывавшей материальную заинтересованность

крестьян аграрной политике. Открытость контактам с Западом и некоторая либерализация проявились в культурной политике, что способствовало оживлению духовной жизни.

На фоне оптимистических общественных ожиданий коммунист-прагматик Янош Кадар выдвигает свой знаменитый программный лозунг «Кто не против нас, тот с нами», провозглашавший национальное единство, согласие и примирение на определенной компромиссной платформе. Компромисс был взаимным — власти требовали от граждан минимума конформизма, отказа от политической активности (которая легко могла стать оппозиционной) и соблюдения ряда табу в обмен не только на гарантированный растущий достаток, но и право неплохо зарабатывать. Известный бухаринский лозунг 1920-х годов «Обогащайтесь!» получил наиболее законченное воплощение в условиях реального социализма именно в кадаровской Венгрии. Венгерское общество, уставшее от материальных лишений и духовных травм минувших десятилетий, заинтересованное в стабильности и спокойствии, готово было принять эти правила игры: политическая активность сознательно приносилась большинством граждан в жертву растущему материальному благополучию.

Убеждаясь в прочности «социалистических завоеваний» в кадаровской Венгрии, Москва, в свою очередь, была готова предоставить лидеру ВСРП больше простора во внутренней политике. Воспользовавшись этим, Кадар в 1968 году приступил к реформе экономического механизма. Реформа предполагала расширение самостоятельности предприятий, предоставление некоторого простора частной инициативе, более широкое применение материальных стимулов в экономике, которым Кадар и его команда всегда отдавали предпочтение перед любыми другими стимулами. Показательны в этой связи программные высказывания Кадара о «естественном праве людей завтра жить лучше, чем сегодня», и о том, что «народ существует не для того, чтобы опробовать на нем марксизм». Венгерский лидер надеялся, что реализация его реформаторских планов придаст свежие силы венгерскому социализму. Но события развивались иначе, чем он хотел. Верный своим обязательствам перед союзниками по Организации Варшавского договора, Кадар в августе 1968 года согласился с участием Венгрии в подавлении Пражской весны. При этом он надеялся на спасение

собственной реформы. Вслед за ноябрем 1956 года август 1968 года не только стал новой демонстрацией прочности биполярной ялтинско-потсдамской системы, он еще раз напомнил венграм об ограниченном суверенитете их государства в условиях его принадлежности к советскому блоку. Попытка же спасти реформы ценой такого компромисса не удалась, они были свернуты как в результате внутренних трудностей и противоречий, так и вследствие не прекращавшегося советского давления. И в этом заключалась новая жизненная драма Яноша Кадара.

Как бы то ни было, в 1970-е годы Янош Кадар, умеренный коммунист-прагматик, персонифицировавший собой относительно благополучную социалистическую страну, ставшую на какое-то время витриной советского блока, был довольно популярен в мире, на Западе о нем писали как о политике, которому надолго удалось примирить общество с коммунистическим режимом в своей стране. Западное общественное мнение, и не только левое, было зачастую склонно идеализировать венгерского лидера. Так, казнь Имре Надя приписывали почти исключительно давлению Москвы, и только в начале нынешнего века наступила пора демифологизации (кстати, в скобках заметим, что реальная роль Кадара в репрессиях конца 1950-х годов несколько смазывается и в воспоминаниях В. С. Байкова). Как явствует из опубликованной в это время записи заседания Президиума ЦК КПСС от 5 февраля 1958 года, Кадару в совершенно недвусмысленной форме предлагалось проявить не только твердость, но и великодушие — не доводить суд над Имре Надем до смертного приговора. Дело было, впрочем, как представляется, не в гуманизме советских лидеров, а в том, что смертный приговор испортил бы на Западе впечатление от советских мирных инициатив. В действиях же Кадара была своя логика, он слушался тогда Москву, и не только под давлением собственных сталинистов, которых жестким приговором Имре Надю он навсегда разоружил. Имре Надь, отказавшийся признать новую власть, самим своим существованием воплощал живую политическую альтернативу и напоминал бы до конца своих дней венгерской нации о нелегитимности прихода Кадара к власти. В силу этого он был крайне неудобен для наиболее либерального и просвещенного из коммунистических диктаторов Восточной Европы.

С конца 1970-х годов кадаровское правление медленно, но неотвратимо вступало в полосу кризиса. Общественный договор между обществом и властью выполнять было с каждым годом все труднее. Исчерпываются внутренние ресурсы, при неэффективной социалистической экономике растет внешний долг. Усиливается общественное недовольство, возникают первые оппозиционные структуры, самиздат, а следом за этим усиливается и административный пресс властей. В книге Владимира Байкова Янош Кадар (вспомним хотя бы живо написанную главу о его ознакомительной поездке во главе делегации венгерских партработников на Донбасс в 1955 году) предстает как партийный функционер плоть от плоти рабочего класса, знающий пролетариат изнутри и умеющий излагать любые свои идеи на доступном рабочим языке. И можно понять, насколько волновала его, в свете событий польской «Солидарности», перспектива утраты доверия к себе и своему правлению основной массы пролетариата.

Специфика кадаровского режима позволила сделать в конце 1980-х годов более плавным переход от монополии коммунистов на власть к иным формам правления. Но результат, однако, мало чем отличался от того, что произошло в других странах Восточной Европы. День смерти Кадара 6 июля 1989 года символическим образом совпал с полной юридической реабилитацией его политического оппонента Имре Надя, который не был, в отличие от Кадара, сильным политиком-практиком, но чье идейное наследие было широко востребовано в эпоху смены систем.

Воспоминания В. С. Байкова интересны среди прочего тем, что проливают свет на некоторые особенности взаимоотношений Кадара с советскими лидерами — Никитой Хрущевым, Михаилом Сусловым, а также в то время послом, но будущим политическим тяжеловесом Юрием Андроповым. Хрущеву, судя по всему, Кадар сразу приглянулся на встречах, состоявшихся в напряженной обстановке начала ноября 1956 года, и ставку на него он сделал серьезно. Об этом можно судить и по тому, что на заседаниях Президиума ЦК КПСС он защищал Кадара от нападок Молотова и Ворошилова, высказал даже сожаление, что этого человека недооценили в июле, когда решался вопрос о преемнике Ракоши. Однако окончательно и бесповоротно вопрос о Кадаре как фигуре отнюдь не переходной был решен в марте-апреле 1957 года, когда Президиум ЦК

принял специальное постановление о нейтрализации утратившего доверие советских лидеров Ракоши, активно работавшего против новой будапештской власти, настраивавшего против нее венгерских коммунистов, бежавших в ходе событий осени 1956 года в СССР. Известно, что Кадар сохранял ответные симпатии к Хрущеву и даже, узнав в октябре 1964 года о его снятии, не преминул сказать в публичном заявлении, что удивлен вестью, пришедшей из Москвы: решать о том, кто встанет во главе КПСС — конечно, внутреннее дело этой партии, однако венгерский народ знает товарища Хрущева прежде всего с позитивной стороны... Для того чтобы устранить возникшую после этого в отношениях Кадара с новым, брежневским руководством КПСС напряженность, понадобился приезд в Венгрию на охоту зимой 1965 года первых лиц советского государства — Леонида Брежнева, Алексея Косыгина, Николая Подгорного.

Что касается Юрия Андропова, то в мемуарах людей, с ним работавших (включая академика Георгия Арбатова, профессора Фёдора Бурлацкого), получил хождение миф о том, что Кадар был чуть ли не креатурой Андропова, хотя еще в конце 1990-х годов в сборнике документов «Советский Союз и венгерский кризис 1956 года» были опубликованы донесения Андропова в ЦК и МИД, свидетельствующие о том, что посол поначалу откровенно настраивал против Кадара официальную Москву, а его предполагаемую кооптацию в ЦК ВПТ и восстановление в Политбюро расценивал как «серьезную уступку правым и демагогическим элементам». В Кремле настолько серьезно отнеслись к одному из донесений Андропова на эту тему, что оно стало в начале мая 1956 года предметом обсуждения на Президиуме ЦК КПСС и в результате в Будапешт для изучения на месте положения дел был командирован Михаил Суслов, который в отличие от посла не увидел угрозы в политической активизации Кадара (В. С. Байков, переводивший беседу Суслова с Кадаром, подробно описывает ее). И позже, после избрания Кадара в июле 1956 года в Политбюро, он явно (судя по донесениям Андропова и его подчиненных, опубликованных в вышеупомянутом сборнике) дистанцировался от советского посольства, не относился к кругу постоянных собеседников Андропова. Лишь только после того, как в начале ноября Кадар оказался во главе ВСРП и правительства, между ним и советским послом,

впрочем, после этого проработавшим в Будапеште лишь считанные месяцы, устанавливаются корректные деловые отношения. Вопреки тому, что можно вычитать из некоторых не лишенных субъективности строк воспоминаний Байкова, деятельность советского посла в Венгрии, проявлявшего «когда надо» бдительность, «когда надо» — жесткость, но при этом сумевшего найти общий язык с новым руководством ВСРП и ВНР, была высоко оценена руководством СССР: уже через считанные месяцы после отъезда из Венгрии Андропов возглавил созданный специально под него новый отдел в аппарате ЦК КПСС — отдел по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Венгерские события стали для Андропова трамплином для головокружительного карьерного взлета, но это уже предмет другого разговора... Скажем лишь, что между Кадаром и Андроповым и дальше сохранялись нормальные корректные отношения вплоть до кончины Андропова в 1984 году.

В заключение следует еще раз констатировать: воспоминания Владимира Сергеевича Байкова будут с большим интересом прочитаны не только историками, но и всеми интересующимися новейшей историей Венгрии, а также политикой СССР в сфере советского влияния в Восточной Европе.

Александр Стыкалин,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН

Биографический справочник

Апро Антал (1913–1994) — деятель венгерской компартии. С 1946 г. на руководящих должностях в компартии, затем в Венгерской партии трудящихся. В ноябре 1956 г. вошел в правительство Я. Кадара, был членом Политбюро ЦК ВСРП, заместителем председателя Совета министров ВНР, председателем Госсовета ВНР.

Арань Янош (1817–1882) — великий венгерский поэт.

Ацел Тамаш (1921–1994) — писатель, в 1955–1956 гг. активист внутрипартийной интеллигентской оппозиции, группировавшейся вокруг И. Надя. В конце 1956 г. эмигрировал на Запад, был профессором Массачусетского университета, писал работы по истории венгерской революции 1956 г.

Герё Эрнё (1898–1980) — венгерский коммунистический политик. С 1919 г. активист венгерской компартии, после поражения Венгерской советской республики 1919 г. эмигрировал в Вену, с 1924 г. в эмиграции в СССР, выполнял поручения Коминтерна в разных европейских странах. Участник гражданской войны 1936–1939 гг. в Испании. После возвращения в ноябре 1944 г. в Венгрию входил в узкое руководство венгерской компартии (с июня 1948 г. Венгерской партии трудящихся), отвечал за экономическую политику партии, был заместителем генерального секретаря Центрального руководства ВПТ. Занимал ряд министерских постов, был заместителем председателя Совета министров. В июле 1956 г. сменил Ракоши на посту первого секретаря ЦК ВПТ и занимал эту должность до 25 октября. В конце октября 1956 г. выехал в СССР, где находился до 1960 г. В 1962 г. был исключен из ВСРП за злоупотребления властью в эпоху сталинизма.

Кадар Янош (1912–1989) — венгерский коммунистический политик. Из рабочих. С 1931 г. активист профсоюзного и подпольного коммунистического движения, подвергался арестам. В годы Второй мировой войны один из секретарей ЦК подпольной компартии Венгрии (в 1943–1944 гг. — партии мира). С 1945 г. — член Политбюро, в 1946–1951 гг. — зам. генерального секретаря Центрального руководства (ЦР) Венгерской коммунистической партии (с 1948 г. — Венгерской партии трудящихся). В 1948–1950 гг. — министр внутренних дел, участвовал в подготовке показательного суда по делу Райка (1949 г.). Весной 1951 г. с санкции лидера ВПТ М. Ракоши арестован органами госбезопасности по обвинению в сотрудничестве с хортистскими спецслужбами в годы войны, приговорен к пожизненному заключению. После освобождения и реабилитации летом 1954 г. занимал должности в партийном аппарате. В июле 1956 г. избран членом Политбюро и секретарем ЦР ВПТ, 25 октября, вскоре после начала всевенгерского восстания, — ее первым секретарем, 28 октября — председателем Президиума. После самороспуска ВПТ в конце октября стал одним из основателей Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП). 30 октября — 4 ноября 1956 г. — государственный министр в коалиционном правительстве Имре Надя. Вечером 1 ноября, отмежевавшись от Имре Надя, тайно выехал в Москву и вернулся в должности председателя просоветского Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства (до 1958 г.). Возглавил также Временный ЦК ВСРП. До мая 1988 г. стоял во главе ВСРП в качестве ее первого (с 1985 г. — генерального) секретаря, в 1961–1965 гг. был также председателем Совета министров ВНР. В 1988–1989 гг. занимал почетную должность председателя ВСРП.

Кишш Карой (1903–1983) — деятель венгерской компартии. Ветеран венгерского коммунистического движения. С ноября 1956 г. занимался созданием партийной структуры ВСРП, входил в Политбюро, в начале 1960-х годов отошел от политики из-за разногласий с Я. Кадаром.

Кошша Иштван (1904–1965) — экономист, функционер компартии. До 1956 г. занимал видные должности в профсоюзах и партаппарате. С октября 1956 г. — министр финансов в правительстве И. Надя, а затем в правительстве Я. Кадара.

Мадач Имре (1823–1864) — венгерский драматург и поэт, автор «Трагедии человека», выдающегося произведения мировой литературы.

Марошан Дёрдь (1908–1992) — деятель венгерского рабочего движения. Левый социал-демократ, сторонник объединения с коммунистами. С созданием в июне 1948 г. Венгерской партии трудящихся вошел в ее Политбюро. В 1950 г. репрессирован, в 1956 г. реабилитирован, в июле вновь вошел в Политбюро и стал заместителем председателя Совета министров ВНР. В ноябре 1956 г. вошел в правительство Я. Кадара, с 1957 г. — в Политбюро ЦК ВСРП, возглавлял будапештский горком партии. Критиковал политику Кадара слева и в 1962 г. из-за разногласий с ним демонстративно вышел из руководящих органов партии.

Миндсенти Йожеф (1892–1971) — архиепископ эстергомский, кардинал (1946), в 1945–1974 гг. — глава венгерской католической церкви (примас). В 1944 г. арестовывался нилашистами за противодействие посягательствам на церковное имущество. Во второй половине 1940-х годов выступал против провозглашения Венгрии республикой и ограничения позиций католического клира во всех областях общественной жизни. В декабре 1948 г. арестован коммунистической властью и в феврале 1949 г. приговорен к пожизненному заключению по фальсифицированным обвинениям. С лета 1956 г. находился под домашним арестом. После освобождения в конце октября 1956 г. из изоляции выступал с программными заявлениями, в наиболее полной мере отразившими позицию правоконсервативного фланга венгерской политической жизни. После советской интервенции 4 ноября получил политическое убежище в посольстве США. В 1971 г. по договоренности, достигнутой между правительством Венгрии и Ватиканом, выехал в Рим, последние годы жизни провел в Австрии. Оставил мемуары. В 1990 г. судебный приговор 1949 г. в отношении Миндсенти был отменен, а сам он перезахоронен в Венгрии.

Мюнних Ференц (1886–1967) — венгерский коммунистический политик. Член венгерской компартии с первых дней ее основания осенью 1918 г. Активист Венгерской Советской республики

1919 г., после ее подавления — в эмиграции в Вене, с 1922 г. в СССР. Участник гражданской войны 1936–1939 гг. в Испании. После возвращения в 1945 г. на родину был начальником полиции Будапешта, затем, в 1949–1956 гг., — на дипломатической работе, в том числе был послом в СССР и Югославии. Осенью 1956 г. — министр внутренних дел в правительстве И. Надя, 1 ноября вместе с Я. Кадаром тайно выехал в СССР, где принял участие в формировании нового, просоветского правительства, в котором занял посты вице-премьера, министра обороны и охраны общественного порядка. Был избран в высшие органы ВСРП — Временный Исполком, в 1957 г. — в Политбюро ЦК (до 1966 г.). В 1958–1961 гг. — председатель Совета министров ВНР.

Надь Имре (1896–1958) — венгерский коммунистический политик, экономист-аграрник. Участник первой мировой войны в составе австро-венгерской армии. С 1916 г. находился в плену в России, в 1918 г. вступил в РКП(б), участвовал в гражданской войне в Забайкалье. В 1921 г. направлен на нелегальную работу в Венгрию. В 1930–1944 г. — в эмиграции в СССР, работал в структурах Коминтерна, в том числе в Международном аграрном институте, в годы Второй мировой войны — в системе радиовещания на Венгрию. В декабре 1944 г. стал министром сельского хозяйства во временном национальном антифашистском правительстве Венгрии, руководил осуществлением антифеодальной аграрной реформы. В 1945–1949, 1951–1955 гг. — член Политбюро Центрального руководства (ЦР) ВКП (с 1948 г. ВПТ), занимал министерские посты в правительстве, в 1947–1949 гг. — председатель Национального (Государственного) собрания ВНР. С конца 1951 г. — зам. председателя Совета министров ВНР, с июля 1953 г. — председатель Совета министров. В апреле 1955 г. обвинен в «правом уклоне», снят со всех постов, в декабре 1955 г. исключен из партии по обвинению во фракционной деятельности. 13 октября 1956 г. восстановлен в ВПТ, а 24 октября, после начала восстания, вновь возглавил правительство, к концу октября трансформировавшееся в коалиционное. Вновь избран в Политбюро ЦР ВПТ, после ее самороспуска с 1 ноября — член Исполкома созданной ВСРП. После начала советской интервенции 4 ноября получил убежище в югославском посольстве в Будапеште,

отказавшись сотрудничать с правительством Я. Кадара, сформированным в СССР. При выходе из посольства 22 ноября арестован советскими военными властями и 23 ноября депортирован в Румынию. В апреле 1957 г. доставлен в Венгрию под конвоем. В июне 1958 г. на закрытом судебном процессе приговорен к смертной казни «за измену родине и организацию заговора с целью свержения народно-демократического строя». Казнен 16 июня 1958 г. В 1989 г. судебный приговор в отношении И. Надя был отменен.

Петер Габор (1905–1993) — деятель венгерской компартии. С начала 1930-х годов — участник подпольного коммунистического движения. С 1945 г. — возглавлял в Венгрии политическую полицию (с 1948 г. управление государственной безопасности). Активно участвовал в осуществлении массовых репрессий и фальсифицированных судебных процессов. В 1953 г. арестован, приговорен к пожизненному заключению (после пересмотра дела — к 14 годам лишения свободы). Амнистирован в 1960 г.

Петёфи Шандор (1823–1849) — великий венгерский поэт. Активный участник венгерской революции и национально-освободительной борьбы 1848–1849 гг. Погиб на поле боя при подавлении революции.

Райк Ласло (1909–1949) — деятель венгерской компартии. С начала 1930-х годов — в коммунистическом движении. Участник гражданской войны 1936–1939 гг. в Испании. В годы Второй мировой войны — один из руководителей коммунистического подполья в Венгрии. С 1945 г. — на руководящих постах в компартии (с 1948 г. в Венгерской партии трудящихся), член Политбюро, заместитель генерального секретаря. В 1946–1948 гг. — министр внутренних дел, затем — министр иностранных дел Венгрии. В конце мая 1949 г. арестован, а в сентябре предстал перед судом на показательном процессе, приговорившем его к смертной казни по сфальсифицированным обвинениям. Казнен в октябре 1949 г. Инициированный Ракоши и осуществленный при помощи советских советников суд над Райком, имевший широкий международный резонанс, дал Сталину повод для дальнейшего нагнетания антиюгославской кампании, возведения ее на новый виток

(от обвинений югославов в ревизионизме и национализме к коминформовской резолюции «Югославская компартия во власти шпионов и убийц»). В 1955–1956 гг. реабилитирован, а 6 октября торжественно перезахоронен.

Ракоши Матьяш (1892–1971) — деятель венгерского коммунистического движения и Коминтерна. Видный функционер Венгерской советской республики 1919 г., после ее подавления находился в эмиграции в Вене и Москве, в 1921 г. избран секретарем Исполкома Коминтерна. В 1924 г. направлен в Венгрию для руководства подпольным коммунистическим движением, арестован, приговорен к длительному сроку тюремного заключения. После вторичного заключения в 1934 г. жизнь Ракоши спасла кампания международного протеста, инициированная СССР. В период временного сближения СССР с хортистской Венгрией после заключения пакта Молотова-Риббентропа был в ноябре 1940 г. освобожден и получил возможность выехать в СССР (в обмен на трофейные знамена венгерской революционной армии, захваченные царским войском в 1849 г.). Стал фактическим лидером венгерской коммунистической эмиграции. По возвращении в 1945 г. в Венгрию был генеральным (первым) секретарем ЦР ВКП (с 1948 г. ВПТ). Ключевая фигура сталинистского диктата в Венгрии. С 1945 г. занимал должности в правительстве, в 1952–1953 гг. был председателем Совета министров ВНР. 18 июля 1956 г. освобожден с поста первого секретаря ЦР ВПТ, выведен из Политбюро, выехал в СССР. После восстания осени 1956 г. оказывал давление на руководство СССР в целях возвращения к власти, но не получил поддержки. По просьбе Кадара, настаивавшего на нейтрализации Ракоши, был выслан из Москвы — и с середины 1957 г. жил в СССР на правах политического ссыльного в Краснодаре, затем в Киргизии, в Арзамасе и Горьком, где и скончался. В 1962 г. был исключен из ВСРП за допущенные в конце 1940-х — начале 1950-х годов нарушения законности. Оставил мемуары.

Реваи Йожеф (1898–1959) — коммунистический публицист, в конце 1940-х — начале 1950-х годов главный идеолог коммунистического режима в Венгрии.

Фаркаш Михай (1904–1965) — деятель венгерской компартии. В 1930-е годы выполнял руководящие функции в Коммунистическом интернационале молодежи. С 1945 г. входил в узкое руководство венгерской компартии (с 1948 г. — Венгерской партии трудящихся), был членом Политбюро, заместителем генерального секретаря. В 1948–1953 гг. — министр обороны. Один из инициаторов дела Райка (1949 г.) и других фальсифицированных судебных процессов. Летом 1956 г. исключен из партии, в октябре арестован, а в 1957 г. приговорен к длительному сроку тюремного заключения за участие в массовых репрессиях. В 1960 г. амнистирован.

Содержание

Об авторе.....	3
Предисловие	5
Часть 1. Знакомство с Венгрией.....	7
Часть 2. Ученики.....	18
Часть 3. В представительстве Совинформбюро 1947–1950	21
Часть 4. Референт-переводчик.....	35
Часть 5. Знакомство с Яношем Кадаром (Донбасс – Днепропетровск).....	55
Часть 6. М. А. Суслов.....	66
Часть 7. Работа в Парламенте.....	70
Часть 8. Январь 1957 года	86
Часть 9. Охота	96
Часть 10. Кадар – Хрущев. Москва, Будапешт – встречи (весна 1958 года).....	102
Примечания	107
Венгрия эпохи социализма и ее отражение в воспоминаниях В. С. Байкова.....	120
Биографический справочник.....	141

Владимир Сергеевич Байков
1956
Венгрия глазами очевидца

Корректор *И. В. Миериньш*
Оригинал-макет *М. А. Гунькин*
Дизайн обложки *А. И. Тимофеев*

Подписано в печать 21.09.2016. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 9,5
Тираж 1500 экз. Заказ № 644

Издательство «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)622-01-23
По вопросам приобретения книг издательства
«Нестор-История» звоните по тел. +7 965 048 04 28

Издательство «Нестор-История» с 2003 года на рынке интеллектуальной литературы

Мы осуществляем весь цикл предпечатной подготовки:

- Набор текста
- Литературное редактирование
- Корректурa
- Изготовление оригинал-макета любой степени сложности

**Наличие собственной типографии
позволяет минимизировать затраты на изготовление тиража книги**

**Издательство помогает своим авторам
реализовать тираж через книготорговые организации**

Наши партнеры в Санкт-Петербурге:

- Санкт-Петербургский государственный университет
- Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
- Социологический институт Российской Академии наук
- Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской Академии наук (Санкт-Петербургский филиал)
- Санкт-Петербургский экономико-математический институт Российской Академии наук
- Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук
- Институт восточных рукописей Российской Академии наук
- Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук
- Институт лингвистических исследований Российской Академии наук
- Институт русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом)
- Санкт-Петербургский научный центр Российской Академии наук
- Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ
- Санкт-Петербургский Институт океанологии им. П.П. Ширшова Российской Академии наук (СПбФ ИО РАН)
- Академический университет – научно-образовательный центр нанотехнологий Российской Академии наук
- Международный банковский институт (АНО ВПО «МБИ») и другие организации

Наши партнеры в Москве:

- Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
- Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина
- Государственный музей А.С. Пушкина
- Политехнический музей
- Институт славяноведения Российской Академии наук
- Институт археологии Российской Академии наук
- Институт проблем рынка Российской Академии наук
- Институт экономики Российской Академии наук
- Институт общей генетики Российской Академии наук
- Институт Европы Российской Академии наук
- Институт российской истории Российской Академии наук
- Институт географии Российской Академии наук
- Институт содержания и методов обучения Российской академии образования
- Психологический институт Российской академии образования
- Государственный институт искусствознания
- Государственный музыкально-педагогический институт им. М.М. Ипполитова-Иванова
- Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук
- Московский государственный университет тонких химических технологий им. М.В. Ломоносова
- Академия сферы социальных отношений и другие организации

Обращайтесь к нам по телефонам:

Санкт-Петербург
+ 7(812)235 15 86
Москва
+7 (499)755 96 25
или

через форму обратной связи на нашем сайте nestorbook.ru

Все книги издательства «Нестор-История»

можно приобрести по адресу:

Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7, тел. +7(965)048-04-28

Москва, ул. 1-я Брестская, д. 62, 3-й этаж, тел. +7(499)755-96-25

(100 м от станции метро «Белорусская-Кольцевая»)

или заказать:

www.nestorbook.ru

По вопросам оптовой торговли обращайтесь:

Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7, тел. 8-965-048-04-28

ТД «Гуманитарная Академия», тел. (812)430-99-21, www.humak.ru

